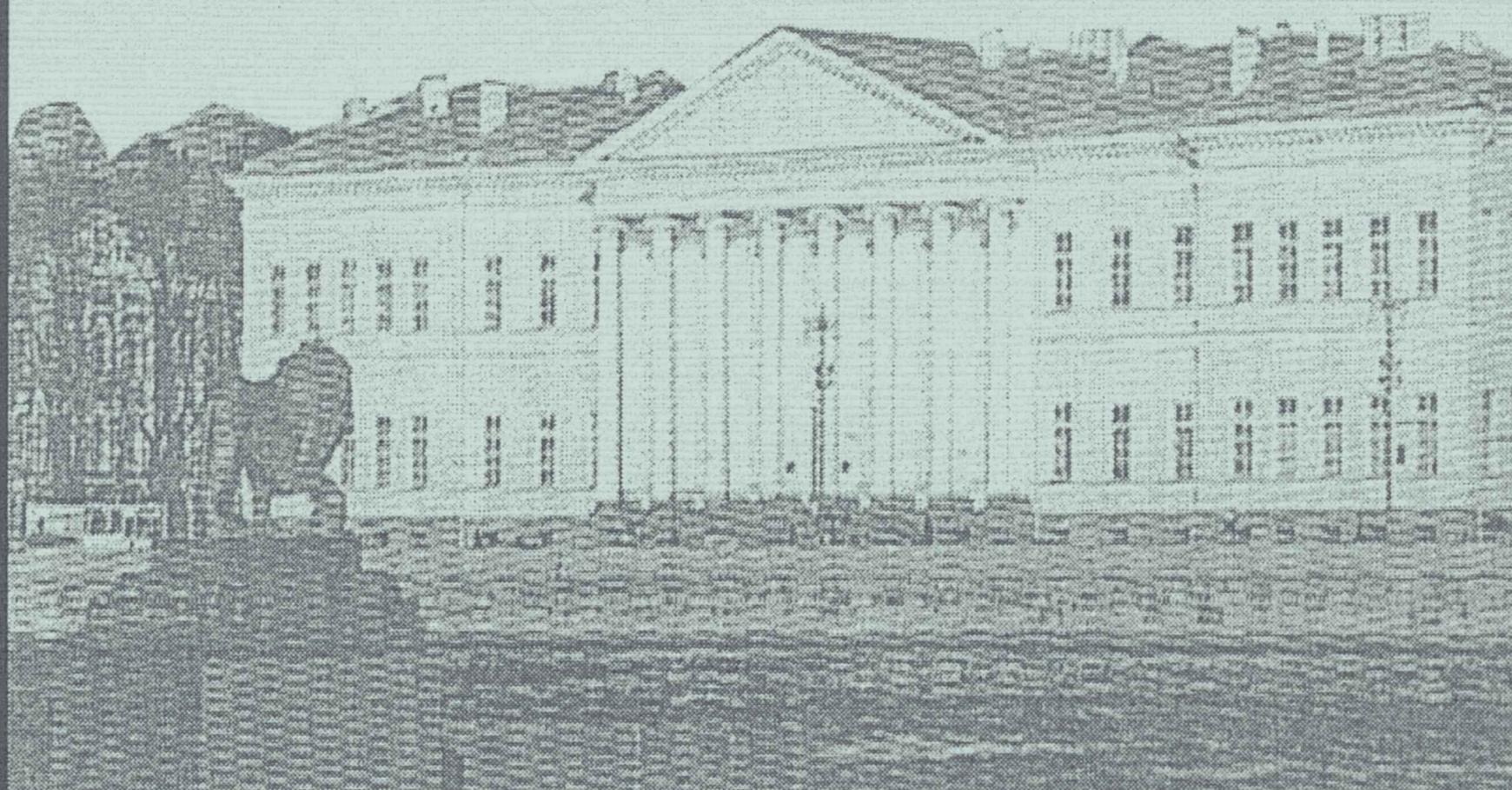

А. Н. Радищев:
русское и европейское
Просвещение

Александр Николаевич Радищев
(1749–1802)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ XVIII ВЕКА

**А. Н. РАДИЩЕВ: РУССКОЕ
И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ**

Санкт-Петербург

2003

УДК 882 (09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».
К 300-летию Санкт-Петербурга.

А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение. Материалы
Международного симпозиума, 24 июня 2002 г. / Санкт-Петербургский
научный центр Российской академии наук. СПб., 2003. – 158 с.

Редакционная коллегия:

Н. Д. Кочеткова (*отв. редактор*), Ю. А. Петросян, Э. А. Тропп,
Е. А. Иванова (*отв. секретарь*)

Финансовая поддержка симпозиума – Научная программа
Санкт-Петербургского научного центра РАН 2002 года

Компьютерный макет – Л. Г. Николаева

ISBN 5-86763-140-0

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2003

© Коллектив авторов, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
<i>Предисловие</i>	7
<i>И. З. Серман</i> Радищев и Ахматова.....	9
<i>А. А. Костин</i> Композиция и проблематика главы «Подберезье» «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.....	19
<i>М. Левитт</i> Диалектика видения в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева.....	36
<i>Н. Д. Кочеткова</i> Радищев и Мильтон.....	48
<i>А. О. Дёмин, А. А. Костин</i> Книги из библиотеки А. Н. Радищева.....	57
<i>И. Ю. Фоменко</i> Экземпляр книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» в библиотеке А. А. Аракчеева.....	90
<i>Н. Ю. Алексеева</i> К вопросу о предложенном Радищевым правиле чтения гекзаметра.....	99
<i>Л. А. Сапченко</i> Духовное завещание А. Н. Радищева (жанровый аспект проблемы).....	104

<i>М. М. Сафонов</i>	
А. Н. Радищев и «Грамота Российскому народу»	112
<i>Н. Л. Вершинина</i>	
Радищев и сатирико-нравоучительная традиция в русской прозе первой трети XIX века (Радищев и Пушкин)	142
<i>И. З. Серман</i>	
Несколько штрихов к портрету Г. А. Гуковского.	152
<i>Список сокращений</i>	156
<i>Сведения об авторах</i>	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петербург во все времена был и остается центром притяжения ученых, формирования научных школ, разработки новых идей и технологий. Столичность Санкт-Петербурга делала его центром образования, науки и культуры. За 300-летнюю историю города петербуржцы внесли и продолжают вносить огромный вклад в европейскую и мировую науку и культуру.

Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, входящий в его состав Объединенный научный совет по гуманитарным наукам и историко-культурному наследию провели к 300-летию города серию междисциплинарных конференций и симпозиумов на тему «Петербург в европейском пространстве науки и культуры». Первая такая конференция прошла в 2001 г.

В 2002 году состоялась вторая конференция, которая включала: симпозиумы «Радищев: русское и европейское Просвещение», «Вклад ленинградских – петербургских ученых в развитие экономической науки», второй симпозиум «Петербургские фрагменты научной картины мира» и второй симпозиум «Петербург на философской карте мира». По материалам конференции подготовлены четыре сборника научных трудов. В данный том вошли научные доклады, заслушанные на симпозиуме «А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение», посвященном 100-летию со дня рождения Г. А. Гуковского (1902–1950).

24 сентября 2002 года исполнилось 200 лет со дня смерти Александра Николаевича Радищева, выдающегося общественного деятеля, писателя, теоретика литературы, философа, историка. Всем известна его трагическая судьба. Несмотря на запреты, крамольная книга «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) постоянно привлекала к себе внимание мыслящих людей с самого момента своего появления. Научное изучение всего наследия Радищева фактически стало возможно лишь в XX столетии. В этом отношении много сделали такие ученые, как В. П. Семенников, Г. А. Гуковский, П. Н. Берков, Г. П. Макогоненко, Ю. М. Лотман, В. А. Западов, А. И. Старцев, А. Г. Татаринцев, Э. Хексельшнайдер, П. Гофман и другие. Была детально изучена биография писателя, круг его общения; появились научные издания его произведений, сопровождаемые обширными комментариями; успешно исследованы разные аспекты его творчества.

О Радищеве существует огромная литература, и вполне понятно, что на многих работах, особенно появившихся в 1940–1950-е годы, лежит печать своего времени: в соответствии с укоренившимися социологическими оценками писателя характеризовали прежде всего как революционера, материалиста, реалиста. Закономерной реакцией в годы перестройки стало преимущественное внимание к тем деятелям отечественной культуры, чье мировоззрение объявлялось ранее реакционным (показательно плодотворное изучение за последние годы деятельности Карамзина). Но именно теперь, когда пересматриваются устаревшие схемы и предвзятые суждения, особенно важно вновь обратиться к творчеству Радищева, замечательному писателю, отличавшемуся своей широкой европейской образованностью и вместе с тем творческой самобытностью, человеку, обладавшему необычайной силой духа и, по выражению А. С. Пушкина, «рыцарской совестливостью».

Настоящий сборник содержит и новые материалы, и новые подходы к изучению творчества Радищева. В статье И. З. Сермана впервые обращено внимание на переводы написанных по-французски писем Радищева, осуществленные А. А. Ахматовой. В ряде других статей показано, насколько сложно и подчас противоречиво творчество писателя, как богаты и разнообразны его связи с европейской культурой и национальными традициями (статьи Н. Ю. Алексеевой, Н. Л. Вершининой, А. А. Костина, Н. Д. Кочетковой, М. Левитта, Л. А. Сапченко). Ценный материал для дальнейших исследований представляют разыскания по выявлению и идентификации книг из библиотеки Радищева, предпринятые А. О. Деминим и А. А. Костиним. Неизвестный ранее факт из истории радищевской книги «Путешествие из Петербурга в Москву» содержится в статье И. Ю. Фоменко. Новое решение давней проблемы атрибуции «Грамоты российскому народу» предложено М. М. Сафоновым. Отдельные интерпретации и суждения участников издания могут показаться спорными, но редколлегия сохраняет право каждого автора высказывать и аргументировать свою точку зрения.

Цитаты из произведений Радищева даются по «Полному собранию сочинений» (М.; Л., 1938–1952. Т. 1–3) и по подготовленному В. А. Западковым в серии «Литературные памятники» изданию «Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность» (СПб., 1992); в особых случаях – по другим изданиям. Поскольку, в зависимости от проблематики статьи, преимущественное число цитат связано то с одним, то с другим изданием, система сокращения ссылок при цитировании радищевского текста проводится в пределах каждой статьи отдельно. Сверка французского текста была осуществлена А. О. Деминим.

Сборник подготовлен при деятельном участии Сектора по изучению русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН и Российского общества по изучению XVIII века.

РАДИЩЕВ И АХМАТОВА

И. З. Серман

Два имени, которые никогда не приходят вместе. И все же я решаюсь показать, как неожиданно они встретились, и встреча эта оказалась не случайной, а подготовленной сплетением судеб через века. Конечно, Анну Андреевну не постигла судьба тех, о ком она написала «Реквием», но судьба сына, но гибель друзей, страдания и гибель поэтов – все это выпало ей на долю в полной мере.

Ольга Берггольц и Г. П. Макогоненко принадлежали к тому небольшому кругу ленинградских литераторов, которые после знаменитого постановления 1946 года, бесстыдно ошельмовавшего Анну Андреевну, продолжали ее поддерживать и, как могли, помогали материально. Одно из писем Ольги Берггольц дает представление о той любви, которую она испытывала к Анне Андреевне. Б. Л. Пастернаку она писала: «А. Ахматова была у меня дня через два после моего приезда – она как раз в тот день получила деньги, о которых ты спрашивал, – мы пообедали очень весело, и как-то все получилось вкусно и хорошо. Она была в том легком состоянии духа, которое я у нее особенно люблю, и я читала ей кусочки из твоего письма, относящиеся к ней (ты не сердись на меня, ты ведь, наверное, просто не представляешь, что для нее значит любое твое слово о ней, и мне хотелось доставить ей радость)»¹.

Г. П. Макогоненко так вспоминал о своем замысле пригласить Анну Андреевну принять участие в работе над однотомником Радищева: «В августе 1949 года исполнялось двести лет со дня рождения А. Н. Радищева. К этой дате я готовил однотомник его избранных сочинений. Помимо прозаических и поэтических произведений Радищева, я решил включить материалы следствия по его

¹ *Вспоминая Ольгу Берггольц / Сост. Г. М. Цурикова, М. С. Кузьмичев. Л., 1979. С. 564. Письмо от 20 сентября 1948 г.*

делу и письма его из сибирской ссылки А. Р. Воронцову. Большая часть этих писем писалась по-французски. Переводов до сих пор не существовало.

Для этой работы я рассчитывал пригласить Анну Андреевну. Она, внимательно выслушав мое предложение, решительно отказалась, ссылаясь на трудности. Французский литературный язык XVIII века ей мало известен, а тут еще нужно дать его русский вариант. «Да и кто меня напечатает?» – заключила она вопросом свой отказ. Я продолжал уговаривать Анну Андреевну, заверяя, что хлопоты, связанные с публикацией, я беру на себя»².

Прерываю воспоминания Георгия Пантелеймоновича для необходимого психологического комментария. Зная его хорошо, я мог себе представить, как трудно было Г. П. Макогоненко (ведь это была его идея – привлечь Ахматову к переводу писем Радищева из ссылки) уговорить гослитиздатовских чиновников согласиться на участие Ахматовой в издании Радищева. Но дело в том, что у Г. П. Макогоненко была своя теория обращения с чиновниками средне-номенклатурного разряда. Он с горячей убежденностью говорил мне: «Чиновник, ведь он тоже человек, и надо к нему подходить как к человеку», – не ручаюсь за точность слов, но за смысл ручаюсь. Видимо, и тут его подход себя оправдал.

Но, кроме чиновников, надо было преодолеть сопротивление Анны Андреевны: «В итоге переговоров пришли к компромиссному решению: я оставлял Анне Андреевне двенадцатый том архива Воронцова, где были опубликованы письма Радищева. Только после знакомства с ними пусть будет дан ею окончательный ответ.

Через неделю Анна Андреевна позвонила.

– Я решила, – сказала она.

В марте 1949 года Анна Андреевна вручила мне рукопись своего перевода.

– Прочтите хотя бы мой первый перевод – письмо Радищева из Тобольска. Я избегала модернизации и пыталась сохранить стиль Радищева. Прочла «Путешествие». Там, рассуждая о стиле своей оды «Вольность», он признавал, что трудность и негладкость стиха порождались стремлением передать таким образом трудность самого действия, рождения мысли. То же и в письмах.

Я прочел начало: «Уже несколько дней, как сердце мое, если можно так выразиться, истерзанное мукой, расширилось и открылось для радости: мой бездейственный разум, кажется, снова может вернуть себе немного силы. Мой добрый друг, моя сестра, 2-го сего месяца прибыла сюда с двумя моими малолетними детьми и в сопровождении моего брата. Значит, было суждено, что стечением обстоятельств, почти неизъяснимых для меня самого, доведенный до

² Макогоненко Г. П. Из третьей эпохи воспоминаний: Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 278.

края пропасти, что говорю я, до края, поглощенный пучиною, тем более ужасною, что она грозила мне угасанием чувства, я оказался внезапно выплывшим из бездны и способным еще приблизиться к кумиру рода человеческого – к счастью, коему всякий придает свою форму, воображением своим либо украшая его цветами, либо окружая его кинжалами или ядом. Способен ли я к счастью? Да, милостивый государь мой, я способен».

– Правда, интересно, – сказала Анна Андреевна, когда я кончил читать. – Человек, приговоренный к медленной гибели в далеком остроге Сибири, утверждает, что он еще может быть счастлив. Удивительный характер! Спасибо вам за предложение, – мне было приятно работать»³.

Вот тот французский текст, который перевела Анна Андреевна:

«Depuis quelques jours mon coeur criblé, pour ainsi dire, de douleur semble se dilater et se rouvrir à la joie; mon esprit inactive paraît pouvoir encore reprendre un peu de vigueur. Ma bonne amie, ma soeur est arrivée ici le 2 de ce mois avec mes deux petits enfants, accompagnés de mon frère. Il était donc dit, qu'emmené par un concours de circonstances inexplicables presque à moi-même jusqu'au bord du précipice, que dis-je au bord, abîmé (в тексте ПСС: abimé – И. З.) dans un gouffre d'autant plus affreux qu'il me menaçait d'une extinction du sentiment, je me trouve tout d'un coup surnageant sur l'abîme et capable encore d'approcher de l'idole commun à tous les individus du [genre] humain, du bonheur, que chacun revêt des formes, que son imagination se plaît à parer de fleurs ou entourer de poignards ou de breuvages mortels. Capable de bonheur? Oui, monsieur, je le suis»⁴.

Интересно, что «*breuvages mortels*» Анна Андреевна перевела как «яд», а не как «смертоносное зелье», как это сделала переводчица, сменившая ее в 1952 году, но об этом ниже.

Продолжаю цитировать воспоминания Г. П. Макогоненко: «Перевод был одобрен, принят к изданию. Ахматова получила гонорар. Это было очень важно. Предстояло главное – опубликовать не только перевод Ахматовой, но и фамилию переводчика. Письма в переводе были опубликованы, имя переводчика снято...»⁵.

Видимо, имя Анны Андреевны было столь одиозно, что даже разработанный Георгием Пантелеймоновичем психологический «подход» к чиновникам не дал результата. Не решились они назвать имя переводчицы...

³ Там же. С. 279.

⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 350–351. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁵ Макогоненко Г. П. Из третьей эпохи воспоминаний... С. 279.

Но Г. П. Макогоненко был не из тех, кто отказывался от своих планов, особенно если они могли кому-либо помочь: «В 1952 году отмечалась новая радищевская дата – исполнялось 150 лет со дня смерти писателя. Где-то в конце 1950 года издательство поручило мне подготовить новое издание однотомника Радищева. Я обновил его содержание, но письма из сибирской ссылки оставил. Нужно было спросить Анну Андреевну, не хочет ли она еще раз просмотреть свой перевод, как-то отредактировать его»⁶. Как сдержанно писал Г. П. Макогоненко в 1980-е годы: «За это время новые беды обрушились на нее». Были арестованы Н. Н. Пунин и сын ее, Лев.

И все-таки Георгий Пантелеймонович добился того, чтобы письма Радищева в основном были даны в переводе Анны Андреевны: «В декабре 1951 года новый однотомник был отправлен в набор. В конце апреля 1952 года его подписали к печати. Я вновь указал, что перевод французских писем осуществлен Анной Ахматовой. Верстку подписали к печати, и в изданном однотомнике было указано имя переводчика! Тороплюсь к Анне Андреевне. Она взяла однотомник, полистала его, открыла страницу 530, где было напечатано первое переведенное ею письмо из Тобольска, прочла его, и губы ее тронула чуть видимая горькая улыбка:

– Неужели после всего случившегося и я когда-нибудь вслед за Радищевым скажу, что могу быть счастлива?»⁷.

Но у радищевских писем была своя судьба.

В третьем томе собрания сочинений Радищева, изданного в 1952 году под редакцией Н. К. Пиксанова, В. А. Десницкого, Д. С. Бабкина и Б. Б. Кафенгауза (подписан к печати 11 октября 1952 года), сказано, что «лишь одна часть писем Радищева – письма из сибирской ссылки к А. Р. Воронцову – была напечатана с примечаниями Н. В. Алексеевой в однотомнике: А. Н. Радищев. М.-Л., 1949» (3, с. 605). К некоторому удивлению внимательного читателя, переводчик писем в этом издании 1949 года здесь не назван. Отнести это за счет небрежности редакторов нет оснований, поскольку имя переводчика было слишком хорошо известно редакторскому коллективу издания 1952 года, и не только ему, а всей читающей публике. Исчезновение имени А. А. Ахматовой как переводчицы писем Радищева из ссылки в академическом издании 1952 года делается вполне понятным. В 1952 году Анна Андреевна еще носила на себе печать отверженности, полученную в результате известного постановления 1946 года. Возможно, что по этой же причине редакторы заменили переводчицу писем. Ею стала М. В. Доброва под редакцией Б. В. Томашевского.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 280.

Сопоставление двух переводов дает возможность сравнить эмоционально-стилистический подход Анны Андреевны с добросовестно-точным, но эмоционально обедненным переводом М. В. Добровой.

Приведу несколько примеров. Воронцов в одном из писем конца 1791 года предложил, как это видно из ответного письма Радищева (в переводе Ахматовой), написать нечто о «раскаянии в содеянном», на что Радищев ответил вежливым, но недвусмысленным отказом: «Призывая меня к терпению и смирению, вы, ваше сиятельство, в вашем последнем письме призываете меня также к раскаянию в содеянном, добавляя, что раскаяние искреннее и чистосердечное могло бы способствовать смягчению моего нынешнего положения. Ах, чего бы я не сделал, лишь бы быть ближе к детям! Но каковым же должно быть мое искреннее раскаяние? Не было ли оно изъявлено весьма ясно и весьма сильно с первого же мгновения, когда я лишен был общения с моими близкими? А ныне, в сем тяжком отдалении, кто же будет свидетелем моей душевной скорби; надобны ли клятвы, что я предпочел бы лишиться руки, ноги, но не совершить того, что было совершено мною, надобны ли еще новые унижения. <...> Вы неизменный поверенный моего страдания, неужто вы можете сомневаться в том, что я не раскаиваюсь?»⁸.

Привожу для сравнения перевод М. Добровой: «Призывая меня к терпению и смирению, ваше сиятельство в последнем письме *уещеваете* меня раскаяться в содеянном мною, добавляя, что раскаяние искреннее и чистосердечное могло бы содействовать смягчению *моей участи*. Ах, чего бы я не сделал, *чтобы снова быть вместе с детьми*. Но *каким* должно быть *это* искреннее раскаяние? Разве оно не было достаточно горячо, достаточно явно с первой же минуты, когда я был лишен всякого общения с моими близкими. И *сейчас*, в этом ужасном отдалении, кто может быть свидетелем страданий моей души; нужны ли клятвы, что я бы скорее готов был потерять руку или ногу и не совершать того, что я совершил. *Нужны* ли еще новые унижения? <...> Вы *единственный*, кому я так часто повторяю мои горести, сомневаетесь ли в моем раскаянии?» (3, с. 421, 422, 417).

Разница между двумя переводами достаточно ясна. Доброва, при помощи такого знатока французского, каким был Б. В. Томашевский, поставила перед собой задачу перевести, если не буквально, то точно, текст этого и других писем Радищева, в то время как Анна Андреевна, не утяжеляя свой перевод словесной архаикой, стремилась создать в нем впечатление необходимой временной дистанции. Там, где Доброва употребляет стилистически нейтральное наречие «сейчас», Анна Андреевна переводит «à present» – «ныне», – устаревшим, но

⁸ Радищев А. Н. Избр. соч. / Подготовка текста и вступ. статья Г. П. Макогоненко. М., 1952. С. 565.

вполне понятным читателям XX века словом. Доброва переводит «*dans cet éloignement affreux*» – «в этом ужасном отдалении». Анна Андреевна предлагает иной перевод – «в сем тяжелом отдалении». Перевод Добровой нейтрализует текст Радищева и лишает его присущей ему, как правило, эмоциональности. Очень сложную по выражению фразу из письма Радищева, обращенную к Воронцову: «*Vous qui êtes souvent le dépositaire de ma douleur*» – Доброва переводит упрощенно: «Вы единственный, кому я так часто повторяю мои горести». Анна Андреевна смело передает эмоциональное содержание этого обращения, а не его буквальный смысл: «Вы неизменный поверенный моего страдания». Эпитет «поверенный», как мне кажется, несмотря на свою неожиданность, выражает многое из того, что хотел выразить Радищев словом «*dépositaire*».

Приведу еще несколько примеров разнонаправленности двух переводов. Радищев так откликается на письмо Воронцова, где говорится о смерти его любимой сестры Елизаветы Романовны: «*Outre le plaisir qu'elles me causent toujours de les recevoir, il l'est d'autant plus grand que vous vous portez bien, et que votre santé n'a pas été altérée par la mort de votre soeur, surtout par la douleur de l'avoir vu mourir. Je connais votre coeur sensible, et ce qu'il vous en aura coûté. Vous raisonnez fort bien, quand vous dites qu'il faut se faire une raison sur ces choses-là; mais quand celui qui nous quitte, et pour toujours, nous tenait de bien près, vous l'avez senti, malgré tous les efforts que l'on fait pour se posséder, malgré l'empire que la raison veut exercer sur nos affections, nous sentons, malgré le pouvoir qu'elle voudrait s'arroger en s'affublant de tous les motifs possibles, nous sentons, hélas, que nous sommes des hommes. Et pourquoi ne pas rendre un tribut légitime de larmes quand nous sentons que notre coeur est oppressé; pourquoi vouloir devenir insensible? Loin de moi cette fermeté de roche, cette stupeur de l'âme, pour ainsi dire, qui en dénaturant la faculté de coeur la plus admirable, si elle n'est pas la plus admirée, veut y enraciner l'impassibilité. Celui qui n'a jamais senti une larme huméfier le bord de sa paupière, est près d'être atroce, il est dur. (Voilà par parenthèse, ce que l'on peut dire des personnes qui n'aiment pas les tragédies). Je me représente comment, assis auprès du lit de la douleur, vous cherchiez à consoler et celle qui se sentait mourir pour alléger ses souffrances et ceux qui restaient après elle et la larme du coeur s'ouvrait un passage dans vos yeux*» (3, с. 436–437).

Вот перевод Ахматовой:

«Радость, которую я чувствую обычно, получая оные (письма А. Р. Воронцова – И. З.), стала еще больше от известия о том, что вы здоровы и что здоровье ваше не ухудшилось от скорби по покойной сестре вашей и особенно от того, что вы присутствовали при ее кончине. Мне ведомо ваше чувствительное сердце, и я знаю, чего вам сие стоило. Вы рассуждаете весьма справедливо, когда говорите, что к сим предметам надобно относится разумно; но когда тот, кто нас покидает, – и навеки притом, – человек нам близкий, а вы сие испы-

тали, то, вопреки всем усилиям овладеть собою, вопреки тому, что рассудок стремится взять верх над нашими привязанностями, мы чувствуем, несмотря на власть, которую оный хотел бы присвоить себе, вооружаясь тщетно всевозможными доводами, мы чувствуем, увы! что мы только люди. И зачем же не отдать должную дань, дань слезную, когда мы чувствуем сердце наше удрученным; зачем желать стать бесчувственным? Прочь от меня, сия твердость скалы, сия оцепенелость души, так сказать, которые, извращая способность сердца самую удивительную, если и не самую удивляющую, стремятся укоренить в нем бесстрашие. Тот, кто никогда не чувствовал слезы, увлажняющей его веки, есть человек, близкий к жестокости; он черств. (Вот, кстати, что можно сказать о людях, кои не любят трагедии). Представляю себе, как вы, сидя у одра болезни, старались утешить, чтобы облегчить ее страдания, и ту, что понимала, что отходит, и тех, что оставался после нее, и как слезы от всего сердца лились из ваших глаз»⁹.

Вот перевод Добровой:

«Помимо радости, доставляемой мне всегда получением ваших писем, я чувствую еще большее утешение от известия, что вы здоровы, что здоровье ваше не ухудшилось от скорби по покойной сестре вашей и особенно от того, что вы были *свидетель* ее смерти.

Я знаю ваше чувствительное сердце и знаю, как вам это было тяжело. Суждения ваши весьма справедливы, когда вы говорите, что в таких случаях надо покоряться, но когда тот, кто покидает и покидает навсегда, был нам близок, — а вы испытали это, — то, вопреки старанию преломить себя, вопреки стремлению разума властвовать над привязанностями нашими, вопреки тому, что он хотел бы проявить свое владычество, тщетно вооружаясь различными доводами, мы чувствуем, увы! что мы только люди! И почему же не отдать должную дань слезам, когда сердце наше снедаемо горестью, зачем желать стать бесчувственным? Прочь от меня, эта твердость скалы, это оцепенение души, если так можно выразиться, которые, искажая наиболее поразительное, если не наиболее поражающее, свойство нашего сердца, стремятся укоренить в нем бесстрашие. Тот, кому неведомы слезы, увлажняющие вежды, почти жесток; он черств. Вот, кстати, что можно сказать о людях, не питающих любви к трагедии. Воображаю, как вы, сидя у одра болезни, желали утешить, дабы облегчить страдания и той, которая отходила, и тех, кто оставался после нее, и как слезы, исторгнутые из сердца, не осушали ваших глаз» (3, с. 439).

Анна Андреевна переводит «*surtout par la douleur de l'avoir vu mourir*» — «особливо от того, что вы сами присутствовали при ее кончине». Доброва — «и

⁹ Радищев А. Н. Избр. соч. С. 572.

особенно от того, что вы были свидетелем ее смерти». Откуда взялся этот юридический термин – «свидетелем»?

Ахматова переводит «*Je connais votre coeur sensible*» – «Мне ведомо ваше чувствительное сердце». Доброва предпочитает словарную точность «Я знаю», так же, как в предыдущем примере Ахматова употребляет «особливо», тогда как Доброва – «особенно».

Как мы видим, Анна Андреевна внимательно прочитала «Путешествие из Петербурга в Москву» и, не подражая намеренной затрудненности радищевского стиля, нашла очень точную стилистическую окраску для своего перевода.

В письме от 3 июня 1795 года Радищев писал: «Le paquet de Votre Excellence nous est bien venu à temps pour verser du beaume dans des coeurs excédés d'un des tristes spectacles que nous présente souvent la faible humanité. La cabale, l'envie, la perfidie, la trahison, toute renégation de moralité ne sont que des traits de tableau, qui est journellement sous nos yeux. Et s'il est vrai qu'on puisse parvenir à un sonverain mépris pour la race adamique (sentiment qu'on met à charge au feu roi de Prusse), jamais contrée n'a été plus propre pour le faire naître que celle, où nous vivons» (3, с. 476).

Вот перевод Анны Андреевны:

«Пакет вашего сиятельства пришел как раз вовремя, чтобы пролить бальзам в сердца, удрученные печальным зрелищем, которое часто представляет нам слабость рода человеческого. Клевета, зависть, предательство, измена, всякое отрицание нравственности – вот черты картины, которую ежедневно мы имеем перед глазами нашими. Ежели правда, что можно дойти до высшего презрения к племени Адама (чувство, в вину вменяемое королю прусскому), то никогда не было края более благоприятствующего рождению чувства сего, чем тот, в котором мы обитаем»¹⁰.

Перевод Добровой: «Пакет вашего сиятельства пришел как раз вовремя, чтобы пролить бальзам в сердца, измученные одним из тех невеселых зрелищ, которые часто являют нам слабости человечества: коварство, зависть, вероломство, измена, всяческое отрицание нравственных начал – вот отдельные штрихи картины, ежедневно развертывающейся у нас перед глазами. И если правда, что можно дойти до высшего презрения к адамовому роду (чувство, в котором обвиняют покойного прусского короля), то никогда еще не было страны, более его порождающей, чем нами обитаемая» (3, с. 589).

Анна Андреевна переводит «*cabale*» как «клевета», Доброва – как «коварство»; «*moralité*» – у Анны Андреевны звучит как «нравственность», у Добровой – как «нравственные начала» – последнего слова у Радищева нет, да и не могло быть.

¹⁰ Радищев А. Н. Избр.соч. С. 589.

Отвлекаясь от насущных забот и благодарностей Воронцову за его всеобъемлющую помощь, Радищев иногда в своих письмах высказывал оригинальные суждения, как некоторый итог пережитого им в ссылке. Так, в письме от 17 февраля 1792 года, уже из Илимска, может быть, под впечатлением уже виденного и в пути, и на месте, он вспоминает о Руссо:

«Vivant dans les vastes forêts de la Sibérie, parmi des bêtes fauves et des peuplades, qui souvent n'en diffèrent que par les articulations d'un langage, dont ils ne savent pas même apprécier la valeur, je finirai, je crois, par devenir l'homme heureux de Rousseau et je marcherai à quatre pattes» (3, с. 425).

Вот как перевела этот фрагмент Доброва: «Проживая в огромных сибирских лесах, среди диких зверей и племен, часто отличающихся от них лишь членораздельной речью, силу которой они даже не в состоянии оценить, я думаю, что и сам превращусь, в конце концов, в счастливого человека по Руссо и начну ходить на четвереньках» (3, с. 428).

А вот для сравнения перевод Анны Андреевны: «Проживая в великих лесах сибирских, среди диких зверей и народностей, кои отличаются от иных лишь членораздельной речью, не умея даже ценить значение ее, верится мне, что я могу стать счастливым человеком по Руссо и пойти на четвереньках»¹¹. Закурсивленные мною слова показывают еще раз, как Анна Андреевна стремилась передать колорит радищевской эпистолярной манеры и как Доброва его старательно стирала. Сравнение легко можно продолжить, но мне кажется, что принципиальная разница переводческих методов ясна.

Не могу не напомнить читателям об одном разговоре между Анной Андреевной и Георгием Пантелеймоновичем. Предоставляю ему слово: «Дело происходило в конце 1950 года. В назначенный день я вновь посетил Фонтанный Дом. Последний раз мы виделись год назад. За это время новые беды обрушились на нее. Лицо ее стало более суровым, морщинки под глазами обозначились резче. Я поздоровался. Она кивнула, но продолжала настороженно смотреть на меня, как будто чего-то ждала.

– Так как же вам понравились мои державинские подражания? – наконец строго спросила она.

– Простите, не понял...

– Вы что же, не видели «Огонька» с моими стихами?

Я понял, о чем идет речь, но не знал, что отвечать. Говорить ли свое мнение или сочувствовать – равно было бы бестактно. После затянувшейся паузы я пробормотал:

¹¹ Радищев А. Н. Избр. соч. С. 568.

– Читал...

– Ну и хорошо. Вы, конечно, помните – когда Державина отдали под суд, он написал оду «Фелица». Вот и я... Поговорим о нашем Радищеве»¹².

Речь зашла о тех стихах, которыми Анна Андреевна надеялась добиться освобождения сына. Как известно, стихи не помогли... И тут вкралась в ее слова ошибка: Державин был отдан под суд в 1789 году и сумел добиться оправдания, написав в том же году оду «Изображение Фелицы», – самую длинную и самую скучную из своих од, но достигшую своей цели. И потому понятна та горечь, с которой сравнила Анна Андреевна свой, так огорчивший ее, но вынужденный поступок с удачливой судьбой Державина...

¹² Макогоненко Г. П. Из третьей эпохи воспоминаний... С. 280.

КОМПОЗИЦИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА ГЛАВЫ «ПОДБЕРЕЗЬЕ» «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

А. Н. РАДИЩЕВА

А. А. Костин

Глава «Подберезье» в том виде, в каком мы знаем ее сейчас, была одним из последних эпизодов, введенных Радищевым в состав «Путешествия»¹. Однако в отличие от «Краткого повествования о происхождении цензуры» из главы «Торжок», добавленного на том же этапе, «Подберезью» меньше повезло с исследованиями. Возможно, это является следствием того, что глава, явно связанная с оценкой масонства, давала возможность истолкования ее в тоне яростных нападок на мартинистов, чем исследователи в основном и ограничивались. После публикации в 1933 году материалов о Ф. В. Кречетове² было признано, что именно он является наиболее вероятным прототипом семинариста из «Подберезья»; позже А. Г. Татаринцев предположил, что прототипом мог также служить и Р. М. Цебриков³. Противоречия в образе семинариста: прогрессивные идеи об образовании из разговора с путешественником, с одной стороны, и «бредоумствования» из «тетрадки», – с другой, – решались просто: «Радищев слил в образе семинариста черты, заимствованные у Кречетова, с качествами, присущими молодым масонам <...> Это дало писателю возможность с сочувствием воспроизвести критические высказывания персонажа по поводу официального образо-

¹ См.: Западов В. А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 519–529.

² Чулков Н. Ф. В. Кречетов – забытый радикальный публицист XVIII века // Литературное наследство, № 9–10. М., 1933. С. 453–470.

³ Татаринцев А. Г. Некоторые прототипы персонажей «Путешествия из Петербурга в Москву» // Русская литература, 1974, № 3. С. 91–94.

ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, спозѣвно,
и лай,,

Тилсмахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ПОДБЕРЕЗЬЕ.

Насилу очнувшись я могъ отъ Бога-тырскаго сна, въ которомъ я споль-ко сгрѣзилъ. -- Голова моя была свинцовой тяжестью, хуже, нежели бываешь съ похмелья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состоянн я былъ продолжать пуши и преснися на деревянныхъ дрогахъ, (пружинъ у кибитки моей небыло). Я вынулъ домашней лѣчебникъ; искалъ нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бре-ду во снѣ и наяву. Лѣкарство со мною хопя всегда ѣздило въ запасъ; но по пословицѣ на всякаго мудреца доволь-но простоты; противъ бреду я себя непередосперегъ и отъ того голова моя, прѣхавъ на почтовой снанъ, была ху-же болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда бла-женной памяти нянюшка моя Клемень-

вания (где использованы доводы именно Кречетова), но саркастически высмеять религиозно-мистические «бредомствования» масонов», — пишут в своем комментарии В. А. Западов и Л. И. Кулакова⁴. Еще меньше внимания привлекал вводный эпизод главы⁵.

Между тем, поскольку последние исследования дают нам материал о далеко не однозначных отношениях Радищева к масонству⁶, необходимо пересмотреть и представления об особенно важной для решения этого вопроса главе «Подберезье». Хотелось бы рассмотреть главу целостно, не разрывая на отдельные куски, обратившись прежде всего к композиции и уже затем к проблематике.

Глава, очевидно, распадается на три фрагмента: 1) вступление (поиск лекарства от «брета», угощение семинариста); 2) рассуждение семинариста о состоянии образования в России; 3) фрагмент, связанный с рассуждениями семинариста о колесе.

Глава, следующая за «Спасской Полестью», с ее центральным для «Путешествия» эпизодом сна путешественника начинается со слов: «Насилу очнулся я от богатырского сна, в котором я столько сгресил»⁷. Екатерина II в своих замечаниях на «Путешествие» верно отметила этот эпизод: «сам говорит, что сгресил грез»⁸. Между тем, здесь проявляется не только отмечавшееся исследователями⁹ свойственное тексту «Путешествия» ироническое отношение к высказываемым идеям, даже самым серьезным. Как кажется, мы встречаемся здесь с иронией Радищева и над художественными средствами, которыми он пользуется, — как над устоявшимися жанрами и нарративными средствами (в данном случае над восточной повестью и философическим сном), так и над им самим создаваемыми повествовательными формами. Так, после одного из самых силь-

⁴ Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974. С. 98–99.

⁵ См.: Там же. С. 90.

⁶ Помимо старой работы В. П. Семенникова «Радищев и масонство» (Радищев. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 83–111) укажем также: Кочеткова Н. Д. Радищев и масоны // Русская литература, 2000, № 1. С. 103–107; Вильк Е. А. «Чудище стозево» и Тифон («Путешествие...» А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) // Новое литературное обозрение. М., 2002, № 55. С. 151–173.

⁷ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подготовил В. А. Западов. СПб., 1992. С. 28. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁸ Бабкин Д. С. Процесс Радищева. М.; Л., 1952. С. 158.

⁹ См.: Кулакова Л. И. О некоторых особенностях творческого метода А. Н. Радищева // Вопросы истории русской литературы (ЛГПИ им. Герцена. Ученые записки. Т. 219). Л., 1961. С. 3–6; Татаринцев А. Г. Сатирическое воззвание к возмущению. Саратов, 1965.

ных в художественном отношении мест «Путешествия», – описания семьи Карпа Дементыча – говорится: «Полно, видно, мне снимать силуэты. Твоя (читатель – А. К.) правда; другова не будет, как нос да нос, губы да губы. Я и того не понимаю, как ты на силуэте белилы и румяна распознаешь» (с. 34). Так, Радищев не может пройти мимо традиционного «Жил-был» в рассказе стряпчего в «Спасской Полести»: «Слушай, жена. – Жил-был... – И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить, – сказала жена вполголоса, зевая ото сна, – поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей-разбойник» (с. 17). Так, позже, в том же «Подберезье» обыгран прием введения в текст «чужих» бумаг: «где что немного похожее на рассудительное увижу, то тотчас стяну» (с. 29).

Весь следующий эпизод с поиском лекарства от головной боли, приготовлением кофе, угощением семинариста и замечанием о предпочтении пудренных волос волосам, смазанным квасом, кажется, должен рассматриваться в свете фразы «приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось, некстати были длинному полукафтаныю и к примазанным квасом волосам» (с. 28). Высокоумный философствующий дворянин-путешественник, ищущий лекарства от болезни в популярном издании «Домашний лечебник»¹⁰, относящийся к кофе не как к дворянской забаве (вспомним, как он нападает на этот обычай в «Вышнем Волочке»), а как народному средству, переданному няней, Прасковьей, нареченной Пятницей, – несоответствие не меньше, чем неказистый семинарист, начинающий разговор со связного рассуждения о неустройстве отечественного образования и заканчивающий неустройством в судебной системе и ссылками на светил европейской юриспруденции.

Всё это вводит тему несоответствия между кажущимся и действительным, тему, сквозную для «Путешествия», заданную эпиграфом и посвящением, и в предыдущей главе «Спасская Полесь» наиболее характерно для всего произведения проявленную во сне путешественника.

Вторая часть главы, рассуждение о «пособиях просвещения», вводит тему схоластики, противопоставления старого, почти средневекового, новому, прогрессивному («одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных» (с. 29)). Здесь же всплывает намеченная в начале тема массовой литературы: «Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу («Истолкование английских законов» Вильяма Блэкстона – А. К.)

¹⁰ Г. А. Гуковский в комментариях к первому тому полного собрания сочинений А. Н. Радищева замечает: «по-видимому, Радищев имеет в виду изданную впервые в 1765 г. и потом неоднократно перепечатанную книжку "Домашний лечебник или простой способ лечения болезней, соч. Кр. Пекена, перевел с немецкого А. Протасов"» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 481).

вместо святцов, заставляя их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь»¹¹. Интересно относительно последней фразы заметить: здесь и стряпчий-ханжа, по сложившейся русской сатирической традиции смотрящий в святцы (таков фон-визинский Советник); и реальный судья-карьерист, смотрящий в календарь. Важно отметить и появляющееся в этой части имя Блэкстона. Комментаторы, указывая, что по типу «Истолкования английских законов» («Commentaries on the laws of England», 1765–1769) Вильяма Блэкстона составлял свой юридический план Ф. В. Кречетов, не упоминая, что сам Радищев писал важнейшую свою юридическую работу до ссылки – «Опыт о законодательстве» – также под воздействием этого важнейшего труда Блэкстона¹². Во всяком случае, из двух имен, упоминаемых им в качестве основания для собственной работы («Юстиниан и Блекстон»), первое – скорее дань традиции и фигура, мимо которой пройти нельзя, но Блэкстон – ближайший предшественник и образец: «Не тщася здесь последовать за Юстинианом, ни намеряясь сравниться с Блекстоном, желаем мы извлечь по разумению нашему смысл до селе изданных в России законов, расположа их естественным порядком, коему Блекстон последовал»¹³. Да и вообще странно, что, рассуждая о возможном прототипе семинариста, исследователи в отношении данной главы не вспоминали об автобиографической основе «Путешествия»¹⁴. «Боже мой! если бы привести примеры из размышлений и

¹¹ Интересно отметить схожее высказывание о книге Ч. Беккариа (1738–1794) «О преступлениях и наказаниях» («*Dei delitti e delle pene*») в «Трутне» Н. И. Новикова: «Видно, сей судья никогда не читывал книги о преступлениях и наказаниях (*des delits et des peines*), которую бы всем судьям наизусть знать надлежало. Видно, что он никогда не заглядывал в те указы, кои беспристрастным быть повелевают» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1952. С. 92.).

¹² Известно, что французское издание «Истолкования английских законов» Блэкстона (*Blackstone William. Commentaires sur les loix angloises. De Blackstone. Traduits de l'Anglois par D. D. G. sur la 4. éd. d'Oxford. Bruxelles: de Boubers, 1774.*) было в той части библиотеки Радищева, которую после его смерти приобрела «Комиссия для составления законов». См.: Демин А. О., Костин А. А. Книги из библиотеки А. Н. Радищева (в настоящем издании. С. 68). Семинарист говорит о прочитанных им «первых двух частях, на российский язык переведенных». Однако русский перевод С. Е. Десницкого (Истолкования английских законов г. Блэкстона, переведенный по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. М., 1780–1782) был трехтомным, причем третий том вышел задолго до публикации «Путешествия». То, что семинарист говорит о двух частях, связано, скорее всего, с тем, что на русский язык был переведен только первый том работы Блэкстона, содержащий «Предисловное рассуждение о учении, существе и обширности аглинских законов» (*Introduction. Of the study, nature and extent of the laws of England*) и «Книгу первую. О правах персональных» (*Book the first. Of the right of persons*).

¹³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 8.

¹⁴ См., например, спор о возможной автобиографической основе главы «Яжелбицы»: Мажогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 436–437; Старцев А. И. Радищев в годы

разглагольствований судей наших о делах» (с. 29), – это, конечно, возглас автора, по-европейски блестяще образованного юриста, чиновника, на момент публикации «Путешествия» 15 лет проработавшего в сфере юриспруденции¹⁵. Проницательная Екатерина II замечает: «88 стр. упоминает о знании: что я имел случай по щастию моему узнать. Кажется сие знание в Лейпциге получано, и доводит до подозрение на господ Радищева и Щелищева <...>»¹⁶. Между тем, нельзя не отметить, что Радищев пытается устранить это несоответствие и дает семинаристу дядю – секретаря в губернском штате и знакомство с «одним из губернских членов в Новгороде».

Наконец, третья часть главы, связанная с рассуждениями семинариста о колесе, представляется наиболее интересной.

С комментария к факсимильному изданию «Путешествия» в издательстве «Academia» 1935 года¹⁷ начинается традиция такого чтения этой части: семинарист говорит о колесе (синоним окружности) и «колообразных» планетах, то есть опирается на известного мистика Л. К. Сен-Мартена («Окружность, круг («колесо») для Сен-Мартена исполнен большого мистического значения»¹⁸). Всю оставшуюся часть главы, следующую за восклицанием «Нет, друг мой!», рассматривают как рассуждение об истоках подобных «бредуумствований», их опасности, достигающее высочайшей степени критики в заключительном отрывке из «Белева словаря».

Однако с такой точкой зрения можно не согласиться. Во-первых, если обратиться к композиции всего произведения в целом, мы увидим, насколько важную роль играют в нем записи, якобы подобранные путешественником или подаренные ему встречными: «Проект в будущем», «Об упразднении придворных чинов», «Повесть о проданных с торга», «Краткое повествование о происхождении цензуры», «Слово о Ломоносове». Всё это ключевые фрагменты текста. Между тем, отрывок из тетради семинариста, в композиции «Путешествия» не

«Путешествия». М., 1960. С. 146–147.; Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. С. 159.

¹⁵ А. Г. Татаринцев в работе «Некоторые прототипы персонажей "Путешествия из Петербурга в Москву"» (Русская литература, 1974, № 3) замечает по поводу речи семинариста о семинарском образовании: «Одним словом, перед нами воспитанник Лейпцигского университета, а никакой не семинарист» (С. 94). Однако исследователь использует этот аргумент, чтобы назвать прототипом семинариста Р. М. Цебрикова.

¹⁶ Бабкин Д. С. Процесс Радищева. М.; Л., 1952. С. 158.

¹⁷ Барсков Я. Л. Примечания к тексту первого издания «Путешествия» // А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 2. Материалы к изучению «Путешествия». М.; Л., 1935. С. 378–380.

¹⁸ Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. С. 98.

просто появляющийся первым из всех этих «подобранных» фрагментов, а предваренный ироническим высказыванием, устанавливающим введение «чужих» текстов в повествование как важный для автора прием, оказывается почему-то не «рассудительным», а «бредоумственным».

Глава «Подберезье» в ее печатной редакции, как уже говорилось, была введена в состав «Путешествия» на самом последнем этапе работы с текстом, уже после получения цензурного разрешения на печать книги, заменив находившийся в этой главе до того сон о Прямовзоре. Сам Радищев во время следствия писал в своей «повинной»: «Сколько из головы вспомнить могу, прибавлены [листы] в статье «Подберезье» в семинарской тетрадке, которой, если не ошибаюсь, в цензуре не было»¹⁹. То есть, характеризуя «Подберезье», Радищев говорит о «семинарской тетрадке». Вряд ли это относится только к маленькому «бредоумственному» эпизоду. Наконец, хочется отметить, что фрагмент о колесе и весь кусок текста, начиная со слов «Оглянись назад, кажется, время еще то за плечами близко...» и до конца главы, то есть вся третья часть главы, исключая эмоциональные высказывания против мартинистов, составляет единое целое. Ведь семинарист говорит не столько об окружности, сколько о колесе и «коловращении», обращении по кругу в мире «духовном или нравственном». Не таким ли обращением оказывается описываемая далее история церкви: «Христианское общество вначале было смиренно, <...> потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; <...> Лутер начал преобразование. <...> стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, попраля огромный оплот предрассуждений, но недолго пребывала в сей стезе. Вольность мысли вдалась необузданности. <...> Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять» (с. 30)²⁰. Здесь мы видим то же представление о циклическом развитии человека по спирали, что и в «Вольности» (строфы 42–44, в прозаическом пересказе в главе «Тверь»), он переделал так: – «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство»). Эту параллель между «Вольностью» и «Подберезьем» отметил еще В. П. Семенников, однако он указывал как раз на фрагмент о колесе²¹. Таким

¹⁹ Бабкин Д. С. *Процесс Радищева*. С. 168.

²⁰ О связи этого описания истории церкви с представлениями масонов см.: Кочеткова Н.Д. *Радищев и масоны // Русская литература*. 2000, № 1. С. 106–107.

²¹ Семенников В. П. *Ода «Вольности» // Радищев. Очерки и исследования*. М.; Пг., 1923. С. 21. В другом месте (Там же. С. 103) В. П. Семенников отмечает, что здесь мы сталкиваемся со вставным диалогом: «в ответ на замечание собеседника Радищева, что мнение последнего «на мартиниста похоже, ученика Шведенборга», Радищев шутливо возражает: "Нет, мой друг <...>"», то есть апология автора фрагмента о колесе начинается уже со слов «Нет, мой друг».

образом, фрагмент о колесе оказывается только вступлением к дальнейшему рассказу о «колообразной» истории церкви.

Следовательно, грозное высказывание «на мартиниста похоже, ученика Шведенборга», связано не с обвинением «бредомствований» о колесе. Но тогда с чем же? Скорее всего, причина здесь – в предположении семинариста о существовании некоей тайной связи между небесными телами и внутренним миром человека: «Поступая в познании естества, откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных и нравственных с веществами телесными или естественными; что причина всех премен, превращений, превратностей²² мира нравственного и духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно, как и оно, кругообразных и коловращающихся» (с. 30). Это, действительно, напоминает во многом масонские герметические труды, где посредством установления символического соответствия между объектами макро- и микромира, природы и человека, делалась попытка постичь мир и человека во всей их полноте. Г. В. Вернадский так описывает эти представления: «Все «стихии» человеческой души соответствуют стихиям внешней природы <...> Благодаря такому соответствию, мир и человек, вселенское и вечное крепко связаны между собою <...> Следствия из этой всеобщей неразрывной цепи Всецелого – огромны. Если человек микрокосм, это значит не только то, что его физические качества суть зачатки элементов вселенной; все его духовные качества – отражение тех же элементов; все это символы, которые надо раскрыть. И если обладать познанием основного символа, который всё бы раскрывал в мире и человеке, – это значит получить необъятную власть над людьми и вселенной»²³.

Такова «мартинистская» подоплека первого фрагмента семинарской тетради. Однако, когда автор слов «Нет, мой друг...» начинает отрешиваться от мартинизма, он приводит опровержения совсем других положений: «я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое улаждение чувств <...> Я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели, зарывшись в еврейские и арабские буквы <...> потщуся отделить дух мой от тела <...>» (с. 30). Радищев здесь очевидно противопоставляет телесное духовному, причем телесное представлено самими, по его же определению, «животными» качествами в человеке. «Животное, нагбенное к земле, следует своему стремлению в насыщении себя и

²² Данный отрывок – пример одного из излюбленных приемов Радищева: поиска верного корня при нужной приставке, когда смысл уже как бы найден, но остается только найти правильное слово для его выражения: «премен, превращений, превратностей».

²³ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 3-е изд., доп. СПб., 2001. С. 202–203.

в продолжении своего рода. Примеченный в нем слабый луч рассудка ограничивается токмо на два сказанные побуждения, и в удовлетворении оных состоит его блаженство, если можно назвать блаженством тупое услаждение своея потребности», — пишет он в трактате «О человеке...»²⁴. Такое сопоставление самого низменного в человеке с ведущими к «бредоумствованиям» занятиями «духовного витязя» не случайно. Оно будет тем более очевидно, если учитывать комплекс представлений Радищева о «неумеренности любовных страсти», где невоздержанность, интимные отношения вне брака оказываются неразрывно связаны с следующими за ними венерическими болезнями, которые представляются Радищеву ужасными в первую очередь потому, что ведут к потере разума, то есть к потере человеческого облика еще при жизни. Эта проблематика отражается, в частности, в главах «Путешествия» «Яжелбицы» и «Валдаи», она же должна играть не последнюю роль в понимании «Жития Федора Васильевича Ушакова»²⁵. Таким образом, «духовный витязь» так же, как и распутник, «ниспадает ниже нижайшей степени животных»²⁶. Более того, проявление телесных стремлений как бы оправдывается. В трактате «О человеке...» так говорится о чувстве вкуса у человека: «Отделяясь от лица земли, <...> чувства обоняния и вкуса в нем (человеке — А. К.) притупели <...> Но и тут с лучшим правдоподобием сказать можно, что вкус и обоняние суть в человеке изящнее, нежели в прочих животных <...> Сравни сладострастного Сибарита или жителя пышных столиц в действиях вкуса и обоняния с действием тех же чувств в животных, и скажи, где будет перевес»²⁷. То есть чувства обоняния и вкуса трактуются наряду со зрением и слухом как чувства, способные к постижению эстетического, извлечению прекрасного в мире. Радищеву чуждо также и однознач-

²⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 64–65.

²⁵ Ушаков, который уже в Петербурге «подсек <...> корень своего здоровья и, не отъезжая еще в Лейпциг, почувствовал в теле своем болезнь, неизбежное следствие неумеренности и злоупотребления телесных услаждений» (Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 160.), между тем, отправляется в Лейпциг и старается там своей деятельностью, как в «бунте» студентов против Бокума, так и особенно в учебе и философских занятиях, преодолеть разлагающую его телесность и, собрав все свои духовные силы, добивается на этой стезе максимальных результатов. «Верьте, то ведаю от опыта моего, что напряжение духовных сил может подкрепить расслабленное тело и до известной степени дать ему жизнь новую <...> Истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль, всю душу исполнившая, всю ее объемлющая, отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несется в страну мысленную; время и пространство исчезают перед ним; он сокрушает все пределы, и занесшему ногу в вечность вселенная уже тесна», — пишет Радищев в конце третьей книги трактата «О человеке» (Полн. собр. соч. Т. 3. С. 123–124), возможно, имея в виду как составляющую своего опыта и судьбу Ф. В. Ушакова.

²⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 69.

²⁷ Там же. С. 51.

ное отношение к плотской любви в терминах «дьявольского», как, например, у И. П. Елагина: «Неумеренное отца нашего вожделение, испутив страшное из твердых заклеп зло и дав ему волю неистовствовать в телесном веществе, сокрыло в нас врожденные ко благу стремления и способности, и самое благо столь от нас удалило, что мы почти бессильны стали к обороне против парящих на нас злокозненных страстей, лютаго демона прельщения»²⁸. В трактате, напротив, Радищев пишет, например: «Из различия полов следует склонность их одного к другому, склонность непреоборимая, столь сладостная в сердце добродетельном, сколь зверская в развратном <...> В животном склонность сия временное имеет действие, но в человеке всегдашнее. В нем склонность сия хотя столь же почти необходима, как и в животных, но подчинена очарованиям приятности и оставлена его управлению, выбору, произволу и умеренности <...> Она в человеке отличествует тем, что сопрягает оба пола во взаимный союз непринужденно и свободно, нередко на целый их век»²⁹. В «Житии Федора Васильевича Ушакова» после рассказа об утреннем визите к Федору Васильевичу просительницы следует восклицание: «О! если бы и мое пробуждение могло быть иногда таково же, если бы я паки имел не более двадцати лет! Мой друг, жалею, если хочешь, о моей слабости, но се истина»³⁰. Это очень напоминает фразу «я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее» из «Подберезья». То есть, возвращаясь к вопросу о том, почему именно эти аргументы вкладывает Радищев в уста того персонажа, который отрекается в «Подберезье» от мартинизма, можно заключить следующее: его не устраивает та схематичность, сведение человека к некоей условности, символичности, без которой невозможно отмеченное выше сопоставление микрокосма-человека с макрокосмом-вселенной и которую мы видим, например, в принятом Новиковым и Шварцем разделении человека на три составляющих³¹ – тело, дух и душу, отзвук которого В. А. Западов видит в следующих

²⁸ Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 109. И. П. Елагин был провинциальным мастером лож классической английской системы масонства, в отличие от московских розенкрейцеров, действовавших по немецкой системе ложи «Трех глобусов». Подобное отношение к плотской любви вообще свойственно масонству. О восприятии Радищевым представлений о грехопадении Адама см.: Кочеткова Н. Д. Радищев и Мильтон (в настоящем издании. С. 52).

²⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 57.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 160.

³¹ Подробнее об этом см.: Артемьева Т. В. «Область дай уму...» // Мысли о душе. СПб., 1996. С. 17–27.

словах: «потщуся отделить дух мой от тела. <...> когда умру, <...> душенька моя набродится досыта»³².

Нужно отметить, что устоявшаяся точка зрения на семинарскую тетрадку, согласно которой семинаристу приписывается только рассуждение о колесе, понимающееся как отголосок идей Л. К. Сен-Мартена, имеет свое основание в многозначности слова «духовный», особенно в словосочетании «духовный мир». В этом устойчивом словосочетании оно встречается в XVIII веке в двух значениях: а) «относящийся к духу, нематериальной субстанции; противопоставления – материальный, вещественный» и б) «относящийся к человеческому духу, к его деятельности; нравственный, моральный»³³. В том контексте, в котором словосочетание «мир духовный» появляется в «Подберезье», слово «духовный» должно восприниматься, скорее, во втором значении: «причина всех премен, превращений, превратностей мира нравственного и духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища». Согласно конкордансу «Путешествия», слово «духовный» встречается в нем всего 7 раз, из них 5 – в «Подберезье»³⁴. Из всех 7 случаев только в одном можно с уверенностью говорить о том, что «духовный» употреблено в значении «относящийся к нематериальной субстанции»: «откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных и нравственных с веществами телесными или естественными». Уже говорилось, что строгое разделение на материальное и нематериальное чуждо Радищеву. С этим связано и то, что соответствующее значение слова «духовный» им почти не употребляется³⁵.

Таким образом, обобщая всё сказанное об этой антимартинистской вставке в тетрадку семинариста³⁶, нужно сказать, что Радищев здесь, возможно, исполь-

³² Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. С. 99–100.

³³ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. Древо – Залеть. СПб., 1992. С. 40–41.

³⁴ A Lemmatized Concordance to «A Journey from Petersburg to Moscow» of A. N. Radischev. Ed. by Yasuo Urai. Sapporo, 1998. P. 168.

³⁵ Когда в «Подберезье» Радищев во второй раз употребляет выражение «духовный и нравственный», речь идет уже не о «нематериальной субстанции», а об «относящемся к церкви, религии»: «Блаженны, если не узрим нового Магомета <...>. Когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация <...>, тогда последует времена царств, тогда времена в исповеданиях».

³⁶ В подтверждение тезиса о цельности текста тетрадки семинариста, только разбиваемого антимартинистским высказыванием, хочется привести еще такое соответствие: ближе к концу главы читаем: «когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация...». Прямое соответствие с началом текста семинариста: «откроют, может быть, смертные, связь вещей духовных и нравственных...», вряд ли может быть случайным.

зую написанный значительно ранее текст, относится к нему критически, как и вообще это мы не раз встречаем в «Путешествии». Наиболее ярко – в главе «Тверь», где на слова «новомодного стихотворца» после прочтения «Вольности» путешественник замечает: «Я очень тому порадовался и хотел было ему сказать, может быть, неприятное на его стихи возражение» (с. 102)³⁷. В общем же, тезис о «коловращении духовного или нравственного мира» должен рассматриваться как правомерное вступление к дальнейшим рассуждениям. Если учесть, что мы сталкиваемся с передачей восприятия читающим путешественником текста семинариста, то перед нами – еще один пример неверного заключения по первому впечатлению: семинарист сам заканчивает свои рассуждения осуждением того, на что нападает путешественник в начале.

Весь дальнейший текст тетрадки семинариста распадается на две части. В первой, в подтверждение тезиса о «коловращении мира нравственного», описывается духовная история христианского общества. Во второй говорится о том, что человеческий разум неминуемо склоняется к заблуждению, и тут же предлагаются два пути, которыми писатель может «заградить полет невежества». Первый – серьезное повествование о «шестви разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее и когда, утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия» (с. 31). Второй – ироническое изображение ошибок разума: «на лестнице, по которой разум человеческий нисходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженны наречемся»³⁸. Пример такого «смешного» и предлагает Радищев, приводя перевод из комментариев к статье «Акиба» из «Исторического и критического словаря» Пьера Бейля.

³⁷ Вообще, в связи с обилием подобных эпизодов вопрос о стернианстве Радищева должен решаться более обширно, не только как заимствование способа свободного расположения отдельных эпизодов, но и использование иронии как одного из фундаментальных принципов повествования (теме «Радищев и Стерн» посвящена работа: Атарова К. Н. Лоренс Стерн и жанр путешествия в русской литературе конца XVIII века (на материале творчества А. Радищева и Н. Карамзина) // Писатель и жизнь. Сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. М., 1978. С. 133–137).

³⁸ Интересно отметить соответствие этой фразы следующему фрагменту из трактата «О человеке...»: «...если мы покажем, что разумные наши силы определяются внешностью, то заблуждения человека суть почти неизбежны, и мы будем иметь вящее побуждение снисходительно взирать не токмо на все заблуждения рода человеческого, но и на самые его дурачества. Блаженны, если можем за словом нашим на месте строгости суждения возродить соболезнование и человеколюбие» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 62).

Интересно отметить, что и первая часть рассуждений семинариста, сокращенная история христианства, также заканчивается ссылкой на анекдотический вопрос, ставший хрестоматийным примером бредоумствования. «Разверни новейшие таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл; когда задачею любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ» (с. 30). Речь здесь идет о ставшем поговоркой схоластическом споре, сколько ангелов может поместиться на острие иглы. Удивительно, что здесь мы сталкиваемся с одним из мифов, созданных во время, известное как раз своими разоблачениями мифов. Дело в том, что собственно схоластическая традиция этого спора в такой формулировке его не знала. Восходит он к вопросу, который задается в *Summa Theologiae* Фомы Аквинского: «Сколько ангелов может находиться в одном месте?» (Q. 51, a. 3). Вопрос в его новой, анекдотической формулировке появился, скорее всего, в Англии в первой половине XVII века и связан уже с критикой схоластики³⁹. Самое раннее установленное ее упоминание – у Вильяма Чиллингворта (William Chillingworth, 1602–1644) в «Религии протестантов» («The Religion of Protestants, a safe way to salvation», 1638 г.), где дана такая формулировка: «Может ли миллион ангелов сидеть на острии иглы?».

Между тем, Радищев употребляет не распространенную и, более того, полностью противоречащую изначальному схоластическому вопросу формулировку, заменяя ангелов на души: «задачею любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ» (с. 30). Подобную формулировку также можно найти в английской традиции: так, Ральф Кадворт (Rulf Cudworth) (1617–1688) в «Разумной системе вселенной» («The True Intellectual System of the Universe», 1647) говорит: «А между тем, некоторые люди, далекие от атеизма, могут развлекаться, представляя себе, как тысячи духов (spirits) танцуют на острии иглы»⁴⁰. Однако вряд ли можно предположить, что Радищев был знаком с этим источником.

В любом случае интересно отметить, что он использует известную ему формулировку в полемических целях. Схоластический вопрос о том, сколько ангелов может находиться в одном и том же месте, был связан с вопросом о материальности и телесности ангелов. Соответственно, вопрос мог иметь один

³⁹ *Историю этого вопроса см.: Angels and needles // Notes and Queries... 1889. Vol. VIII. P. 247–248 (Ed. Marshall); 1890. Vol. IX. P. 436 (W.E. Buckley); P. 514 (James Hooper); Vol. X. P. 135 (Ed. Marshall); P. 313–314 (Br. Nicholson).*

⁴⁰ *Цит. no: Buckley W. E. Angels and needles // Notes and Queries... 1890. Vol. IX. P. 436.*

из 3-х возможных ответов: 1) ни одного, если ангелы нетелесны и нематериальны, 2) один и только один, если ангел обладает телом и 3) бесконечное количество, если мы предполагаем у ангела материальность высшего порядка. Однако вопрос Радищева – вопрос о душах на конце иглы – действительно представляет ситуацию, «когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, есть ли в речении смысл». Душа нематериальна, и, значит, вопрос о ее нахождении в пространстве в принципе бессмыслен. Вместе с тем, этот вопрос связан и с уже упоминавшимися представлениями розенкрейцеров о трех составляющих человека: теле, душе и духе. В этих представлениях душа оказывается связующим звеном между духом и телом, обладая как свойствами материи, так и свойствами души⁴¹. Меняя в мнимом схоластическом вопросе ангелов на души, Радищев, таким образом, целит уже в мартинистов.

Таким образом вводится основная проблема тетради семинариста: заблуждения человеческого разума и их причины. А эти причины семинарист видит в переходе на чисто умозрительные изыскания, отрывающиеся от конкретного опыта: «Если предкам нашим предстоит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями...» (с. 30–31).

Глава, начавшаяся с нагромождения неверных первых умозрительных заключений, продолженная рассуждением о семинарском образовании, погрязшем в схоластике, в изучении слов, которые, как оказывается, в существующей системе образования лишаются смысла («Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем классические объяснения текстов, нежели то, что их донесение делает приятными, что вечность для них уготовало» (с. 29)), – глава эта заканчивается осуждением системы миропонимания, целиком построенной на умозрении, и осуждением подобного познания мира.

Еще одной темой, проходящей через всю главу, оказывается тема книги. С одной стороны, массовой, никакой значительной пользы читателю не приносящей («Домашний лечебник», который путешественник повсюду возит с собой, не помогает ему «противу бреду»; от чтения календарей и святцев состояние дел в судах не улучшается). С другой стороны, – книги, авторы которых «творением своим смогли просветить хотя единого». Это Гроций, Монтескье, Блэкстон из речи семинариста, это «блаженный автор» из его тетрадки. Это, наконец, Пьер Бейль, переводом из «Исторического и критического словаря» которого заканчивается глава.

И здесь мы должны еще раз отметить, как последовательно Радищев на протяжении главы выдерживает образ семинариста. Выше уже замечалось, что неестественные для семинариста высказывания в рассуждении о состоянии су-

⁴¹ Описание масонских представлений о душе и трех составляющих человека см. в работе: Артемьева Т. В. «Область дай уму...» // Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. С. 17–27.

дов в России объясняются тем, что у семинариста оказываются родственник и знакомый – юристы; в «тетрадке» же реальным предметом обсуждения становится близкая семинаристу по образованию история христианства; осуждение «схоластического» семинарского образования находит свой отклик в ссылке на спор о душах на конце иглы, также богословский. Конец тетрадки семинариста, рассуждение о задачах писателя, желающего «заградить полет невежества», необычайно насыщен маркированно церковным, связанным с традицией проповеди, словом «блажен»: «*блажен* писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, *блажен*, если в едином хотя сердце посеял добродетель <...>. *Блаженны*, если не узрим нового Магомета <...>. На лестнице, по которой разум человеческий нисходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, *блаженны* наречемся» (с. 31)⁴². Наконец, и тот фрагмент, который переводит семинарист из «Белева словаря», оказывается переводом не с «немного знакомого» ему французского, а с хорошо знакомой латыни⁴³.

Оценка масонства в главе достигает максимальной выразительности в двух исторических примерах «бредоумствования». Однако в обоих случаях за этими сатирическими выпадами можно видеть не осуждение масонства вообще, а несогласие Радищева с конкретными положениями. Выше уже отмечалось, что упоминание спора об ангелах на острие иглы связано с масонскими теориями о трех составляющих человека. Эпизод же из «Белева словаря», как верно отмечают авторы «Комментария» к «Путешествию», высмеивает «сложную масонскую обрядность с обязательным учетом при совершении церемоний расположения сторон света»⁴⁴. Но хотелось бы заметить следующее: Радищев приводит его как пример к собственному утверждению: «На лестнице, по которой разум человеческий нисходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, *блаженны* наречемся». Здесь осуждение не только обрядности, но и метода исследования. Сатирическое подчеркивание мизерности объекта «познания» смешно, но нарушение нравственных законов в процессе этого «исследования» ужасает. Исследование Акибы безнравственно, как безнравственны умствования «нового духовного витязя» – вспомним, что говорится об этом в начале тетрадки: «Я лучше просижу ночь с пригоженькою девчонкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, не-

⁴² Об употреблении Радищевым слова «блажен» см.: Кукушкина Е. Д. Библейские мотивы в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Русская литература. 2000, № 1. С. 122.

⁴³ См.: Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. С. 109–110.

⁴⁴ Там же. С. 110.

жели, зарывшись в еврейские и арабские буквы <...> потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым витязям» (с. 30).

Таким образом, три части главы «Подберезье», выделенные в начале статьи, объединены как одной из центральных для «Путешествия» темой соотношения кажущегося и действительного, так и развитием вопроса о «бредоумствованиях» в «новейших таинственных творениях», для раскрытия которого вводится выверенный образ новгородского семинариста. Строгая мотивированность изложения «чужого» слова (речи, письма и рукописи, которые читает и слушает путешественник) фигурой повествователя – вообще важная особенность «Путешествия», идущая еще от сатирической традиции 60-х годов. И образ семинариста в этом плане – один из наиболее показательных.

Тема религии и истории, введенная «Подберезьем», получает свое развитие в следующих двух главах – «Новгород» и «Бронницы», причем если в «Подберезье» современные религиозные воззрения рассмотрены в инвективном ключе, то в «Бронницах» появится положительное решение этого вопроса, восклицание в руссоистском духе: «Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ты един повсюду» (с. 36). Впрочем, вопрос о религиозных воззрениях Радищева в связи с главой «Бронницы» должен стать темой отдельного исследования.

ДИАЛЕКТИКА ВИДЕНИЯ В «ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» РАДИЩЕВА

М. Левитт

*«Но се несчастье смертного на земли:
заблуждати среди света и не зрети того,
что прямо взорам его предстоит».*

В «Путешествии из Петербурга в Москву», как и во многих произведениях литературы XVIII века, придается особое значение проблеме видения и определению факторов, обуславливающих правильный взгляд на мир. «Путешествие» насыщено глаголами и образами, относящимися к разным аспектам видения. В «Путешествии» видение – именно проблема. В книге Радищева страстное желание оправдать авторитет зрения как путь к истине столкнулось с одним принципиальным препятствием, существовавшим в русской действительности, – крепостным правом. Радищев увидел Россию Екатерины II не как воплощение рая на земле (так было принято по ведущему дискурсу эпохи классицизма)¹, но как юдоль печали. Крепостное право представилось страшной, постыдной, незамеченной изнанкой великолепного имперского фасада и грозило затмить все великие достижения Отечества. Это был зеркальный образ в смысле полной противоположности, отрицания плодов просвещения.

Анализируя происхождение человеческого самопознания, французский психоаналитик Жак Лакан предлагал теорию «*mirror stage*» (зеркальная фаза): когда младенец, который еще не умеет вставать и ходить (ни даже держать себя прямо), узнает свой образ в зеркале и начинает формировать свое отношение к себе как к особой, отдельной личности и определять свое отношение к окру-

¹ Baehr S. *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. Stanford, 1991.

жающему миру². Для Лакана, в отличие от Фрейда, самость (self) не является окончательной, неподвижной ипостасью, а именно процессом, который может длиться всю жизнь. Конец этого развития для Лакана равносителен духовной смерти. Во время зеркальной фазы младенец, с одной стороны, воспринимает свое лицо в зеркале как целостный образ и испытывает чувство огромного удовлетворения. Но это пока лишь его ожидаемое «я» (anticipated self), проекция, потенциал и в какой-то мере фикция. Так что, с другой стороны, по Лакану, вместе с чувством большой радости от ожидаемого будущего единства самости, ребенок (речь идет о ребенке от шести до 18 месяцев) в какой-то мере понимает, что пока этой цельности нет и образ в зеркале – обман. Одна исследовательница характеризует этот страх перед отсутствием полноценной самости как «параноидальное знание»³. Радость самооткрытия сопровождается беспокойством о том, сможет ли субъект действительно стать полноценным взрослым человеком.

Лакан сам применял свою теорию к развитию европейского культурного сознания «с XV века до воображаемого зенита современного человека»⁴, и, как нам кажется, его схема предлагает плодотворную конструкцию, с помощью которой мы можем лучше понять культурную ситуацию в России в XVIII веке, в эпоху, когда страна начала определять себя в отношении к «новой» (постренессансной) европейской культуре. Радищевское «Путешествие» олицетворяет тот момент, когда проблема видения оказалась в кризисном состоянии. С одной стороны, было то, что мы можем назвать концепцией классицизма. Это – оправдание видения, то, что Мартин Джей называет «ocularcentrism» (окулярцентризм)⁵, вера в то, что существует совершенное равновесие между внешним видом и внутренней сущностью, что внешность адекватно выражает внутреннее содержание. С другой стороны, все сильнее звучало глубокое сомнение («параноидальное знание») в этой адекватности и в том, что такое равновесие есть и могло существовать или в мире, или в человеке.

Радищевское «Путешествие» пронизано чувством глубокого беспокойства. Называя это беспокойство «параноидальным», мы не должны забывать, что издание «Путешествия» на самом деле стоило автору свободы и чуть ли не жизни. В этом случае угроза была вполне реальна. Как и для всех русских мыслителей-классицистов, для Радищева проблема личности и проблема политики – вполне

² Lacan J. *Écrits*. Paris, 1966. P. 1–4. О Лакане см.: Ragland-Sullivan E. *Jacques Lacan and the Philosophy of Psychoanalysis*. Urbana, 1986 и Gallop J. *Reading Lacan*. Ithaca, 1985.

³ Grosz E. A. *Jacques Lacan: A Feminist Introduction*. New York, 1990. P. 40.

⁴ Lacan J. *Op. cit.* P. 1; см.: Ragland-Sullivan E. *Op. cit.* P. 7–12.

⁵ Ja. M. *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*. Berkeley, 1993.

сопоставимы, это чуть ли не одна и та же проблема. Разоблачение фальши государственного фасада и неправильного зрения угрожало не только пошатнуть политические верования эпохи, но и подвергало сомнению возможность самопознания. Таким образом, в свете теории Лакана политическая проблема оказывается куда глубже и серьезнее. Авторские разоблачения угрожают поколебать или даже разорвать психическую цельность души⁶. Хотя у Радищева новые веяния сентиментализма очевидны и хорошо констатированы учёными, его цель — не самосознание путем исключительного углубления в себя, которое могло вести к нравственному и эмоциональному тупику солипсизма. Напротив, Радищев стремился выйти из этого тупика и объявить идеал человеческого поведения действительным и универсальным не только по отношению к крепостным, но и к классическому эталону человека как отражению вечных законов природы.

Открывающее книгу посвящение можно рассматривать как уникальный ключ ко всему произведению в целом. Здесь в краткой и острой форме ставится вопрос о том, как людям можно «взирать прямо на окружающие предметы», и содержится изложение всех основных этапов видения, которые разворачиваются по ходу повествования. Можно также оценить посвящение как микрокосм повествовательной структуры «Путешествия», а это одна из самых сложных и спорных проблем произведения⁷. Предполагается рассмотреть все голоса повествователей «Путешествия» как разные ипостаси одного совокупного авторского сознания. То есть, по-нашему мнению, образ Радищева как «implied author» (подразумеваемого автора) не отделяется от других повествовательных персо-

⁶ Это беспокойство предвещает дальнейшие перипетии русской культуры начала XIX века.

⁷ См. замечание А. Шонли, что в книге Радищева «дискурс не принадлежит ни кому, кроме истины» и что «различия между повествователями и автором стираются» (Schonle A. *Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840*. Cambridge, MA, 2000. P. 35–36). Другому недавнему исследователю «радищевский повествователь кажется временами лишенным почти всякого 'я'» (Kahn A. *Self and Sensibility in Radishchev's Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: Dialogism and the Moral Spectator // Oxford Slavonic Papers*. 1997. Vol. 30. P. 44. См также: с. 65. Также в немного сокращенном виде в кн.: *Self and Story in Russian History / Ed. by L. Engelstein L. and S. Sandler. Ithaca, 2000. P. 280–304*). В конечном счете, Шонли находит радищевский поиск «аутентичности» неудовлетворительным, поскольку Радищев «хочет, чтобы мы видели человечество и как выражение природы и как отклонение от нее» (с. 22). С другой стороны, Э. Кан, который борется с сугубо политико-идеологизированной (на языке М. М. Бахтина, «монологической») точкой зрения на Радищева, сводит радищевскую концепцию к «релятивизму» (бахтинской «полифонии дискурсов»), который автор понимает в контексте сентиментального романа и теории sensibility (с. 66).

нажей⁸. Эти голоса звучат и в посвящении, которое в кратком изложении дает разные (и, как мы увидим, порой противоположные) представления о зрении. Разные представления или этапы видения, вместе взятые, составляют единое совокупное «я». Такая концепция позволяет рассматривать единство «Путешествия» как органический диалектический процесс.

Посвящение задает все основные этапы видения в книге, кроме первого, отправного пункта. Оно начинается сразу с критического момента: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Вернемся немного назад, чтобы представить себе фон «уязвления». Образ того мира, который оказывается ввергнутым в кризис, – это картина всеобщего счастья, свободы и благополучия, давно знакомая по риторической традиции торжественных од. Таков был ведущий дискурс просвещенной имперской России. Наглядный пример – начало главы «Хотиллов: Проект в будущем»:

«Доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оно ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведенные до высочайшия совершенства степени, до коей человеку достигнути дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий, вольно распростирая свое крылие, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений. Под державным его покровом свободно и сердце наше в молитвах, ко всевышнему творцу воссылаемых, с неизреченным радованием сказати можем, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, Бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховныя власти, яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния. Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений не позволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая

⁸ Хотя некоторые ученые указывали на то, какое важное место уделено зрению в «Путешествии», и не раз пробовали определить сложные взаимоотношения его повествовательных голосов, мы предполагаем, что проблема видения дает адекватное представление о единстве «Путешествия», в котором все голоса выражают своеобразную диалектику видения.

гражданина в его владении от другого, глубока и всеми зрима, и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно примиряются. Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки»⁹.

Этот образ просвещенной России – подчеркнуто визуальный. Читатель (или, скорее, зритель) видит широкую панораму радостного благополучия. В этой утопической стране царствует равновесие внутреннего и внешнего, гражданского и божественного, физически зримого и духовно чувствуемого. Политическая концепция прозрачна: равенство, свобода и уважение к человеческим правам и ограничениям «всеми зрима». Это – знакомый официальный дискурс, составной частью которого был высокий стиль торжественных од Ломоносова; этот дискурс отражался и во многих других жанрах эпохи¹⁰.

Все, кажется, ясно. Но то, что казалось прочным и вечным, оказывается ложью, миражом. Второй этап диалектики видения – кризис, когда внешний мир внезапно является местом не радости и веселья, а боли: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Аналогичный момент есть и в «Хотилове» – он следует сразу за вышеприведенным отрывком и сначала кажется простым его продолжением:

«Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, – неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братия и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую (так!)¹¹ общников наших, сограждан нам равных, братии возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи?» (с. 66).

⁹ Радицев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подготовил В. В. Западов. СПб., 1992. С. 66. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

¹⁰ В «Слове о Ломоносове», которое заканчивает «Путешествие», Радицев восхваляет «преlestную картину» его од, картину «народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения», хотя в то же время он «не завидует» Ломоносову в том, что он следовал «общему обычаю ласкати царям» (с. 121).

¹¹ В другом месте в том же «Хотилове» указано, что д в е т р е т и русских являются крепостными. Но, как замечает Р. Тейлер в своих примечаниях к английскому переводу «Путешествия», «по переписи 1783 года, 94,5 процента русского народа были крестьяне. Из них, 55 процентов принадлежали помещикам, 39 процентов – казне и 6 процентов были свободные крестьяне» (Radishchev A. N. A Journey from St. Petersburg to Moscow. Translation by Leo Wiener. Edited with an introduction and notes by Roderick Page Thaler. Cambridge, MA, 1958. P. 267–168).

Выражение крайней радости неожиданно превращается в вопль отчаяния. Это новый, угнетающий вид человеческих бедствий перечеркивает все, сказанное раньше. Рабство и неволя теперь занимают первое место как «всегдашнюю (так!) нам укоризну» («в глазах наших»). Повествователь теперь испытывает не гордость и самодовольство, а стыд. Радостная картина становится постыдным зрелищем:

«Зверский обычай поработать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассирии, обычай, диким народам приличный, обычай знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленях земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду сего разумного времюточия сохранили его нерушимо даже до сего дня» (с. 66–67).

Радищев обыгрывает слова «слава» – «славяне», показывая, что, несмотря на всю славу России, она еще покрыта мраком.

Посвящение начинается с аналогичного кризисного момента¹²:

«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блюдящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельстве себе подобных. – Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь» (с. 6).

Отметим, в первую очередь, большое внимание автора к проблеме видения и множество слов, относящихся к этому топосу – *Взглянул, обратил взоры, узрел, взирает, сокрыла, Отыми завесу с очей*. Подобно вышеприведенному кризисному моменту в «Хотилове», посвящение описывает неприятное откровение,

¹² Обращение к А. М. Кутузову здесь пропущено.

«уязвление», видение того, что превратилось во «всегдашнюю нам укоризну». Сравните в «Вышнем Волочке» другой подобный случай: «если при первом взгляде разум мой усладился видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование». Повествователь испытывает неприятный шок во время питья кофе:

«Вообрази себе, – говорил мне некогда мой друг, – что кофе, налитый в твоей чашке, и сахар, распущенный в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною его слез, стенаний, казни и поругания; дерзай, жестокосердный, усладить гортань твою. – Вид прещения, сопутствующий сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился» (с. 75).

Заметим, что шок здесь происходит не от узнавания какого-нибудь зла как такового (например, вида страдающих рабов или, скажем, кофе как чаши слез или крови), а от вида отвращения и ужаса на лице друга. Увидеть несчастье другого – значит утратить удовлетворенность собой и уверенность в прочности мирового благополучия. Этот момент сознания подобен тому, которое описывает «человек из подполья» Достоевского. Сознание – от боли. Зло, которое видится во внешнем мире, причиняет внутреннюю боль.

Вначале эта боль уязвления ведет к мрачному, отрицательному видению мира, который теперь кажется местом скорби, терзания и отчаяния (это – ключевые слова в «Путешествии», обозначающие очередной этап видения). Внешний, телесный мир – место, где все уныло, греховно, где видение открывает не радостную картину божественного начала вселенной, а ведет лишь к обману и греху. Видение – не «самое благородное из всех чувств» (как у Цицерона), а, по словам Симеона Полоцкого,

<...> зрение начало есть злого,
 раждает в уме помысла сквернаго.
 Услаждение из того ся родит,
 та же соизвол мерзостный приходит¹³.

Многие эпизоды в «Путешествии» отражают этот этап отрицания или отрицательного видения. Здесь и мотив суеты мира (*vanitas*), и тема бренности человеческой славы, цивилизации и физического мира вообще. Все превращается в прах. Тот человек, который видит этот мир яснее всех, как «глазной врач» Прямовзорова в главе «Спасская полость», кажется персонификацией отрица-

¹³ Симеон Полоцкий. *Вертоград многоцветный* / Anthony Hippius and Lydia I. Sazonova (eds.) with a foreword by Dmitrij S. Lichacev. Köln, 1999. T. 2. С. 464.

ния. Ее называют «волхв опаснейший, носяй яд и отраву, (который) радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит; даже не щадит в ругании своем священныя твояе главы» (с. 24).

Эти слова поразительно напоминают характеристику, данную Екатериной II автору самого «Путешествия» при чтении последнего¹⁴. Можно привести много примеров этого «нигилистического» видения – картины бедности, рабства, продажи людей, неравных браков, проституции и половых заболеваний и т.п., которыми полна книга Радищева. Автор «отымает завесу» от внешнего вида екатерининской России. Но это не значит, как полагают некоторые ученые, что в философском плане Радищев – материалист и утилитарист¹⁵. Отрицание ложного мира и острое ощущение материальных границ зримого мира – это важный, но только один из нескольких этапов в диалектике. У скепсиса Радищева есть четкие границы.

Посвящение продолжается: «Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Кризисный момент ведет к движению внутрь и к новому пониманию внешнего мира. Ощущение боли у Радищева, в отличие от человека из подполья Достоевского, для которого острое самосознание становится все более болезненным и трагичным, здесь играет положительную роль. В этом отношении употребление слова «уязвление» и форм глагола «уязвить» примечательно. В XVIII веке слово «уязвление» могло обозначать рану или укус, а в переносном смысле – обиду, оскорбление (как и в Посвящении, можно «душу язвить»); чаще всего, это ранение словами, например, «язвительная речь»¹⁶. У Радищева формы слова «уязвление» отражают сложности процесса «движения вовнутрь» и нового понимания (видения) внешнего мира. С одной стороны, соприкосновение со злом может повредить человеку, оставить опасный след или яд, превращая его в чёрствого, равнодушного, злого

¹⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 300–308.

¹⁵ Это точка зрения многих ученых советской эпохи, но она имеет своих приверженцев и на Западе, например, Т. Пейдж (Page T. 1) *Helvetianism as Allegory in the 'Dream' and the 'Peasant Rebellion' in Radishchev's 'Journey from Petersburg to Moscow'* // *Russia and the West in the Eighteenth Century*. Newtonville, 1983. P. 135–143; 2) *Radishchev's Polemic Against Sentimentalism in the Cause of Eighteenth-Century Utilitarianism* // *Russian Literature in the Age of Catherine the Great*. Anthony Cross (ed.). Oxford, 1976. P. 141–172).

¹⁶ См.: *Словарь современного русского литературного языка*. М., 1950–1965. Т. 16. Стлб. 1186–1187 («Уязвлять»); Т. 17. Стлб. 2044–2467; 2048–2049 («Язва, Язвить»).

В Новом Завете называют раны Иисуса на кресте «язвами» (Иоанн 20:26; см. также: Гал. 6:17 «я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем»). Благодарю И. Рейфман за это наблюдение. О цитировании Библии в «Путешествии», см.: Кукушкина Е. Д. *Библейские мотивы у А. Н. Радищева* // *Русская литература*. 2000, № 1. С. 119–123.

насилльника. В «Путешествии» есть разные метафоры, обозначающие это состояние и процесс дегенерации. В том числе это образ непроницаемой коры, завесы, бельма, даже «роговой раствор» (с. 25) – футляр или покрытие, которое образуется вокруг души или над глазами и делает человека неуязвимым и слепым. Логическая проекция этого образа – холодное, каменное, мёртвое сердце. Здесь процесс окаменения дошёл до конца, до глубины души. Как и для Лакана, конец процесса самопознания равняется смерти.

Зло часто оставляет дурной след или яд, и уязвиться можно также болезнью, *язвой* (от того же корня). «Господский пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень. Пример есть истинная чума; кто что видит, тот то и делает» (с. 63). Зрелище зла заразительно и в физическом, и в нравственном планах, как показано на примере венерической болезни. Дальше, действие зла вполне логично и причиняет «естественную» реакцию. На уровне этики и политики это значит противодействие злу в духе «око за око» и может оправдать кровавый бунт и защиту «естественных прав» человека путем ответного насилия. Но это крайний и далеко не лучший вариант, потому что при этом сценарии все участники могут оказаться вообще без очей, слепыми. Результаты таких взаимных и возрастающих «уязвлений» могут быть страшными¹⁷.

С другой стороны, уязвление может действовать как стимул к исправлению видения и к духовному обновлению. Анюта, примерная крестьянка из главы «Едрово», действует на порочных (но не полностью развратных) мужчин как «благодетельное жало невинных добродетели»; рассказчик на нее «призарился»¹⁸. Жало или стрела приносят боль, но могут пробудить человека из злого, слепого или сонного состояния¹⁹. Можно сослаться и на Достоевского, у которого мужской персонаж может «прийти в самого себя» благодаря женщине, персонифицирующей божественное начало мудрости и благодати. У Радищева такую роль играют «сельские женщины или крестьянки», потому что (как объясняет повествователь) они «не знают еще притворства, не налагают на себя личины притворных любви, а когда любят, то любят от всего сердца и искренно». Иными словами – это идеал подлинности, постоянства, единства внутреннего и внешнего, добродетели и красоты. Женщина играет роль Другого, со-

¹⁷ В. П. Семенников обратил внимание на опасения Радищева по отношению к французской революции (Семенников В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 3, 43–59; см.: Kahn A. Op. cit. P. 40).

¹⁸ Ср. образы «уязвления» любовью и стрелами Купидона в поэзии XVIII века.

¹⁹ Е. А. Кукушкина описывает противоположности «сон – пробуждение» и «потеря – возвращение видения» как мотивы, «связанные с поэтикой и образностью Священного Писания» (Библейские мотивы у А. Н. Радищева. С. 121).

вершенного «я». Конечно, с точки зрения Лакана, это ещё одна фикция, другой этап видения. Но в диалектике видения у Радищева – это мерило правильного видения, видения сердца или души – и также божественного видения.

Таким образом, уязвление заставляет человека углубляться в себя, а затем направляет его зрение обратно к внешнему миру, давая ему возможность «взирать прямо на окружающие его предметы». Но это не значит, что процесс обновления видения прост и автоматичен. Средняя часть Посвящения состоит из ряда трудных и запутанных вопросов, на которые, кажется, и сам рассказчик не может ответить. («Ужели... Ужели...»).

Здесь преобразование, движение от внутреннего к внешнему видению, от вопросов разума до ответов чувства (или веры), можно, с одной стороны, воспринимать как исповедь, и порой кризис личности описывается в «Путешествии» в религиозных терминах – заблуждение, грех, раскаяние; с другой стороны, такое истолкование – далеко не самое важное, и сугубо христианский аспект исповеди (в смысле исповеди как тайны) отсутствует (см. «Бронницы»); религиозные взгляды Радищева, нам кажется, всего ближе к теизму²⁰. Хотя Радищев порой выражает гоббсеанский взгляд на человека в «естественном состоянии», то есть в состоянии постоянной борьбы за существование (это состояние относится к этапу «нигилизма»), эта идея, как и христианское понятие об изначальной греховности человека, второстепенны для него. Проблема для Радищева не столько в том, как избавиться от укоренившегося человеческого зла (хотя это тоже его волнует), сколько в том, можем ли мы, смертные, физически отделаться от заблуждений, чтобы «взирать прямо». Невозможность взирать прямо – это не только нравственная, но и практическая проблема: «Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи?» Эта проблема существует как для невинных, так и для всех остальных людей. Если правильное видение невозможно – то виновных вообще быть не может, поскольку нельзя обвинять слепого в его слепоте. Если правильное видение невозможно, то люди приговорены к незнанию и бедствиям, «а блаженство николи» невозможно. Радищев ставит под вопрос суть природы, онтологию внешнего мира (что он такое?) и эпистемоло-

²⁰ Радищев представляет божественную силу не только как всеобщую, но и (в отличие от деизма) активную и в определенном смысле даже как лично действующую в мире. Об этом см. ниже.

Э. Кан связывает мистическую сторону «Путешествия» с учением масонов и видит в этом черты пародии (с. 51–54). О спорном (и может быть, неразрешимом) вопросе об отношении Радищева к масонству см.: Кочеткова Н. Д. Радищев и масоны // Русская литература. 2000, № 1. С. 103–107.

гию (как можно его познать?). Нравственное поведение зависит от эпистемологии: что и как мы знаем, определяет то, как мы поступаем.

Но у Радищева разум ограничивается четкими пределами и не может отвечать на эти терзающие его вопросы, или, может быть точнее, те ответы, которые он дает, — неприемлемы («Разум мой вострепетал от сея мысли»). Вспомним:

«Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетствии себе подобных» (с. 6).

Это сложные, не вполне ясные, аргументы. У «природы» здесь, по видимому, три разных значения. Первое — это творец, родительница (люди — чада, она их произвела на свет). Второе — это природное чувствование, которое можно понимать как физическую чувствительность — это телесный мир. Наконец, третье — это громкий «глас природы», который можно воспринимать как божественный голос внутри нас. В других местах «Путешествия» он назван «совестью» или голосом самого Бога. Таким образом, «природа» у Радищева охватывает разные стороны человеческого бытия — как физического, так и внетелесного, метафизического. Образный и страстный риторический строй Посвящения (и «Путешествия» вообще) показывает, что последней инстанцией истины для Радищева является «сердце», которое можно понимать как интуитивное, иррациональное начало, а также — как Бога. Бог здесь — не равнодушная машина, как у деистов, а природа-родительница, живо заинтересованная в благополучии своих детей.

На этом этапе истина постигается не видением, а слушанием²¹. Голос природы «раздается громко» для рассказчика и ставит предел его заблуждениям и сомнениям. Он утверждает, что можно и нужно «отымать завесу», взирать прямо на мир и быть счастливым. Те самые «чувствительность и сострадание», которые повергли его в уныние, теперь позволяют ему «воспрянуть» и стать сча-

²¹ Противопоставление визуального и слухового восприятия у Радищева может быть отнесено с моделями восприятия мира, характерными соответственно для древнегреческой и еврейской (библейской) культур. См.: Жау М. Ор. cit. P. 23–24, 33–36.

стливым (или вернуться к счастью). Он начинал в состоянии «неизреченного радования» («Хотиллов») и кончает в состоянии «веселия неизреченного». Но вначале видение счастья было только кажущимся – или, может быть, это было состояние блаженного (и безвинного) неведения, как у Адама и Евы до изгнания из рая. «Чувствительность и сострадание» позволяют рассказчику соединиться с другими и примириться с самим собой. В какой-то степени мы возвращаемся в райское состояние веселия, но идеал внутреннего и внешнего счастья, счастья для себя и для других теперь уже другого, сознательного качества. Новое сознание позволяет и требует действия – и духовного («соучастником быть во благодетельности себе подобным»), и практического («Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь»).

Таким образом, само написание книги является в какой-то мере последним этапом диалектики видения. Добавлю в заключение, что это не значит, что диалектический виток завершен, окончен раз и навсегда. Как мы видели, конец развития (как окаменение, так и, думается, состояние блаженства) равняется смерти; самость – это процесс. Диалектика вечно продолжается и будет продолжаться. С одной стороны, идеал синтеза диалектики – более прочный, чем тот кажущийся, бессознательный идеал начала процесса, потому что повествователь прошел горнило сомнений и испытаний. Но идеал этот в то же время и более хрупкий. Новое «веселие неизреченное» все-таки будет подвергаться тем же «уязвлениям» окружающей действительности, в том числе «всегдашней укоризне» крепостного права и угрозе суровой расправы со стороны Екатерины II. И веселие, и укоризна – «вечны» и продолжают оказывать своё действие, пока человек живет. По этой же причине тональность «Путешествия» постоянно колеблется между двумя противоположными полюсами – ободряющей надеждой (верой в социальную справедливость и счастье для всех) и трепещущим страхом (чувством безысходности, ожиданием неизбежной казни). Повествователь приходит, может быть, всего ближе к окончательному равновесию в конце главы «Бронницы», когда он сначала перефразирует слова из Екклезиаста, а потом сам отвечает на них. В конечном счете мир видения (и суета) уступает вечному, внутреннему голосу: «И всё, что зрим, прейдет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне: пребудет нечто вовеки живо»²².

²² Если глава «Бронницы» предлагает самое оптимистическое решение диалектики видения в духовном плане, то нам кажется, что «Спасская полесть» всего ближе к политическому ее разрешению.

Трудно согласиться с утверждением Э. Кана о том, что стихи из «Катона» Дж.>Addисона, которые следуют за цитированными словами и которые заканчивают главу, имеют сугубо «литературный» характер и поэтому придают идее откровения иронический оттенок (с. 54).

РАДИЩЕВ И МИЛЬТОН

Н. Д. Кочеткова

Об интересе Радищева к английской истории и культуре свидетельствуют его высказывания, которые до сих пор недостаточно оценены исследователями, сблизившими творчество писателя прежде всего с сочинениями французских просветителей, а также – хотя и в меньшей степени – немецких авторов.

Во время обучения в Лейпцигском университете английского языка не было в программе русских студентов, и Радищев, вспоминая о занятиях Федора Васильевича Ушакова, писал: «Если бы смерть тебя не восхитила из среды друзей твоих, ты, конечно, о бодрствования души, прилепился бы к языку сих гордых островитян, кои некогда, прельщенные наихитрейшим из властителей, царю своему жизнь отъяти покусились судебным порядком; кои для утверждения благосостояния общественного изгнали наследного своего царя, избрав на управление посторонняго; кои при наивеличайшей развратности нравов, возмеряя вся на весах корысти, и ныне нередко за величайшую честь себе вменяют противоборствовать державной власти и оную побеждать законно»¹.

Отнюдь не идеализируя англичан, Радищев стремится найти в языке «гордых островитян» отражение их независимого духа. В образовательной программе крестичского дворянина из «Путешествия из Петербурга в Москву», несомненно отражающей воззрения самого Радищева, именно английскому языку отдается предпочтение перед другими. Отец говорит своим сыновьям: «Аглинско́й язык, а потом латинской, старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным»².

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 228.

² А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подготовил В. А. Западов. СПб., 1992. С. 50.

В первоначальной редакции биографии А. Н. Радищева, написанной его сыном П. А. Радищевым, говорилось, что писатель «выучился, будучи 40 лет, английскому языку и изучил его настолько хорошо, что мог читать Мильтона и Шекспира»³. В более позднем тексте этой биографии говорилось, что поскольку, занимаясь таможенными делами, «Радищев, искусный в латинском, немецком и французском языках, не разумел английского, то желая освободиться от зависимости своего переводчика, он, несмотря на многотрудную должность, начал учиться по-английски, имея уже более 30 лет, и через год мог объясняться свободно и правильно на этом языке и понимать Шекспира и Мильтона»⁴. В соответствии с этими свидетельствами, занятия Радищева английским языком следует отнести к 1780-м годам. Учитывая его несомненные филологические способности и превосходное знание других европейских языков, можно полагать, что он действительно достаточно быстро смог овладеть и английским. 2 мая 1791 г. Радищев из Тобольска просил А. Р. Воронцова прислать «английскую газету для английского чтения»⁵. Тем не менее, чтение Мильтона и Шекспира в подлиннике требовало значительной подготовки. Ясно, что классиков английской литературы русский автор достаточно хорошо знал ранее по переводам, причем не только и не столько русским, сколько французским и немецким.

Имя Мильтона появилось в «Путешествии» уже в ранней редакции главы «Тверь»⁶. С небольшими изменениями соответствующие отрывки были сохранены и в печатном тексте. Рассуждая о необходимости обновления русского стихосложения, Радищев писал: «Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредиаковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера»⁷. Творчество Мильтона предстает как образец подлинного искусства. В этом убеждает и фраза, следующая несколько далее: «Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Вергилий, Мильтон, Расин,

³ «А. Н. Радищев». Новая редакция биографии его, написанной П. А. Радищевым // Семенов В. П. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 221. Оригинал по-французски: «... *apprit à l'âge de 40 ans l'anglais, et le savait assez bien pour pouvoir lire Milton et Shakespeare*» (с. 218).

⁴ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. Подготовка текста, статья и примечания Д. С. Бабкина. М.; Л., 1959. С. 56.

⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 371. Оригинал по-французски: «*pour l'anglais un journal anglais*».

⁶ См. реконструкцию ранней редакции «Путешествия», осуществленную В. А. Запатовым: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 273.

⁷ Там же. С. 95.

Вольтер, Шекеспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий»⁸.

В России XVIII века Мильтон был хорошо известен прежде всего своими знаменитыми поэмами «Потерянный Рай» («Paradise lost», 1667) и «Возвращенный Рай» («Paradise regain'd»): в конце 1770-х – начале 1780-х годов появилось несколько русских переводов этих произведений. Характеризуя их, Ю. Д. Левин приводит многочисленные отзывы о Мильтоне, начиная с В. К. Третьяковского и кончая Н. М. Карамзиным⁹. Высказывания Радищева не только дополняют эту картину восприятия английского поэта в России XVIII века, но и побуждают к исследованию параллелей между творчеством двух писателей, к выявлению следов воздействия одного из них на другого.

Самое начало такому исследованию положено в связи с обсуждением книги Г. П. Шторма «Потаенный Радищев» (М., 1965), в которой была предпринята попытка доказать, что писатель вернулся к доработке текста «Путешествия» после возвращения из ссылки в 1799–1800 гг.¹⁰ Одним из доказательств стала датировка поэмы Радищева «Творение мира», входившей в списках особого состава в главу «Тверь». Опровергая утверждение Г. П. Шторма о том, что поэма восходит к либретто Г. Ван-Свитена для оратории И. Гайдна «Сотворение мира» (1799), исследователи обратили внимание на то, что произведение Радищева следует сближать прежде всего с текстом Библии и седьмой книги «Потерянного Рая» Мильтона¹¹. Обращаясь к теме сотворения мира, оба автора подчеркивают роль «всезиждущего слова», которое непосредственно исполняет волю Бога. Эта тема, присутствующая у Мильтона, становится центральной в стихотворении Радищева, который вкладывает в уста Бога повеления, обращенные к Слову:

Исполнь божественны обеты,
Яви твореньем Божество,
Исполнь премудрости советы,
Твори жизнь, силу, вещество.

⁸ Там же.

⁹ Левин Ю. Д. *Восприятие английской литературы в России. Исследования и материалы.* Л., 1990. С. 134–137, 160–162, 210–212. См. также: Лимонов Ю. А. «Потерянный Рай» Джона Мильтона в русской рукописной традиции как памятник культурных связей Англии и России в XVIII в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1983. Т. XIV. С. 175–179.

¹⁰ См.: *Потаенный Радищев // Русская литература.* 1966, № 1. С. 244–257.

¹¹ См.: Западов В. А. *Примечания // Радищев А. Н. Стихотворения.* Л., 1975. С. 226–230 (*Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.*). Изучение Радищевым английского языка отмечено здесь к 1780–1781 гг.

Тобою я прославлюсь,
 Бездействия избавлюсь,
 Ты то явишь, что я возмог,
 А я в себе почию, Бог¹².

Слово предстает как главная действенная сила, исполняющая волю Бога. Слово становится источником жизни, дает начало времени и движению. Бог передает Слову свое «владычество и власть», хотя провидит, что сотворенный им человек возгордится, возомнив себя царем всей природы, и не будет внимать его законам. Тем не менее, Бог не отступает от своего намерения, заранее говоря о своей готовности простить «бренну и немощну тварь»:

Не ярый слабостей я мститель,
 Отец всещедрый и зиждатель:
 Любвию к тебе горю¹³.

Именно эта тема получила в свое время развитие в третьей книге «Потерянного Рая». У Мильтона Бог-Отец, беседуя с Сыном, предрекает, что Злой дух соблазнит Человека, и тот нарушит залог верности, выйдя из повиновения Богу:

<...> Man disobeying,
 Disloyal breaks his fealty, and sins
 Against the high supremacy of Heaven,
 Affecting Godhead <...>¹⁴.
 <...> поправ запрет,
 Растопчет верность; отвергая власть
 Верховную Небес и возжелав
 Сравниться с Богом <...>¹⁵.

Однако, несмотря на это, Бог заранее готов простить Человека и обещает ему пощаду:

But mercy first and last shall brightest shine¹⁶.
 Но первым и последним светом будет свет
 Ярчайший – милосердия сиять¹⁷.

¹² Радищев А. Н. Стихотворения. С. 53.

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Paradise Lost. A Poem, in Twelve Books by John Milton. London, 1804. P. 62.

¹⁵ Мильтон Дж. Потерянный Рай: Стихотворения. Самсон-борец. Перевод А. Штейнберга. М., 1976. С. 90.

¹⁶ Paradise Lost. P. 60.

¹⁷ Мильтон Дж. Потерянный Рай. С. 88.

Так, в стихотворении Радищева обнаруживаются новые параллели с поэмой Мильтона, которую он хорошо знал и высоко ценил. Об этом свидетельствует и отзыв в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии», написанном в Илимске. Рассуждая о присущей человеку творческой силе, писатель замечает: «Когда ты читаешь картину лобзания первого мужа и жены в Эдеме; когда ты возришь на изображение последнего суда и не почувствуешь, что сотворить могла их единая токмо сила, что сила их образовала во главе Мильтона и Михаила Анжела (то есть Микеланджело, – Н. К.), то и я на то согласен, отрицаю во главе твоей быть силе; ты кукла Вокансонова»¹⁸. Примечательно, что Радищев останавливает свое внимание на лирических страницах поэмы Мильтона, который описывает в четвертой книге блаженное времяпрепровождение Адама и Евы в Раю. Строгий пуританин, Милтон был далек от какого-либо ханжества, и любовь прародителей человеческого рода, находящихся на небесах, он описывал как вполне земную плотскую любовь, не видя в ней ничего преступного:

<...> into their inmost bower
 Handed they went; and, eas'd the putting off
 These troublesome disguises which we wear,
 Straight side by side were laid; nor turn'd I ween
 Adam from his fair spouse, nor Eve the rites
 Mysterious of connubial love refus'd:
 Whatever hypocrites austere talk
 Of purity, and place, and innocence,
 Defaming as imrure what God declares
 Pure <...>.

Nail, wedded Love, mysterious law, true source
 Of human offspring <...>.

<...>рука в руке,

Вступили в сень; присущих нам одежд
 Стеснительных совлечь им не пришлось;

И совокупно возлегли. Адам
 Я полагаю, от подруги милой
 Не отвернулся, так же и жена
 Отказом не ответила, блюдя
 Обычай сокровенный и святой
 Любви супружеской. Пускай ханжи
 Сурово о невинности твердят

¹⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 115.

И чистоте, позоря и клеймя
Нечистым то, что чистым объявил
Господь <...>.
Хвала тебе, о, брачная любовь,
Людского рода истинный исток,
Закон, покрытый тайной! <...>¹⁹.

Характерно, что Амвросий (А. Серебренников), опубликовавший в 1780 г. свой прозаический перевод «Потерянного Рая», сделанный с французского языка, в «Предупреждении», очень высоко отзываясь о поэме Мильтона в целом, среди «излишеств и погрешностей» отметил именно это место: «... в 4 книге вводит он брак в райское место; но сие утверждают только некоторые и то жидовские раввины; а церковь противное сему приемлет <...>. Что же с толиким жаром одобряет он сие действие и порочит отвергающих его как нечто незаконное, то неудивительно, ибо трижды был женат <...>»²⁰. Сам Амвросий весьма осторожно перевел этот отрывок, совершенно удалившись от подлинника: «Свободны от сих скучных прикровений, носимых нами, располагались ко сну. Господь создал их единого для другого; ничто не должноствовало разлучить их. Некоторые противоплагают святость места и состояние невинности. Но можно ли почитать нечистым, что очистил сам Бог <...>. Брачное ложе мужей святых и древних патриархов, которых Бог избобильным чадородием благословил, не было ли явленно чистым и нескверным?»²¹.

Таким образом, впечатления Радищева, вспомиавшего «картину лобзания первого мужа и жены в Эдеме» в «Потерянном Рае», были связаны не с переводом Серебренникова, а с подлинным текстом Мильтона. Представление английского поэта о любви между мужчиной и женщиной, между мужем и женой было очень близко Радищеву, который в главе «Крестыцы» писал о «любвонной страсти»: «Она природою насажена в сердце нашем ко блаженству нашему. <...> Говоря о любви, естественно было бы говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения проистекает»²².

Знакомство русского писателя с творчеством Мильтона отнюдь не ограничилось «Потерянным Раем». Еще В. П. Семенников, анализируя оду «Воль-

¹⁹ Мильтон Дж. Потерянный Рай. С. 130.

²⁰ Потерянный Рай, поэма героическая, творение г. Милтона. Переведено с французского языка [Амвросием (А. Серебренниковым)]. М., 1780. С. 11–12 нунум.

²¹ Там же. С. 140–141.

²² Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 52.

ность», заметил: «Непосредственно при изображении картины цареубийства на Радищева, вероятно, повлияла европейская памфлетная литература; страстный политический памфлет с прославлением казни Карла I и апологией революции вообще принадлежит Мильтону»²³. Современные комментаторы «Вольности» не называют имени Мильтона, а между тем совершенно очевидны параллели между одой Радищева и трактатом английского автора, опубликованным после казни Карла I в 1649 г. «Права и обязанности короля и правителей» («Tenure of Kings and Magistrates»). Радищев вполне солидарен с Мильтоном, заявляющим о праве народа судить государя, если он не выполняет своего долга заботиться о подданных. Сходным оказалось и двойственное отношение обоих писателей к О. Кромвелю. Мильтон, решительно вставший на его сторону и занявший при нем ответственный пост латинского секретаря, вскоре был разочарован политической лорда-протектора и озабочен вновь возникшей угрозой для свободы, которую завоевывали с таким трудом. Оценка Радищева безоговорочно резка: Кромвель для него «злодей», «сокрушивший твердь свободы», но в то же время он народный мститель, справедливо осудивший Карла на казнь. Говоря о событиях английской революции, Радищев затрагивает еще одну тему, обсуждавшуюся Мильтоном в другом памфлете – «Иконоборец» («Eikonoclastes», 1649), написанном в ответ на попытку сторонников монархии представить идеализированный образ невинного страдальца короля в сочинении Дж. Годена «Лик короля» (дословно: «Икона короля» – «Eikon Basilike»). В 24-й строфе «Вольности» поэт писал:

Ниспал призрак, и мглу густую
 Светильник истины попраля,
 Личину, что зовут святую,
 Рассудок с пагубы сорвал.
 Уж бог не зрится в чуждом виде,
 Не мстит уж он своей обиде,
 Но в действе распростерт своем <...>²⁴.

Эти затрудненные и до сих пор не откомментированные строки становятся хорошо понятны, если их соотнести с той полемикой в английской печати 1649 г., в которой Мильтон принял непосредственное участие. Можно полагать, что речь идет здесь именно о его памфлете «Иконоборец», воспринятом Радищевым как «светильник истины», разоблачающий тех, кто стремился представить «святым» казненного короля: «Личину, что зовут святую, / Рассудок с па-

²³ Семенников В. П. Радищев. С. 17.

²⁴ Радищев А. Н. Стихотворения. С. 66.

губы сорвал». Заслуживает также внимания и упоминание в следующей 25-й строфе «Вольности» Самсона, который «древле сотрясает // Исполненный коварств чертог». Этот образ связан опять-таки с произведением Мильтона – его знаменитой драматической поэмой «Самсон-борец» («Samson Agonistes», 1671), где библейский герой выступает как поборник свободы, готовый пожертвовать собственной жизнью ради спасения своего народа.

Наконец, следует упомянуть еще одно произведение Мильтона, которое, по-видимому, привлекло внимание Радищева – трактат «Ареопагитика, или Речь к английскому парламенту в защиту свободы печати» («Areopagitica, a Speech for the Liberty of Unlicensed Printing to the Parliament of England», 1644). В своей блестящей статье «А. Н. Радищев – «Торжок»» Я. Л. Барсков тщательно рассмотрел важнейшие источники, которыми пользовался Радищев при написании этой главы «Путешествия», впервые сопоставив ее текст со сборником статей Иоганна Бекмана (J. Beckmann) «Статьи по истории открытий» («Beiträge zur Geschichte der Erfindungen», 2-е изд. 1783)²⁵. Среди прочих возможных многочисленных источников Я. Л. Барсков назвал и трактат Мильтона, но, ссылаясь на «Лекции по истории английской революции» (1924) А. Савина, привел лишь его суждение о том, что Милтон требовал «не свободы печати, а отмены предварительной цензуры»²⁶. Между тем обращение к тексту английского трактата позволяет заметить немало сходжений между Мильтоном и Радищевым в вопросе о свободе печати. Оба писателя связывают появление цензуры с инквизицией. «...this project of licencing crept out of the Inquisition, was catcht up by our Prelates <...>»²⁷ («...Идея надзора, выползшая из недр инквизиции, была подхвачена нашими прелатами...»)²⁸, – писал Милтон. «Ценсура была современна инквизиции»²⁹, – заявлял Радищев. Милтон напоминал, что «...evil manners are as perfectly learnt without Books a thosand other ways ...»³⁰ («...дурные навыки легко

²⁵ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев – «Торжок» // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940. С. 54–76. См. также: Grasshoff H. Eine deutsche Quelle für Radiščevs «Kurzen Bericht über die Entstehung der Zensur» aus der «Reise von Petersburg nach Moskau» // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1970. Bd. IV. S. 333–366.

²⁶ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев – «Торжок». С. 68.

²⁷ Complete Collection of the historical, political and miscellaneous works of John Milton. In two volumes. London, 1738. Vol. 1. P. 143.

²⁸ Милтон Дж. Ареопагитика. О свободе книгопечатания // Корабли мысли. Зарубежные писатели о книге, чтении, библиофилах: Рассказы, памфлеты, эссе. (Перевод В. В. Евгеньева). М., 1980. С. 27.

²⁹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 86.

³⁰ Complete Collection of the works of John Milton. P. 148.

распространяются и без книг тысячью других способов...»³¹). Радищев рассуждал о том, что «действие более развратит, нежели слово и пример паче всего. <...> И так цензура да останется на торговых девок, до произведений же, развратного хотя разума, ей дела нет»³².

Эти и подобные схождения едва ли можно счесть случайными, зная об интересе Радищева к творчеству Мильтона в целом. Речь идет не о заимствованиях, но о вдумчивом осмыслении идей, высказанных английским писателем, чье имя автор «Путешествия из Петербурга в Москву» ставил рядом с именами Шекспира и Микель Анджело.

³¹ Мильтон Дж. *Ареопагитика*. С. 37.

³² Радищев А. Н. *Путешествие из Петербурга в Москву*. С. 82–83.

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ А. Н. РАДИЩЕВА

А. О. Дёмин, А. А. Костин

Мы имеем очень смутное представление о библиотеке Радищева, тем более смутное, что сам характер его биографии – пять лет сибирской ссылки, а затем – ещё два года безвыездного пребывания в Немцово, – заставляет нас думать, что библиотека, собранная к 1791 г., полностью не сохранилась, а уже после приезда в Петербург в 1799 г. собиралась заново. Беглого взгляда на комментарий к академическому собранию сочинений должно быть достаточно, чтобы понять, что Радищев был человеком необычайно начитанным. Например, философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», показывает знакомство с европейской литературой как философского, так и специального естественнонаучного содержания¹. То же можно сказать и о «Путешествии из Петербурга в Москву»². Между тем, сведений о конкретных изданиях, находившихся в библиотеке Радищева, мы почти не имеем, и еще меньше известно о местонахождении отдельных принадлежавших ему экземпляров.

Несмотря на то, что исчерпывающая информация об имеющихся у нас сведениях о принадлежавших Радищеву книгах не входит в задачи данной публикации, попытаемся дать их краткий обзор³. Из списка подписчиков⁴ мы знаем, что Радищев подписывался на «Утренние часы» (1777–1778), «Древнюю рос-

¹ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 370–384.

² См.: Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974.

³ См. более обширные, хотя во многом необоснованные сведения в статье: Шмаков А. Книжные интересы А. Н. Радищева // Уральский библиофил. Челябинск, 1989. С. 118–128.

⁴ Самарин А. Ю. Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (По спискам подписчиков). М., 2002. С. 142.

сийскую гидрографию» (1773)⁵ и «Древнюю российскую вивлиофику» (1773); из писем⁶, — что в Петербурге до ссылки получал «Берлинский ежемесечник»⁷ и «Каталог ярмарок “Месскаталог”»⁸. В собрании М. Н. Лонгинова сохранилась «Летопись Несторова...»⁹ с пометами Радищева, совпадающими с его выписками «К российской истории»¹⁰. Из переписки периода ссылки¹¹ нам известно порядка двух десятков изданий, приобретенных Радищевым. Преимущественно это книги естественнонаучного характера или связанные с описанием Сибири, но есть среди них, например, «Mercure de France», «Энциклопедический дневник»¹², «Библиотека общественного человека»¹³, «Наука законодательства» Г. Филанджери (1752–1788)¹⁴. Сын Радищева Павел сообщал, что Радищев получал «Московские ведомости», «Политический журнал» и «Полезное и приятное препровождение времени»¹⁵. Кроме того, в «Моей библиотеке» Н. П. Смирнов-Сокольский отмечает экземпляр «Феатра чрезвычайных происшествий истекающего века» П. П. Острогорского с дарственной надписью Радищева¹⁶.

Однако сохранился документ, дающий нам сведения сразу о ста тридцати книгах из библиотеки Радищева. Это реестр книг, предоставленный сыном писателя Н. А. Радищевым председателю Комиссии для составления законов П. В. Завадовскому после смерти отца. Этот реестр был опубликован

⁵ *Древняя российская гидрография, содержащая описание Московскаго государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним городаы и урочища и на каком оные расстоянии.* СПб., 1773.

⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 371.

⁷ *Berlinische Monatsschrift. Hrsg. von Biester.* № 1–28. Berlin, 1783–1796.

⁸ *Каталоги крупнейших в Европе франкфуртской и лейпцигской книжных ярмарок.*

⁹ *Летопись Несторова с продолжителями по Кенигсбергскому списку, до 1206 г.* Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи, и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Часть I. СПб., 1767.

¹⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 576–580.

¹¹ Там же. С. 344–496.

¹² *Journal encyclopédique ou universel, par une société de gens des letters.* Liege, 1756–1793.

¹³ *Bibliothèque de l'homme public ou Analyse raisonnée de des principaux ouvrages français et étrangers.* № 1–12. Paris, 1790–1792.

¹⁴ *Filangieri G. La science de la législation par M. le chevalier Gaetano Filangieri, ouvrage, traduit de l'italien par J.-Ant. Gauvain Gallois, d'après l'édition de Naples de 1784.* Т. 1–7. Paris, 1786–1791.

¹⁵ *Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями.* М., 1959. С. 74.

¹⁶ *Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека.* М., 1969. Т. 1. С. 114.

Я. Л. Барсковым в 1920 г.¹⁷ с указанием на то, что реестр этот был составлен в связи с покупкой ряда книг Радищева Комиссией для составления законов и хранится в ее делах «в 1 отделении 1 секции Государственного Архивного фонда»¹⁸.

С 1801 года А. Н. Радищев был членом Комиссии. Умер он 12 сентября 1802 года. Запись об этом в журнале Комиссии для составления законов появляется 19 сентября – по сообщению сына Радищева Николая, также служащего Комиссии. 25 сентября П. В. Завадовский пишет черновик предложения Комиссии: «Препроводив при сем представленный мне от губернского секретаря Николая [зачёркнуто: Александра] Радищева реестр имеющихся у него [зачеркнуто: книг] на французском языке семидесяти семи [зачёркнуто: пяти; шести] и на немецком языке пятидесяти трёх [зачёркнуто: одной; четырёх], и того ста тридцати [зачёркнуто: двадцати семи] книг, [зачёркнуто: в том числе] и сами сии книги в том числе некоторые в разных томах, рекомендую принять оные в сию Комиссию и иметь с прочими, яко относящиеся до законоположения и нужные для соображения при составлении законов Российской империи, за которые означенные в реестре за каждую [нрзб.] сумму денег, всего вообще четыреста двадцать восемь рублей выдать ему Радищеву из положенной на расходы по сей комиссии суммы, записав в расход с распискою»¹⁹. В тот же день это предложение было рассмотрено и одобрено Комиссией²⁰, а 29 сентября «расходнику» Комиссии Е. Толстому пишется приказ: «За принятые во оную комиссию вследствие данного предложения от [зачеркнуто: Управляющего сею комиссиею] его сиятельства господина Министра народного просвещения действительного тайного советника сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Завадовского [зачёркнуто: предложения] на французском и немецком языках от губернского секретаря Николая Радищева сто тридцать книг яко относящиеся до законоположения и нужные для соображения при составлении законов Российской империи: выдать ему Радищеву четыреста двадцать восемь рублей из положенной на расходы по сей комиссии суммы, записав в расход с распискою»²¹. В тот же день сделана запись в приходно-расходной книге, причём в ней ошибочно значится: «купленные губернским секретарём Радищевым в сию комиссию 130 книг на французском и немецком языках»²².

¹⁷ Барсков Я. Л. Книги из собрания А. Н. Радищева // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 397–402.

¹⁸ В настоящее время – РГИА. Ф. 1259. Комиссия для составления законов Российской империи.

¹⁹ РГИА. Ф. 1259, оп. 1, д. 43. Л. 34.

²⁰ Там же. Л. 104–104 об.

²¹ Там же. Л. 105.

²² Там же. Д. 36. Л. 136 об.

Таким образом, книги были куплены Комиссией и оставались в библиотеке наследовавших ей учреждений, из которых наиболее долго просуществовало Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. После Великой Октябрьской социалистической революции вместе с библиотеками других правительственных учреждений Петербурга библиотека Второго отделения перешла в библиотеку при Ленинградском отделении ЦГИА (сейчас – библиотека РГИА). К сожалению, в настоящее время в связи с ремонтом иностранные фонды этой библиотеки недоступны, однако, по утверждению сотрудников, несмотря на обширные передачи книг в 1930–1940-е гг., старый фонд, скорее всего, сохранился. Дополнительным указанием на экземпляры, принадлежавшие Радищеву, должны стать штампы Комиссии для составления законов, ставившиеся на принадлежавшие ей книги²³.

Публикуемый ниже аннотированный реестр книг, таким образом, носит предварительный характер. Только о некоторых книгах мы можем сказать, что они находились в библиотеке Второго отделения. Указанием на это оказывается упоминание их в печатном каталоге этой библиотеки. Такой каталог впервые был выпущен в 1849 году²⁴, и затем к нему неоднократно выходили дополнения. К сожалению, вплоть до издания двухтомного каталога в 1880 году²⁵ все эти издания давали только информацию о текущих поступлениях в библиотеку собственно Второго отделения, но не учитывали книги, доставшиеся библиотеке от предшествующих учреждений. Таким образом, основным источником при выявлении конкретных изданий, соответствующих описаниям реестра, стало издание «Каталога библиотеки Второго отделения...» 1880 года. Иностранные книги помещены в этом издании во второй том и включают всего 19560 названий. Я. Л. Барсков помимо этого каталога пользовался и «Каталогом библиотеки Государственного Совета»²⁶, сведения из которого мы также привлекаем в нашей публикации.

Однако в указанных каталогах присутствуют не все книги, перечисленные в реестре. Это сорок из семидесяти семи французских (из них одиннадцать указаны Я. Л. Барсковым) и тридцать восемь из пятидесяти трех (у Барскова – двадцать пять) немецких книг. Для выявления остальных изданий мы пользовались преимущественно электронными версиями сводных каталогов Франции (Свод-

²³ За любезно предоставленные сведения авторы приносят благодарность заведующей научно-справочной библиотекой РГИА Н. Е. Кащенко.

²⁴ *Каталог библиотеки Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1849.*

²⁵ *Каталог библиотеки Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. В 2-х т. СПб., 1880.*

²⁶ *Каталог библиотеки Государственного Совета. Пг., 1914.*

ный каталог Французской национальной библиотеки – <http://www.ccfr.bnf.fr>) и Германии (Сводный каталог Объединенного библиотечного общества – <http://gso.gbv.de>), а также нескольких крупнейших библиотек. Для книг на немецком языке полученные сведения сверялись по печатному сводному каталогу книг 1700–1910 годов выпуска²⁷. Несмотря на достаточно высокую приближенность полученных подобным способом сведений, относиться к ним нужно осторожно. Особенную сложность при выявлении изданий представляет то, что при составлении реестра часто не назывался автор сочинения (в большей степени это касается французской части реестра) или использовались только ключевые слова заглавия. Поэтому, например, в некоторых случаях мы приводим сведения сразу о нескольких изданиях, которые могут соответствовать указанию реестра.

Применительно к собранию Радищева в составе библиотеки Комиссии по составлению законов можно говорить о различных уровнях или степенях отождествимости. Высшая и наиболее трудно достижимая степень – отождествление экземпляра книги – по владельческим записям, заметкам, иным опознавательным знакам, либо по непротиворечивым косвенным данным (в частности, к числу таких данных следует отнести наличие штампов библиотеки Комиссии для составления законов на выявленных в публикуемом ниже списке изданиях). Естественно, что подобный уровень отождествления доступен далеко не всегда и является скорее гипотетическим, нежели реально достижимым.

Вторая степень отождествимости гораздо более доступна и должна являться преобладающей. Она предполагает отождествление издания, куда включается имя автора, полное название книги и ее выходные данные. В большинстве случаев она достижима с помощью каталога 1880 г. Однако встречаются некоторые варианты, требующие дополнительных изысканий. Например, запись № 37 – *Des prisons de Philadelphie* – достаточно легко идентифицируется с сочинением Ларошфуко-Лианкура «О тюрьмах Филадельфии». Однако каталог 1880 г. включает указание на четвертое издание этой книги, вышедшее в Париже в 1819 г., и потому оно не могло принадлежать Радищеву. Разумно предположить, что в его распоряжении было первое (единственное до 1802 г.) филадельфийское издание этой книги 1796 г., по каким-либо причинам выведенное из состава библиотеки к 1880 г. Второй пример – запись № 23 – *Traité des vertus et des récompenses*. Несомненно, речь здесь идет о трактате итальянского политического писателя маркиза Дж. Драгонетти «О добродетелях и наградах», служащем продолжением книги Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». В каталоге 1880 г. нет указания на эту книгу, но можно с уверенностью предпола-

²⁷ *Gesamtverzeichnis des Deutschsprachigen Schrifttums, 1700–1910. B. 1–162. München etc. 1979–1986.*

гать, что в состав книг, купленных Комиссией по составлению законов, входило парижское издание «Трактата» 1768 г. в переводе Ж.-К. Пенжрона, также единственное в XVIII в.

Наконец, последняя низшая степень отождествимости включает только название сочинения и автора, если такового вообще можно установить. Наиболее яркий пример этого уровня запись № 11 – *Du contrat social*. Эта запись, конечно, обозначает трактат Жана Жака Руссо «Об общественном договоре». В каталоге 1880 г. нет указания на отдельное издание этого сочинения, тогда как в XVIII в. их было несколько. Поэтому издание (год и место установить невозможно) остается недоступным идентификации. Однако можно сделать предположение о причинах вывода этой книги из состава библиотеки. В каталоге 1880 г. находится полное собрание сочинений Руссо (Лондон, 1774–1783) и немецкий перевод, изданный в Дюссельдорфе в 1800 г., которые делают излишним наличие отдельного французского издания.

Таким образом, требуется еще обширная работа над данным реестром, прежде всего – по выявлению отдельных принадлежавших А. Н. Радищеву экземпляров, однако уже сейчас можно сказать, что немые 130 пунктов реестра начинают говорить и обещают исследователям интересные результаты.

С различной степенью уверенности нам удалось установить все пятьдесят три пункта немецкой части реестра. Прежде всего, хотелось бы отметить большой временной разброс представленных здесь изданий: с 1730-х гг. («Дискурс» Николая Гундлинга, известного немецкого юриста начала XVIII века, об Установлениях Юстиниана (1733); «Катехизис французского государства» (1738)) до 1802 г. («О влиянии правительства на процветание торговли» В. Ру, «Исследования по государственной экономике» И. Ахенвалля и др.). Обращает на себя внимание большая доля книг, изданных до ссылки Радищева: двадцать семь из пятидесяти трех. Это не позволяет нам предположить, как это было сделано в книге «Радищев в Петербурге»²⁸, что все сто тридцать книг были куплены в последний петербургский период жизни писателя в связи с работой в Комиссии для составления законов. Известно, что во время ссылки незначительную часть своей библиотеки Радищев увез в Илимск, большая же часть, скорее всего, была перевезена в Москву к родственникам писателя²⁹. Среди книг Лейпцигского периода (то есть изданных до 1771 года, когда Радищев прекратил обучение в

²⁸ Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А. *Радищев в Петербурге*. Л., 1976. С. 267.

²⁹ См.: *Письмо Радищева А. Р. Воронцову от 20 сент. 1790 г.*: «Я взял с собою несколько книг физических и тому подобных» (Полн. собр. соч. Т. 3. С. 345); и от 8 марта 1791 г.: «Я взял на себя смелость попросить у вашей светлости Путешествие Лессепса. Я его получил из Москвы вместе с моими. Я просил, чтобы вы соблагволили обременить себя пересылкой Физико-экономической библиотеки, находящейся среди моих книг, но узнал, что они увезены в Москву» (Полн. собр. соч. Т. 3. С. 354).

Лейпцигском университете и уехал в Россию) хочется отметить наличие сразу нескольких книг И. Ш. Пюттера (№№ 95, 96, 97) и Г. Ахенвалля (№ 104, 112). Как в случае с Пюттером, одним из основных юристов своего времени, мимо изданий которого, исчисляющихся десятками, студент Радищев пройти не мог, так и в случае с Ахенваллем, впервые употребившим термин «Статистика» как раз в имеющейся в собрании Радищева книге «Политическое состояние знатнейших современных государств и народов Европы» (№ 104), мы встречаемся со стремлением читать важнейшую, «классическую литературу». Вообще «классических» книг в собрании Радищева много. Например, «О карательных законах» К. Пасторе (№ 87) (эта книга была у Радищева и на языке оригинала, № 6); самая известная книга создателя первой в Германии экономической школы И. Г. Бюша «Трактат о денежном обращении» (№ 100); первая книга на немецком языке, освещающая учение Адама Смита, «Учебник по государственной экономике» Г. Сарториуса (№ 80). Радищев познакомился с учением Смита относительно рано; так, в своих письмах А. Р. Воронцову 1791 г. он просит выслать ему комментарии Ж. Кондорсе на книгу Смита³⁰. Кроме того, в собрании Радищева есть, хотя и не самые известные, книги таких авторов, как К. Эккартсгаузен (№№ 89, 92, 111) и М. Мендельсон (№ 90), мистические работы которых пользовались большой популярностью в кругу московского масонства. Возвращаясь же к книгам Лейпцигского периода, следует отметить, что этот список должен быть внимательно рассмотрен, в частности, именно в связи с вопросом о студенческом периоде жизни Радищева, поскольку сведения о литературе, с которой знакомились русские студенты, скудны. Здесь стоит заметить, что, помимо лейпцигских книг издания до 1771 г., в собрании Радищева есть и геттингенские, и цюрихские.

Много указано в реестре и немецких книг, изданных в 1799–1802 годах, то есть уже в период после ссылки, хотя их и не так много, как среди книг французских: пятнадцать из пятидесяти трех. Больше всего здесь изданий по различным экономическим вопросам (№№ 79, 84, 86, 100, 110) и по теории законодательства, в частности (№№ 119, 120, 121), связанных с изданным в 1794 году «Всеобщим земским уложением Прусских земель» (№ 128) – первым крупным опытом создания научно обоснованного свода законов в Новое время. Интерес Радищева к этим изданиям обусловлен его активной деятельностью в Комиссии для составления законов.

Еще одну книгу из списка нужно упомянуть как дополнительное свидетельство об использовании в «Путешествии из Петербурга в Москву» современной Радищеву юридической литературы. В заключение главы «Яжелбицы», говоря о венерических болезнях, Радищев пишет: «Но кто причиною был, что

³⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 368, 370.

сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения <...> Кто причиною, разве не правительство? Оно, допуская распутство мздоимное, отверзает не только путь ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников и в некоторых государствах стоят под покровительством начальства»³¹. Возможно, источником этих сведений стала для Радищева книга «Государственные дома терпимости» (№ 116).

В заключение следует еще раз подчеркнуть обилие в библиотеке Радищева «классических» книг. Особенно это заметно в связи с изданиями, купленными в последний петербургский период жизни автора. Показательна здесь книга Карла Грольмана «Основы уголовного права» (126). Впервые изданная в 1798 году и, по-видимому, вскоре купленная Радищевым, в период до 1825 года эта книга выдержала в Германии еще 3 издания: в 1805, 1818 и в 1825 годах. Все эти случаи свидетельствуют о том, что Радищев не просто собирал юридическую библиотеку, но следил за выходящей на западе литературой по периодическим изданиям с библиографическими рецензиями. В начале ссылки именно издания такого рода он просит А. Р. Воронцова отправлять ему, в частности, упомянутые выше «Берлинский ежемесячник» и «Каталог ярмарок». Публикуемый аннотированный реестр может, таким образом, помочь в установлении тех библиографических источников, которыми Радищев пользовался в последний период своей жизни.

Список книг из библиотеки Радищева по публикации Я. Л. Барскова с комментариями

Условные сокращения:

Канц.: Каталог библиотеки Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1880. Т. 2. Книги на иностранных языках.

Госсовет: Каталог библиотеки Государственного Совета. Пг., 1914.

Барсков: Книги, отождествленные Я. Л. Барсковым.

СК: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. М., 1962–1965. Т. 1–5.

В целях ознакомления читателей, не знакомых с французским или немецким языком, с тематикой представленных работ в описании пункта под знаком «*» дается наш русский перевод их названий.

1. Principes du droit naturel. 1 v.

Burlamaqui J. J. Principes du droit naturel. Nouvelle édition. Paris, 1791.

*Основания естественного права.

Бурламаки (Burlamaqui, 1694–1748) Жан Жак – швейцарский юрист из известной лукской семьи Бурламакки (Burlamacchi), переселившейся в Женеву в конце XVI в. из-за приверженно-

³¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подготовил В. А. Западов. СПб., 1992. С. 57–58.

сти к протестантизму. В своих сочинениях развивал идеи естественного права. «Основания естественного права» впервые изданы в Женеве в 1747 г. Посмертно изданы «Основания гражданского права» («Principes du droit politique»). Genève, 1751). В 1766–1769 гг. в Ивердене (Yverdon) были выпущены «Основания права природного и гражданского» («Principes du droit de la nature et des gens»). Кроме того, он оставил латинское сочинение «Основы естественного права» (Genève, 1754; Lausanne, 1774).

Канц.: 2831.

2. Instituts de Justinien.

*Установления, Институции.

Возможно, одно из изданий французского перевода «Установлений» императора Юстиниана («Instituts de l'Empereur Justinien». Первое изд.: Paris, 1669), выполненного К. Ж. де Феррьером (см. № 3).

3. Histoire du droit romain.

Возможно, одно из изданий «Истории римского права» Клода Жозефа де Феррьера (Ferrière, 1639–1715), юриста, профессора права в Реймсе, адвоката Парижского парламента, сделавшего значительный вклад в изучение римского права и ознакомления с ним широкой публики. Он перевел «Установления» императора Юстиниана (см. № 2) и написал «Историю римского права» («Histoire du droit romain»), впервые изданную в Париже в 1718 г. его сыном Клодом Жозефом (ум. ок. 1748 г.).

4. Manuel de la justice de paix.

5. Développement de la théorie des lois criminelles. 2 v.

Вехон S. Développement de la théorie des lois criminelles, par la comparaison de plusieurs législations anciennes et modernes, notamment de Rome, de l'Angleterre et de la France. 2 vol. Paris, 1802.

*Развитие теории уголовных законов через сравнение различных законодательств, старинных и новых, особенного римского, английского и французского.

Бегзон (Vexon, 1753–1821) Сципион Жером – юрист, председатель уголовного трибунала департамента Сены с 1776 г. С 1800 г. – председатель трибунала первой инстанции Парижа. «Развитие теории уголовных законов» является наиболее ценным его сочинением.

Канц.: 1592.

6. Des lois pénales de Pastoret. 2 v. 2 exemplaires.

*О карательных законах.

Пасторе (Pastoret, 1756–1840) Клод Эмманюэль Жозеф Пьер де – граф, затем маркиз. Принимал активное участие в политической жизни Франции и занимал высокие государственные посты в период от Революции до Июльской монархии. Оставил множество сочинений по истории права, а также художественных и политических. С 1785 г. член Академии надписей. Книга «О карательных законах» в двух томах вышла в Париже в 1790 г. и получила премию Монтгиона. В том же году Людовик XVI предложил Пасторе должность министра юстиции, затем министра внутренних дел, но тот, преисполненный революционных идей, отказался. Ему принадлежит идея переделать церковь св. Женевьевы в Пантеон и надпись на этом здании: «Прославленным мужам признательное отечество» (см. также № 87).

7. Précis du droit des gens modernes en Europe. 1 v.

8. Projet du code de droit Frédéric. 1 v.

9. Introduction à un seul code des loix. 2 v.

Picard de Prébois. Introduction à un seul code de loix, ou Reflexions d'un juris consulte sur les matières qui interessent l'ordre et l'union de la société civile... par M. Picard de Prébois. A Caen. Chez G. Le Roy. 1778. 2 v.

*Введение в единственный свод законов, или Размышления юрисконсульта о предметах, касающихся порядка и единства в гражданском обществе. Личность автора, скорее всего, скрывшегося за псевдонимом, установить не удалось.

Канц.: 13154.

10. Théorie des institutions sociales. 1 v.

Théorie des institutions sociales. Par J. Ch.... В. Paris, 1801.

*Теория общественных установлений.

Канц.: 17516.

Барсков.

11. Du contrat social. 1 v.

Вероятнее всего, одно из изданий трактата Ж. Ж. Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права». Подробнее о них см.: *Senelier J.* Bibliographie générale des oeuvres de J.-J. Rousseau. Paris, 1950.

12. Manuel des officiers de police auxiliaire. 1 v.13. Traité des crimes. 3 v.

Возможно:

Soulattes J. A. Traité des crimes, divisé en deux parties. Nouvelle édition. 3 vol. Toulouse, 1785.

*Трактат о преступлениях, в двух частях.

Личность автора установить не удалось.

Канц.: 16507.

14. Projet d'un code de commerce. 1 v.

Возможно:

Projet d'un nouveau code de commerce, uniforme pour tout le Royaume, ou de redressement de l'Ordonnance du mois de mars 1673. Par un négociant. S. I. 1789.

*Проект нового Торгового кодекса, единообразного для всего королевства, или восстановление Ордонанса от марта 1673 г.

15. Règles du droit François. 1 v.

Règles du droit français, servant d'introduction au code civil. Paris, 1802.

*Правила французского права, служащие введением к гражданскому кодексу.

Канц.: 14091.

16. Des assassinats. 1 v.

Servan J. M. A. Des assassinats et des vols politiques, ou des proscriptions et des confiscations. Londres, 1795.

*О политических убийствах и кражах, или о проскрипциях и конфискациях.

Серван (Servan, 1737–1807) Жозеф Мишель Антуан, известный магистрат и публицист. Прославился как оратор, был высоко ценим Вольтером. Горячо принял Революцию, но отказался от предложения заседать в Генеральных штатах. В 1792 г. покинул Францию, в 1802 г. приехал из Англии в Швейцарию и остался там до конца жизни.

Канц.: 13895.

Барсков.

17. Code criminel de Joseph. 1 v.

Linguet S. N. H. Code criminel de Joseph Second, ou Instructions expéditives données aux Tribunaux des Pays-Bas, en octobre 1789. Bruxelles, 1790.

*Уголовный кодекс Иосифа II, или Исходящие инструкции Трибуналам Нидерландов от октября 1789 г.

Ленге (*Linguet*, 1736–1794) Симон Никола Анри – один из известнейших адвокатов и публицистов XVIII в. Яростный противник Вольтера, Энциклопедии, апологет деспотизма, рабства и иезуитов. Огромную популярность имели его «Политические, гражданские и литературные анналы XVIII века» («*Annales politiques, civiles et littéraires du XVIII siècle*», 1777–1791) и «Воспоминания о Бастилии» («*Mémoires sur la Bastille*»). Londres, 1783), куда он был заточен. Оказавшись в 1789 г. в Австрии, при дворе императора Иосифа II, неожиданно выступил с несколькими резкими сочинениями в поддержку брабантских повстанцев, за что в 1791 г. был выслан из страны. Одно из этих сочинений – «Уголовный кодекс Иосифа II».

Канц.: 10663.

Барсков.

18. Commentaires des loix Angloises de Blackstone. 6 v.

Возможно:

Blackstone W. Commentaires sur les loix angloises. De Blackstone. Traduits de l'Anglois par D.D.G. sur la 4. éd. d'Oxford. Bruxelles, 1774–1776.

*Толкования на английские законы.

Блэкстон (*Blackstone*, 1723–1780) сэръ Уильям – крупнейший английский юрист XVIII в. «Примечания на законы английские» («*Commentaries on the Laws of England*»). Vol. 1–6. Oxford, 1765–1769) представляют собой сборник оксфордских лекций Блэкстона, выпущенных в противовес множеству неавторизованных неполных и некорректных изданий. Переводчик – Гомикур (*Gomicourt*, 1723–1790) Огюст Пьер Дамьен де.

Русский перевод: Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника аглинского. Кн. 1–3. М., 1780–1782. [Перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева] (СК 606).

19. Manuel de tous les fonctionnaires publics. 2 v.20. Des tribunaux de Commerce. 1 v.21. Recherches sur les cours et procédures criminelles d'Angleterre.

Recherches sur les cours et procédures criminelles d'Angleterre. Extraites des commentaires de Blackstone sur les loix angloises. Précédées d'un discours sur les principales dispositions de ces procédures et sur l'abolition de la peine de mort. Paris, 1790.

*Разыскания о судах и уголовных процессах Англии. Извлеченные из толкований английских законов Блэкстона. С предисловием об основных положениях этих процессов и об уничтожении смертной казни (о Блэкстоне см. № 18).

Канц.: 13928.

22. Instituts de Tamerlan. 1 v.

Langlès L. Instituts politiques et militaires de Tamerlan, proprement appelé Timour. Ecrits par lui-même en Mogol, et traduits en Français sur la version Persane d'Abou-Taleb-Al-Hosseïni, par L.L. Paris, 1787.

*Гражданские и военные установления Тамерлана, называемого собственно Тимуром. Написанные им самим на монгольском языке и переведенные с персидского перевода Абу-Талеба-Аль-Хоссеини.

Ланглес (Langlès, 1763–1824) Луи Матье – французский ориенталист. Известность принесла ему книга «Гражданские и военные установления Тамерлана» (1787) и выпущенная в том же году «Азбука татаро-манчжурская».

Госсовет: 4024.

23. Traité des vertus et des récompenses. 1 v.

Возможно:

Dragonetti G. Trattato delle Virtù e de' Premj. Per seguire il Trattato dei Delitti e delle Pene. Tradotto nella favella francese, dal Signor Pingeron, etc. (Traité des vertus et des Récompenses, etc.). Parigi, 1768.

Драгонетти (Dragonetti, 1738–1818) Джачинто – итальянский юрист. Его книга «О доблестях и наградах», написанная в продолжение трактата Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», вышла первым изданием в Неаполе в 1767 г. В следующем году была переведена на французский язык Жаном Клодом Пенжероном (Pingeron, 1730–1795).

Русский перевод: Рассуждение о добродетелях и награждениях, служащее последованием Рассуждению о преступлениях и наказаниях, переведено с французского языка [Федором Кариным]. СПб., 1769. (СК 2015).

24. Mémoire pour tois hommes condamnés à la roue. 1 v.

25. Essai sur les changements qu'on pourroit faire aux loix criminelles de la France. 1 v.

Essai sur quelques changemens qu'on pourroit faire dès à présent dans les loix criminelles de France. Paris, 1786.

*Опыт о некоторых изменениях, которые уже теперь могут быть внесены в уголовные законы Франции.

Канц.: 5555.

26. Code criminel d'Angleterre. 1 v.

Возможно:

Blackstone W. Commentaires sur le code criminel d'Angleterre, traduit de l'Anglais par l'abbé Coyer. 2 v. Paris, 1776.

*Толкования на уголовный кодекс Англии.

О Блэкстоне см. № 18. Аббат Куайе (Coyer, 1707–1782) Габриель Франсуа, писатель, переводчик.

Канц.: 1983.

27. Introduction au droit criminel et civil François. 1 v.

28. Traité des successions. 1 v.

Возможно, имеется в виду одно из изданий книги:

Lebrun D. Traité des successions. Avec de nouvelles décisions et des remarques critiques par M-re François-Bernard Espiard de Saux. Nouvelle édition. 3 vol. Paris, 1802.

Лебрэн (Lebrun, ?–1706) Дени – юрист. С 1659 г. – адвокат Парижского парламента. Трактат «О наследовании» вышел первым изданием в Париже в 1692 г. Затем он был переиздан Франсуа Бернаром Эспиаром де Со (Espiard de Saux, 1659–1743) в 1709 г. Критические замечания Эспиара де Со при трактате Лебрена были напечатаны им в 1736 г.

Канц.: 10233.

Барсков.

29. Des loix civiles. 1 v.

Возможно, одно из двух следующих изданий:

Domat J. Les loix civiles dans leur ordre naturel, le droit public, et Legum delectus. Nouvelle édition. 2 vol. Paris, 1713.

Канц.: 4792.

Domat J. Les loix civiles dans leur ordre naturel, le droit public, et legum delectus. Nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée des troisième et quatrième livres du droit public, par de Héricourt; des notes de feu M. de Bouchevet sur le legum delectus; de celles de M. Berroyer et Chevalier, et du supplément aux loix civiles de M. de Jouy rangé à sa place dans chaque article. 2 vol. Paris, 1777.

Канц.: 4793.

Дома (Domat или Daumat, 1625–1696) Жан – один из виднейших юристов Франции XVII в., создавший традицию янсенистской юриспруденции. Соотечественник и ближайший друг Б. Паскаля. «Гражданские законы в их естественном порядке» («Les loix civiles dans leur ordre naturel»). Paris, 1689–1697. 5 vol.) – его основной труд и один из величайших памятников правоведения, представляющий собой философское изложение истории народов с точки зрения их законодательств. «Legum delectus» – краткое изложение римского права.

Эрикур дю Ватье (Héricourt du Vatier, 1687–1752) Луи де – юрист, знаток канонического права. Адвокат Парижского парламента с 1712 г.

Беруайе (Berroyer, 1655–1735) Клод – юрист.

Жуи (Jouy, 1714–1771) Луи Франсуа де – юрист, адвокат Парижского парламента. «Добавление к Гражданским законам в их естественном порядке» («Supplément aux Loix civiles dans leur ordre naturel») впервые опубликовано им в 1752 г.

30. Discours sur les préjugés des peines infâmates. 1 v.

Lacretelle P. L. Discours sur le préjugé des peines infamantes, couronnés à l'Académie de Metz. Lettre sur la réparation qui sert d'être aux accusés jugés innocens. Dissertation sur le ministère public. Réflexions sur la réforme de la justice criminelle. Paris, 1784.

*Рассуждение о предрассудке относительно позорящих наказаний, увенчанное Академией города Метц. Письмо о компенсации, следующей осужденным, признанным невинными. Диссертация о гражданской службе. Размышления о реформе уголовного правосудия.

Лакретель (Lacretelle, 1751–1824) Пьер Луи – юрист и публицист. Увлекался философией права.

Канц.: 9955.

31. Observation sur le divorce. 1 v.32. Traité de la peine de mort. 1 v.

Возможно, одна из следующих двух книг:

Ciamarelli C. Traité philosophique de la peine de mort... Pour servir de suite et de supplément des Délits et des peines du marquis de Beccaria. Traduit de l'italien et dédié aux Etats Généraux. Mantoue, 1789. Par M. Cousin.

Канц.: 3247.

Vergani Paolo. Della pena di morte. Milano, 1777. Французский перевод: Paris; Dieppe, 1782.

Канц.: 18149.

Вергани (Vergani, ок. 1753–ок. 1820) Паоло – итальянский литератор и философ. Перевод его сочинения «О смертной казни» был выполнен, как и перевод «Философского трактата о смертной казни» К. Чамарелли, неким адвокатом Кузеном (Cousin). В Канц. указано итальянское издание. Личность К. Чамарелли установить не удалось.

33. Réforme des loix civiles. 2 v.

Возможно:

Chantereune V. Avoyne de. Essai sur la réforme des loix civiles. Paris; Caen, 1790.

*Опыт о реформе гражданских законов.

Шантерейн (Chantereune, 1762 – ?) Виктор Авуан де – шербурский магистрат.

34. Lettre sur la procédure criminelle de France. 1 v.

Возможно:

Mercier-Dupaty C. M. J. B. Lettres sur la procédure criminelle de la France dans lesquelles on montre sa conformité avec celles de l'inquisition et les abus qui en résultent en France. S. I. 1788.

*Письма об уголовном процессе во Франции, в которых показывается его сходство с инквизиторскими расследованиями и неустройства, происходящие от этого во Франции.

Автор этого сочинения – Мерсье (1746–1788) Шарль Маргерит Жан Батист, французский литератор.

35. Lettres sur la législation. 3 v.

Возможно:

Mirabeau, V. de Riquetti. Lettres sur la législation; ou L'ordre légal, dépravé, rétabli et perpétué, par L.D.H... Berne, La Société typographique, 1775. 3 v.

*Письма о законодательстве, или Порядок законов, разрушенный, восстановленный и увеченный.

Мирабо (Mirabeau, 1715–1789) Виктор де Рикетти – маркиз. Пропагандист идей политической экономии, отец прославленного оратора Габриеля Оноре Мирабо де Рикетти (1749–1791).

36. De la rédaction des loix. 1 v.37. Des prisons de Philadelphie. 1 v.

Des prisons de Philadelphie; par un Européen. Quatrième édition. Paris, 1819.

*О тюрьмах Филадельфии, сочинение Европейца.

Ларошфуко-Лианкур (La Rochefoucauld-Liancourt, 1747–1827) Франсуа Александр Фредерик де – герцог, приверженец монархии и крупный филантроп. Первое издание книги «О тюрьмах Филадельфии» вышло в Филадельфии анонимно в 1796 г. и потому могло быть в библиотеке Радищева.

Канц.: 13526.

Русский перевод: Историческое описание о наказании преступников в Филадельфии. Перевел с немецкого языка Семен Венечанской. М., 1799. (СК 3472).

38. Lettre sur le divorce. 1 v.39. Nouveau code criminel de Toscane. 1 v.

Возможно:

Nouveau code criminel pour le grand duché de Toscane, publ. par ordre de Son Altesse Royale, Msgr. le Grand Duc; Trad. de l'italien. Lausanne, 1787.

*Новый уголовный кодекс для великого герцогства Тосканского.

В том же году вышел и другой перевод: Nouveau code criminel publié à Florence le 30 novembre 1786, traduit de l'Italien. Florence; Paris, 1787.

Оригинал этих переводов – проект уголовного кодекса, изданный по повелению Леопольда II (1747–1792), герцога тосканского (1765–1790): Fino dal nostro avvenimento al trono di Toscana riguardammo come uno dei nostri principali doveri l'esame, e riforma della legislazione criminale, ed avendola ben presto riconosciuta troppo severa, e derivata da massime stabilite nei tempi

meno felici dell'Impero romano, o nelle turbolenze dell'anarchia dei bassi tempi, e specialmente non adattata al dolce, e mansueto carattere della nazione, procurammo provvissionalmente temperarne il rigore con istruzioni, ed ordini ai nostri tribunali. Firenze, 1786 (см. также № 78).

40. Droit public de l'Europe. 3 v.

Возможно:

Mably G. Bonnot de. Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités. Avec des remarques historiques, politiques et critiques par Rousset. Nouvelle édition. 3 vol. Amsterdam et Leipzig. 1761–1766.

*Международное право Европы, основанное на договорах, с историческими, политическими и критическими замечаниями Руссе.

Мабли (Mably, 1709–1785) Габриель Бонно де – публицист, историк и философ, крупный политический деятель середины XVIII в. После 1746 г. резко изменил свои политические взгляды и вместо монархии стал выступать за демократические институты по образцу древних греков, что привело его к созданию теоретических основ социализма. Первый плод его обращения – книга «Международное право Европы, основанное на договорах» (1748) – вышла за границей, ибо во Франции была запрещена. Книга имела мировой успех, была переведена на многие языки и включена в программу английских университетов.

Канц.: 10971.

41. De l'influence de la religion sur la gloire et le bonheur des peuples. 1 v.

Возможно:

Monnin J. J. L. G. De l'influence de la religion sur la gloire et le bonheur des peuples. Antoine Debray. Paris, an X [1801/02].

*О влиянии религии на славу и благоденствие народов.

Личность автора установить не удалось.

42. Essai sur l'administration des finances de la Grande Bretagne. 1 v.

Возможно:

Gentz F. Essai sur l'état actuel de l'administration des finances et de la richesse nationale de la Grande Bretagne. Londres, 1800.

*Опыт о нынешнем состоянии управления доходами и о национальном богатстве Великобритании.

Гентц (Gentz, 1764–1832) Фридрих, известный немецкий публицист, один из авторов идеи Священного Союза. Выступал с многочисленными памфлетами против революционной Франции. Стал первым секретарем Венского конгресса и был одним из основных составителей Парижского трактата 1815 г.

Канц.: 6528.

43. Les soirées d'un solitaire. 1 v.

44. Examen du gouvernement d'Angleterre. 1 v.

Livingston R. Examen du gouvernement d'Angleterre, comparé aux constitutions des Etats-Unis. Où l'on réfute quelques assertions contenues dans l'ouvrage de M. Adams intitulé: Apologie des constitutions des Etats-Unis d'Amérique et dans celui de M. Delolme intitulé: De la constitution d'Angleterre. Ouvrage traduit de l'anglais et accompagné des notes. Londres, 1789.

*Рассмотрение правления английского в сравнении с конституциями Соединенных Штатов, в котором опровергаются некоторые положения, содержащиеся в труде г-на Адамса, озаглавленном «Апология конституций Соединенных Штатов Америки», и в труде г-на Делольма, озаглавленном «О конституции английской». Переведено с английского языка и сопровождается примечаниями.

Ливингстон (Livingston, 1746–1813) Роберт – американский дипломат и государственный деятель. Принимал активное участие в Американской революции и был одним из составителей Декларации независимости. О Лольме см. № 45. Адамс (Adams, 1735–1826) Джон, первый вице-президент и второй президент США. Имеется в виду его сочинение: *A Defense of the Constitutions of Government of the United States* (1787).

Канц.: 10705.

45. Constitution de l'Angleterre. 1 v.

Возможно, одна из следующих книг:

Lolme J. L. de. Constitution de l'Angleterre, ou Etat du gouvernement Anglais, comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe. 2 vol. Londres, 1785.

Канц.: 10813.

Lolme J. L. de. Constitution de l'Angleterre, ou Etat du gouvernement Anglais, comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe. Nouvelle édition. 2 vol. Genève, 1790.

Канц.: 10814.

Лольм (Lolme, 1740–1806) Жан Луи, швейцарский публицист, адвокат. Долгое время жил в Англии, где изучал ее законы и написал множество сочинений на английском языке. Вернувшись в Женеву в 1775 г., Лольм был избран членом «Совета двухсот». «Конституция Англии, или Образ правления английского, в сравнении с республиканской формой и с другими европейскими монархиями» – его французское произведение, впервые издано в Амстердаме в 1771 г. Оригинальность мыслей в нем сочетается с верностью и точностью наблюдений. Имеется также указание на английское издание этой книги: [*Lolme J. L. de*]. *The Constitution of England, or an Account of the English Government: in which it is compared both with the Republican Form of Government and other Monarchies in Europe.* A New Edition. London, 1800. (Канц.: 10815)

46. Rapport du comité de Bienfaisance. 1 v.

Возможно:

Rapport au Ministre de l'Intérieur par le Comité général de Bienfaisance, sur la substitution de l'orge mondé au riz; avec des observations sur les soupes aux légumes. Adopté dans la séance du 5 brumaire, an 9, etc. Paris, an X. [1802].

*Отчет министру внутренних дел от Генерального комитета благотворительности, о замене ячневой крупы рисом с некоторыми замечаниями об овощных супах. Принятый на заседании 5 брюмера, 9 года.

47. Préliminaires de la constitution. 1 vol.

48. Essai sur le mariage. 1 v.

Возможно:

Essai sur le mariage, considéré sous des rapports naturels, moraux et politiques, ou Moyens de faciliter et d'encourager les mariages en France. Genève, 1785.

*Опыт о браке, рассмотренном с точки зрения природы, нравственности и политики, или Способы к упрощению и поощрению бракосочетаний во Франции.

Канц.: 5553.

49. L'émulation est-elle un bon moyen d'éducation. 1 v.

Petitain L. G. Question proposée par l'Institut National: l'émulation est-elle un bon moyen d'éducation? Mémoire qui a obtenu la première mention honorable dans la séance du 15 messidor, an 9. Paris, 1801.

*Вопрос, предложенный Национальным Институтом: является ли соревнование хорошим способом воспитания? Рассуждение, получившее высшую оценку на заседании 5 мессидора 9 года.

Петитен (Petitain, 1765–1820) Луи Жермен – литератор и памфлетист, занимавший различные административные должности. Прославился во время Революции яркими сатирами против правительства Директории.

Канц.: 13049.

50. Essai sur l'instruction des femmes. 1 v.

51. Plan d'éducation publique. 1 v.

Toussaint J. Plan d'éducation publique, ou Essai sur la nécessité et des moyens de réunir l'éducation à l'instruction publique. Dijon, 1802.

*План общественного воспитания, или Опыт о необходимости и способах объединить общественное воспитание с общественным образованием.

Личность автора установить не удалось.

Канц.: 17766.

Барсков.

52. Mémoire sur l'ouverture des emprunts publics. 1 v.

53. Principes d'économie politique. 1 v.

Canard N. F. Principes d'économie politique. Paris, an X. [1802].

*Основания политической экономии.

Канар (Canard, ок. середины XVIII в. – 1833) Никола Франсуа – математик и публицист, преподаватель высшей математики и физики в Муленском лицее. Его сочинение «Основания политической экономии» получило премию Института за IX год.

Канц.: 2944.

54. Introduction à la science de l'Economie politique. 1 v.

Leblanc G. Introduction à la science de l'économie politique et de la statistique générale. Paris, an IX [1801].

*Введение в политическую экономию и общую статистику.

Канц.: 10226.

Барсков.

55. Projet de la loi sur l'instruction publique. 1 v.

Fourcroy A. F. Projet de loi sur l'instruction publique et discours de A. F. Fourcroy. Présentés au Corps législatif le 30 germinal. Paris, an X. [1802].

*Проект закона об общественном образовании и рассуждение А. Ф. Фуркруа. Представленные в законодательный корпус 30 жерминаля.

Фуркруа (Fourcroy, 1755–1809) Антуан Франсуа – граф, командор ордена Почетного легиона, член Института и большей части Академий научных обществ. Прославился как химик, преподаватель и реформатор системы высшего образования.

Канц.: 13586.

56. Principes du droit politique. 1 v.

Возможно:

«Общественный договор, или основания политического права» Ж. Ж. Руссо или книга Ж. Ж. Бурламаки «Основания естественного и общественного права», которые имеют это выражение во второй части заглавия (№ 1 и № 11).

57. Projet de code civil. 2 v.

Projet de code civil, avec aménagements, additions et observations proposés par la commission du tribunal de cassation, nommée en exécution de l'arrêté de consuls du 7 germinal an 9 (1801). 2 vol. Paris, an IX. [1801].

Проект гражданского кодекса, с улучшениями, добавлениями и замечаниями, предложенными комиссией кассационного трибунала, избранной по указу консулов от 7 жерминаля 9 года.

Канц.: 13577.

Барсков.

58. Du vrai principe actif de l'économie politique. 1 v.

[*Herrenschwand P. J.*] Du vrai principe actif de l'économie politique, ou Du vrai crédit public. Londres, 1797.

Герреншванд – швейцарский экономист, некоторое время живший в Лондоне и Париже (ок. 1805 г.). О жизни его почти ничего неизвестно. В своих сочинениях «Об истинном действенном основании политической экономии, или Об истинном общественном доверии» и «Об истинном управлении народами земли, или Обращение к тем, кто правит, и к тем, кто находится под управлением» (см. № 59) он выступал против идей А. Смита.

Канц.: 13518.

59. Du vrai gouvernement des peuples de la terre. 1 v.

Herrenschwand P. J. Du vrai gouvernement des peuples de la terre, ou Adresse à ceux qui gouvernent, comme à ceux qui sont gouvernés. Paris, 1802.

О Герреншванде см. № 58.

Канц.: 8160.

60. Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres. 1 v.

Возможно:

Bentham J. Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres, adressée à l'éditeur des Annales d'Agriculture [...] Publiée en français par A. Duquesnoy. Paris, an X. [1802].

Бентам (Bentham, 1748–1832) Иеремия – известнейший английский юрисконсульт и публицист, ученик У. Блэкстона, впоследствии ставший его соперником и критиком. «Набросок сочинения в пользу бедных, адресованный издателю Анналов Агрикультуры» был переведен и издан Адриеном Сиприеном Дюкенуа (Duquesnoy, 1759–1808), политическим деятелем эпохи Революции, занимавшимся проблемами бедности и бедных и переводившим с нескольких языков.

61. De l'éducation politique et privée des Français. 1 v.62. Sur l'administration de Necker. 1 v.

Necker J. Sur l'administration de M. Necker. S. l. 1791.

Неккер (Necker, 1732–1804) Жак (Якоб) – финансист и министр, крупный теоретик управления финансами, генеральный директор финансов (1777–1781). Реформы, проводимые Неккером, были направлены на централизацию и прояснение финансовой системы. В 1788 г. он был вновь призван на пост министра финансов в сложнейшей обстановке кануна Революции и стал одной из ключевых фигур начального ее этапа. Книга «О управлении государственных доходов Французского королевства» (см. № 72) была закончена в 1784 г., книгу «Об управлении» (*De l'Administration*) Неккер издал в 1791 г., после смещения с поста министра финансов.

Канц.: 12307.

Барсков.

63. Histoire du gouvernement des anciennes républiques. 1 v.

Возможно:

Turpin, François Henri. Histoire du gouvernement des anciennes républiques. Paris, 1769.

Tурпен (Turpin, 1709–1799) Франсуа Анри – историк и литератор.

Русский перевод: История о правлении древних республик с показанием причин их возвышения и упадка. Перевод с французского. М., 1788 (СК 7429).

64. Richesses des nations. 2 v.

Smith A. Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. 5 vol. Paris, 1802.

Смит (Smith, 1723–1790) Адам – шотландский экономист и философ, создатель политической экономии. Книга «Разыскания о природе и причинах богатства народов» была выпущена им в 1776 г. Первый французский перевод ее был осуществлен в 1781 г. Жерменом Гарнье (Garnier, 1754–1821).

Канц.: 16430.

65. Principes de l'administration politique. 3 v.

Turgot A. R. J. Mémoire qui contient les principes de l'administration politique, sur la propriété des Carrières et des Mines, et sur les règles de leur exploitation. Paris, 1790.

Тюрго (Turgot, 1727–1781) Анна Робер Жак – барон, один из крупнейших экономистов Франции и генеральный контролер финансов. Книга «Заметки, содержащие начала политического управления, о собственности на карьеры и шахты и о правилах их разработки» составлена из сочинений Тюрго разных лет.

66. Des lettres de cachet et des prison d'Etat. 2 v.

Возможно:

Mirabeau H. G. de R. Des lettres de cachet et des prisons d'état. Ouvrage posthume, composé en 1778. Hambourg, 1782. 2 v.

*О королевских указах о заточении без суда и следствия в государственных тюрьмах. По-смертное сочинение, составленное в 1778 г.

О Мирабо см. № 35.

67. Discours politique sur quelques gouvernements de l'Europe. 1 v.

Alyon C. C. F. Discours politiques, historiques et critiques sur quelques gouvernements de l'Europe. 3 vol. Londres et Neuchatel. 1782–1785.

*Рассуждения политические, исторические и критические о некоторых европейских государствах.

Личность автора установить не удалось.

Канц.: 231.

68. Considérations sur la puissance et la faiblesse de la Russie. 1 v.

Возможно:

[*Goudar A.*] Considérations sur les causes de l'ancienne foiblesse de l'Empire de Russie et de sa nouvelle puissance. Avec l'Eloge de Catherine II. Appendix. 2 pt. Amsterdam, 1772.

*Замечания о причинах прежней слабости Империи Российской и ее нынешнем могуществе. С похвалой Екатерине II.

Гудар (Goudar, ок. 1720–1791) Анж – незначительный французский писатель, много путешествовавший по Европе и умерший в нищете. Многочисленные произведения его, как правило, выходили без имени автора.

69. Considérations sur les richesses et le luxe. 1 v.

[*Sénac de Meilhan G.*] *Considération sur les richesses et le luxe.* Amsterdam, 1787.

*Замечания о богатстве и роскоши.

Сенак де Мельян (*Sénac de Meilhan, 1736–1803*) Габриель – литератор и публицист, сделавший административную карьеру. Имел большой успех при дворе Людовика XV и Людовика XVI, а после 1791 г. – при дворе Екатерины II как эмигрант. Назначив ему крупное содержание, Екатерина напрасно ждала от него сочинений о российской истории и истории собственного царствования. Сенак де Мельян покинул Россию с воцарением Павла I. В «Замечаниях о богатстве и роскоши» он выступает против идей Ж. Неккера (о нем см. № 62).

Канц.: 3771.

70. Essai sur le gouvernement monarchique. 1 v.

Возможно:

Essai de Théorie sur le gouvernement monarchique. Londres, 1789.

*Опыт теории монархического правления.

71. Examen du gouvernement d'Angleterre. 1 v.

Возможно, повторен № 44.

72. Sur l'administration des finances de France de Necker. 3 v.

Necker J. De l'administration des finances de la France. 3 vol. S. I. 1785.

О Неккере см. № 62.

Русский перевод: О управлении государственных доходов Французского королевства, сочинение г. Неккера. Изданием книгопрод[авца] Вогака и товарищ. Ч. 1. СПб., печ. у Шнора, 1786. (СК 4541). Вышла только первая часть трехтомного труда Неккера.

Канц.: 12302.

Барсков.

73. Mémoire sur le prêt à intérêt [intérêt]. 1 v.

Turgot. Mémoires sur le prêt à intérêt et sur le commerce des fers. Paris, 1789.

*Заметки о долге с процентами и о торговле железом.

О Тюрго см. № 65.

Канц.: 17900.

Барсков.

74. Economie politique du comte de Verri. 1 v.

Verri P. *Economie politique.* Traduite de l'Italien sur la septième édition. Paris, 1799.

*Политическая экономия.

Верри (*Verri, 1728–1797*) Пьетро – граф, прославленный итальянский экономист. «Размышления об экономии политической», опубликованные им в 1771 г., содержали изложение оснований этой науки до выхода в свет произведений Адама Смита. Книга была семь раз переиздана в течение двух лет. Французский перевод Ш. Миньяра (*Ch. Mignard*) сделан с седьмого издания 1773 г.

Канц.: 18267.

75. Code Religieux. 1 v.

Возможно, одно из изданий «Религиозного и морального кодекса» Жана-Батиста Шемен-Дюпонтеса (*Chemin-Dupontès, 1761–?*), одного из основателей теофилантропии, оставившего множество сочинений, большинство из которых составляют начальные школьные курсы. Например: *Chemin-Dupontès J. B.* *Code religieux et moral des Théophilantropes, ou adorateurs de Dieu*

et amis des hommes; contenant, 1) Le Manuel... 2) Le Rituel... 3) l'Instruction élémentaire de morale... 4) l'Année religieuse, etc. 7 pt. Paris, an VI, VII. [1797/98, 1798/99].

76. De la véritable Richesse des Etats. 1 v.

Hertzberg E. F. Sur la véritable richesse des Etats, la balance du commerce et celle de pouvoir. Dissertation. S.L. et A. [Berlin, 1786].

Гертцберг (Hertzberg, 1725–1795) Эвальд-Фридрих фон – граф, выдающийся прусский государственный деятель, член Берлинской Академии наук с 1753 г. и ее куратор. Диссертация «Об истинном богатстве государств, равновесии между коммерцией и властью» была зачитана в Берлинской Академии наук 26 января 1786 г.

Канц.: 8176.

77. Code pénal maritime. 1 v.

Lebeau. Code pénal maritime. Paris, an X. [1801].

Канц.: 10222.

Барсков.

78. Die Staatsverwaltung von Toscana. 3.

Gianni F. M. Die Staatsverwaltung von Toskana unter der Regierung seiner Königlichen Majestät Leopold II. Aus dem Italiänischen übersetzt und mit Anmerkungen begleitet von August Friedrich Wilhelm Crome.

Bd. 1. Wien, Gotha, 1795.

Bd. 2. Wien, Gotha, 1795.

Bd. 3. Leipzig, 1797.

Джанни (Gianni, 1728–1801), Франческо Мария – итальянский экономист и общественный деятель. Член правительства и один из руководителей реформ в Тоскане во времена правления Леопольда II. Книга «Об управлении Тосканой во времена Леопольда II», в которой он апологетически выражает свое отношение к реформам, вышла в 1790 году, когда Джанни был вынужден бежать из Тосканы после прихода к власти Фердинанда III. Оригинал этого сочинения: *Governo della Toscana sotto il regno di sua maestà il Re Leopoldo II.* Firenze, 1790. Переводчик – Кроне (Crome, 1753–1833) Август Фридрих Вильгельм, немецкий экономист (см. также № 39).

79. Abhandlung über wichtige Gegenstände der Staatswirtschaft von Struensee. 3.

Struensee, Karl August. Abhandlungen über wichtige Gegenstände der Staatswirtschaft. 3 Bd. Berlin, 1800.

Штруензее (Struensee, 1735–1804) Карл Август фон – видный прусский экономист, министр. «Сочинения по важным предметам государственной экономики» – собрание его сочинений.

Канц.: 17143.

Барсков.

80. Handbuch der Staatswirtschaft von Sartorius. 1.

Sartorius G. Handbuch der Staatswirtschaft. Zum Gebrauche bey akademischen Vorlesungen nach Adam Smith's Grundsätzen ausgearbeitet. Berlin, 1796.

«Руководство по государственной экономике, разработанное по принципам Адама Смита для употребления в качестве академического чтения» – первая немецкая книга, излагающая учение Адама Смита, и одно из первых европейских сокращений его «Богатства наций». Книга составлена немецким экономистом, профессором Георгом Сарториусом (1766–1828) в академических целях ознакомления студентов с теорией Смита.

Канц.: 15424.

Барсков.

81. Justus Klapproths Entwurf eines Gesetzbuches, in 4 Theilen. 2.

а) *Klapproth J.* Ohnmasgeblicher Entwurf eines Gesetzbuches welcher die Process-Ordnung, von Privat-Recht das Recht der Personen und von der Polizey-Ordnung das Dorf-Recht in sich hält. Frankfurt am Mayn, 1773.

б) – Id. Erste Fortsetzung, welche das Criminalrecht enthält. Frankfurt am Mayn, 1774.

в) – Id. Zweite Fortsetzung, welche das dingliche Recht enthält. Frankfurt am Mayn, 1776.

Клапрот (Klapproth, 1743–1817) Юстус – автор «Незначительного плана свода законов», преподаватель Геттингенского университета, специалист по процессуальному праву.

Существует также издание: *Klapproth, Justus.* Ohnmasgeblicher Entwurf eines Gesetzbuches. S. I, 1770.

Канц.: 3292 (а), 3293 (б, в).

82. Gesetze und Verfassungen Justitzsache von Joseph II.

Joseph des II-n Röm. Kaisers Gesetze und Verfassungen in Justitzfache. Für Böhmen, Mähren, Schlesien, Oesterreich ob und unter der Enns, Steyermark, Kärnthen, Krain, Gory, Gradisca, Triest, Tyrol und die Vorlande. Von 1780 bis 1790. Prag, Wien, 1786.

Законы и установления в области юстиции Иосифа II, императора Римской империи.

Иосиф II (1741–1790) – император Священной Римской империи (с 1765) и король Баварии и Венгрии (с 1780).

Канц.: 6769.

83. Fortsetzung der Justitzgesetze von Joseph II.

Возможно, одна из книг:

а) Erste Fortsetzung der Justitzgesetze von Joseph den Zweiten (von Jahre 1784 u. 1785). Klagenfurt, 1786.

б) Zweite —//— (von Jahre 1785 u. 1786). Klagenfurt, 1786.

в) Dritte —//— (von Jahre 1786 u. 1787). Klagenfurt, 1788.

г) Vierte —//— (von Jahre 1787 u. 1788). Klagenfurt, 1788.

Канц.: 6072 (а), 6073 (б), 6074 (в), 6075 (г).

84. Roux. Wohlstand der Handlung, in 2 Theilen. 1.

Roux V. Vom Einflüsse der Regierung auf den Wohlstand der Handlung. Aus d. französischen übersetzt, und mit Anmerkungen versehen. 2 vol. Dresden, 1802.

Канц.: 15107.

Барсков.

*О влиянии правительства на процветание торговли.

Ру (Roux, ок. 1760–1846) Виталь – служащий различных банков. Будучи управляющим Банком Франции, принял участие в редактировании Торгового кодекса, за что получил орден Почетного легиона.

В Канц. имеется также оригинал этого сочинения: *De l'influence du gouvernement sur la prospérité du commerce.* Paris, 1800 (15106).

85. Gesetzbuch für die Preussischen Staaten. 4.

Allgemeines Gesetzbuch für die Preussischen Staaten. Berlin, 1791.

«Всеобщее уложение прусского государства» – один из важнейших итогов деятельности по кодификации прусских законов, которую начал в 1749 г. Фридрих II. Эта работа закончилась изданием в 1794 г. «Всеобщего прусского земельного уложения». Она считается первым изданием «Земельного уложения» (см. № 122, 128).

86. Staatswirtschaftliche Aufsätze in Böhmen. 2.

Aehrenthal J. Lexa von. Staatswirtschaftliche Aufsätze in strenger Beziehung auf Zeitanstände und besonderer Rücksicht auf Böhmen. 8 vol. Leipzig, 1801–1802.

*Исследования по государственной экономике в строгой связи с требованиями времени. Эренталь (Aehrenthal, 1777–1845) Йоханн Лекса фон – немецкий юрист. Канц.: 675.

87. Pastorets über die Strafgesetze. 2.

Pastoret C. E. J. P. de. Betrachtungen über die Strafgesetze. Aus dem französischen herausgegeben und mit einem erläuternden und berichtigenden Commentar auch einigen Anmerkungen versehen von Christian Daniel Erhard. 2 vol. Leipzig, 1792–1796.

О Пасторе и его труде см. № 6.

Переводчик – Эрхард (Erhard, 1759–1823) Христиан Даниель, немецкий юрист, профессор права в Лейпцигском университете.

Канц.: 12900.

Барсков.

88. Abhandlung über das Verbrechen der beleidigten Majestät überhaupt und dessen Bestrafung. 1.

Schott C. A. Abhandlung über das Verbrechen der beleidigten Majestät überhaupt und dessen Bestrafung: nebst einigen allgemeinen Bemerkungen über die Quellen der Verbrechen. Tübingen, 1797.

*Трактат о преступлениях против величества вообще и о наказании за них с присовокуплением некоторых общих соображений о происхождении преступлений.

Канц.: 15903.

Барсков.

89. Eckartshausens Handbuch für Kriminalrichter. 1.

Eckartshausen C. von. Handbuch für Kriminalrichter. Herausgegeben von dem Hofrath von Eckartshausen. München, 1792.

*Руководство для судьи по уголовным делам.

Эккартсгаузен (Eckartshausen, 1752–1803) Карл фон – немецкий писатель, мистик, тайный архивариус баварского королевского дома. Несмотря на юридическое образование, он более известен своими мистическими сочинениями, среди которых самое значительное – «Бог есть самая чистая любовь» (Gott ist die reinsten Liebe, mein Gebeth und meine Betrachtung. München, 1791).

90. Ritualgesetze der Juden. 1.

Mendelssohn M. Ritualgesetze der Juden, betreffend Erbschaften, Vormundschaftssachen, Testamente und Ehesachen, insoweit sie das Mein und Dein angehen. Entworfen vom Verfasser der Philosophischen Schriften, auf Veranlassung und unter Aufsicht R. Hirschel Lewin, Oberrabbiners zu Berlin. Vierte Auflage. Berlin, 1799.

Мендельсон (Mendelssohn, 1729–1786) Мозес – немецкий философ, переводчик и комментатор Библии, друг Лессинга. Своими трудами добивался равноправия евреев, хотя бы в отношении религии и культуры; уменьшения разрыва между немецким и еврейским населением Германии. В ряду подобных работ стоят и «Обрядовые законы иудеев, относящиеся к наследованию, опеке, завещанию и расторжению брака, насколько они касаются имущественных прав» (Берлин, 1778, второе изд. не установлено, третье – Берлин, 1793), компиляция и перевод на немецкий иудейского гражданского права. Работа была выполнена по заказу верховного раввина Берлина Хиршеля Левина (1721–1800). Большой популярностью в кругу московских розенкрейцеров пользовалось сочинение Мендельсона «Федон, или о бессмертии души» (Phädon, oder über die Unsterblichkeit der Seele. 1761).

Канц.: 11516.

91. Justitzpolizeywissenschaft. 1.

Возможно, одно из следующих двух изданий:

Justi J. H. G. von. Johann Heinrich Gottlobs von Justi [...] Grundsätze der Policeywissenschaft, in einem vernünftigen, auf den Endzweck der Policey gegründeten, Zusammenhänge und zum Gebrauch Academischer Vorlesungen abgefasst.

В XVIII веке вышло три издания:

Göttingen, 1756;

Göttingen, 1759;

Göttingen, 1782.

*Основы науки о государственном благочинии, составленные в разумной связи с назначением полиции и для использования в качестве академического чтения.

Justi J. H. G. von. Die Grundfeste der Macht und Glückseligkeit der Staaten, oder fürstliche Vorstellung der gesammten Policey-Wissenschaft. 2 Bd.

В XVIII веке вышло два издания:

Königsberg, 1760–1761.

Königsberg; Leipzig, 1774.

Русский перевод: Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. Сочинил И. Г. Г. Юстий, а с немецкого на российский язык перевел Иван Богаевский. 4 т. СПб., 1772–1778.

Юсти (Justi, 1717–1771) Иоганн Генрих Готлоб фон – немецкий экономист, профессор Венской академии и Геттингенского университета. В правительстве прусского императора Фридриха I отвечал за управление общественными предприятиями. Отделил экономическую науку от науки об общем государственном управлении. Является одним из создателей экономической доктрины либерализма, невмешательства государства в частную предпринимательскую деятельность. Наиболее известны следующие работы: «Государственная экономика» (Staatswirtschaft, 1755) и «Система финансовой деятельности» (System des Finanzwesens, 1766).

92. Codex der menschlichen Vernunft von Echartshausen. 1.

Eckartshausen C. von. Codex der menschlichen Vernunft im Kleinen, oder kurze Darstellung dessen, was die Vernunft allen Menschen gebietet. Zur Aufklärung über ihre Lebensweise, und zum Unterrichte, wie sie ihr Glück sicher stellen sollen. Herausgegeben von dem Hofrath von Eckartshausen. München, 1794.

*Сжатый кодекс человеческого разума, или краткое изложение того, как разум управляет всеми людьми. К просвещению их жизни и к рассуждению о том, на чем должно основываться их счастье.

Об Экартсгаузене см. № 89.

В Канц, по-видимому, опечатка: указан год издания 1790.

Канц.: 5053.

Барсков.

93. Grundriss der Finanzwissenschaft. 1.

Pfeiffer J.F. von. Grundriss der Finanzwissenschaft nebst einem Anhang über die Unausführbarkeit des physiokratischen Systems. Frankfurt am Main, 1781.

*Основы финансовой науки с дополнением о несостоятельности физиократической системы.

Пфайфер (Pfeiffer, 1718–1787) Иоганн Фридрих фон – немецкий экономист.

Канц.: 7399.

Барсков.

94. Versuch über die Gesetzgebung. 1.

Iselin I. Versuch über die Gesetzgebung, von dem Verfasser der Philosophischen Träume. Zürich, 1760.

Изелин (Iselin, 1728–1782) Исаак – швейцарский философ истории, автор работ по педагогике и экономике. «Опыт о законодательстве» связан с его деятельностью в городском совете Базеля (должность секретаря которого он занимал с 1756 года до конца жизни). В заглавии книги – указание на более раннюю его педагогическую работу «Философские и патриотические мечтания друга человечества» (*Philosophische und patriotische Träume eines Menschenfreundes*, 1775).

Канц.: 18277.

Барсков.

95. Pütters Anleitung zur Juristischen Praxis. 2.

Pütter J. S. Anleitung zur juristischen Praxi wie in Teutschland sowohl gerichtliche als ausser gerichtliche Rechtshändel oder andere Cantzley-Reichs und Staats-Sachen schriftlich, oder mündlich verhandelt und in Archiven beygelegt werden. 1-er Theil. Sechste Auflage. Göttingen, 1802.

Другие издания:

Göttingen, 1753.

Göttingen, 1758.

Göttingen, 1765

Göttingen, 1780

Göttingen, 1789

Id. Zugaben zu seiner Anleitung zur Juristischen Praxi als deren zweyter Theil, insonderheit von der Orthographie und Richtigkeit der Sprache und vom Teutschen Canzley-Ceremoniel. Fünfte Auflage. Göttingen, 1802.

Göttingen, 1759.

Göttingen, 1765.

Göttingen, 1767.

Göttingen, 1780.

Göttingen, 1789.

*Руководство по юридической практике.

Пюттер (Pütter, 1725–1807) Иоганн Штефан – крупнейший немецкий юрист XVIII века, профессор Геттингенского университета.

Канц.: 13686.

Барсков.

96. Grundriss der Staatsveränderungen des Teutschen Reichs. 1.

Pütter J. S. Grundriss der Staatsveränderungen des Teutschen Reichs nebst einer Vorbereitung, worinnungleich ein Entwurf einer Bibliothek und gelehrten Geschichte der Teutschen Historie enthalten, das zweitemahl gröstenheils von neuem ausgearbeitet. Göttingen, 1755.

* Очерки по реформам немецкого государства, с присовокуплением подготовительных материалов, а также проекта библиотеки и научной истории немецкой исторической науки.

Другие издания:

Göttingen, 1753.

Göttingen, 1764.

Göttingen, 1769.

Göttingen, 1776.

Göttingen, 1789.

О Пюттере см. № 95.

Канц.: 13700.

Барсков.

97. Versuch einer Juristischen Encyclopedie. 1.

Возможно:

Pütter J. S. Versuch einer Juristischen Encyclopädie und Methodologie, nebst etlichen Zugaben, 1. von Land- und Stadtgesetzen; 2. von Schriftstellern, die solche erläutert; 3. von Vergleichung besonderer Ordnungen, insonderheit fürstlicher und gräflicher Verzichter; 4. von brauchbaren juristischen Büchern; 5. von des Verfassers eignen Schriften.

Göttingen 1767.

*Опыт юридической энциклопедии и методологии.

О Пюттере см. № 95.

98. Entwurf einer pragmatischen Teutschen-Reichs Historie von Häberlin. 1.

Haebelin F. D. Entwurf einer pragmatischen Teutschen Reichs-Historie mit zureichenden Allegationen. Braunschweig und Helmstedt, 1763

*Проект прагматической истории немецкого государства с обогащающими дополнениями.

Канц.: 7559.

Барсков.

99. Nicolai Hieronymi Gendlingii Gründlicher Discours über die Institutiones Justiniani. 1.

Gundling N. H. Nicolai Hieronymi Gundlingii Gründlicher Discours über die Institutiones D. Justiniani: wie solcher aus dessen Munde mit begieriger Feder anfänglich zu Papier gebracht, und hernach zum Druck befördert worden. Zweyte verbesserte Auflage. Francfurt am Mayn, 1733.

*Основательное рассуждение об установлениях Юстиниана: как они были любознательным пером перенесены из уст на бумагу, а затем напечатаны.

Гундлинг (Gundling, 1671–1729) Николай Иероним – немецкий юрист, основной представитель исторической школы государственного права (staatsrechtlich-historische) Галле, проректор и профессор университета Галле. Пытался выработать принципы критики источников при написании истории развития немецкого государства. Как философ он склонялся к идеям естественного права его учителя Христиана Томазиуса (1655–1728).

Второе изд.: Francfurt am Mayn, 1739.

Канц.: 7511.

100. Büschs von dem Geldumlauf und über die Staatswirtschaft und Handlung. 3.

Buesch J. G. Abhandlung von dem Geldumlauf inhalten der rücksicht auf die Staatswirtschaft und Handlung. 2-te Auflage. 2 vol. Hamburg und Kiel, 1800.

*Трактат о денежном обращении, содержащий соображения по государственной экономике и торговле.

Бюш (Buesch, 1728–1800) Иоганн Георг – немецкий экономист, математик и астроном. В 1756 г. основал в Гамбурге и тринадцать лет руководил Коммерческой академией, из стен которой вышло множество выдающихся экономистов. С 1759 г. он издавал «Гамбургские научные известия» («Hamburgische Anzeigen von gelehrten Sachen»), а в 1775 опубликовал «Энциклопедию исторических, философских и математических наук» («Encyclopädie der historischen, philosophischen und mathematischen Wissenschaft»).

В первом издании вышел только первый том (Hamburg und Kiel, 1780).

Канц.: 2699.

101. Kurze Geschichte der Abgabe. 1.

Возможно:

Hunger J. G. Kurze Geschichte der Abgaben, besonders der Konsumtions- und Handels-Abgaben in Sachsen.

В XVIII веке вышло два издания:

Dresden: Gerlach, 1782.

Dresden : Gerlach, 1783.

*Краткая история налогообложения, в особенности торговых налогов в Саксонии.

102. Schröders Schatz und Rentkammer. 1.

Schroeder W. von. Willhelm Freyherrn von Schroedern Fürstliche Schatz- und Rentkammer, nebst seinem Tractat von Goldmachen, wie auch von Ministrissimo oder Oberstaatsbedienten. Königsberg und Leipzig, 1752.

Другие издания:

Leipzig, 1680.

Leipzig, 1686.

Leipzig, 1704.

Leipzig, 1713.

Leipzig, 1721.

Leipzig, 1737.

Leipzig, 1744.

Шрёдер (Schroeder, 1640–1688) Вильгельм фон – крупнейший немецкий экономист XVII века. Родился в Германии, но большую часть жизни жил в Австрии, где работал в администрации императора Леопольда II (1640–1705), которому и посвящена книга Вильгельма Шрёдера «Княжеская сокровищница и казначейство с присовокуплением его же трактата об алхимии, а также Ministrissimo, или о службе высших государственных чинов» – одно из основных произведений немецкой экономической школы камерализма. В названии книги упомянута другая работа Шрёдера: «Необходимое исследование об алхимии» («Notwendiger Unterricht von Goldmachen». Leipzig, 1684).

Канц.: 15947.

Барсков.

103. Schmaussens Einleitung zur Staatswissenschaft. 1.

Schmauß J. J. Einleitung zu der Staats-Wissenschaft, und Erleuterung des von ihm herausgegeben Corporis juris gentium academici und aller anderen seit mehr als zweyen Seculis her geschlossenen Bündnisse, Friends- und Commerciens-Tractaten. 2 Theile.

Theil 2. Die Historie aller zwischen den nordischen Potentzen, Dännemarck, Schweden, Rußland, Polen und Preussen geschlossenen Tractaten in sich haltend. Leipzig, 1760.

Другие издания:

Leipzig, 1741.

Leipzig, 1747.

Шмауц (Schmauß, 1690–1757) Иоганн Якоб – немецкий юрист и публицист, представитель исторической школы государственного права Галле, ученик Н. И. Гундлинга (см. № 99). Кроме указанного в Канц. издания «Введения в политические науки» имеется также другое со сходным заглавием: Joh. Jacob Schmaussens Einleitung zur allerneuesten Staats-Wissenschaft zum Unterricht der academischen Jugend entworfen. Leipzig, 1745. В Канц. указана только вторая часть работы: «История всех договоров, заключенных между северными державами: Данией, Швецией, Россией, Польшей и Пруссией».

Канц.: 15746.

Барсков.

104. Staatsverfassung der Europäischen Reiche und Völker. 1.

Achenwall G. Staatsverfassung der heutigen vornehmsten Europäischen Reiche und Völker im Grundrisse. Fünfte Aufgabe. Göttingen, 1768.

Другие издания:

Göttingen, 1752.

Göttingen, 1756.

Göttingen, 1762.

Göttingen, 1781.

Göttingen, 1785.

Göttingen, 1790.

Göttingen, 1798.

Ахенваль (Achenwall, 1719–1772) Готфрид – немецкий статистик и социолог. В своей книге «Политическое состояние знатнейших современных государств и народов Европы» впервые употребил термин «статистика». Под этим термином он понимал всестороннее описание социальной, политической и экономической составляющих государства (см. также № 112).

Русский перевод: Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств, сочиненное Готфридом Ахенваллом. Перевел с немецкого языка Академии наук переводчик Василий Светлов. СПб., 1779. (СК 356)

Канц.: 103.

105. Vergleichung des ältern und des neuern Russlands. 2.

Meiners C. Vergleichung des ältern und des neuern Rußlandes in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner, ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche sowie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reiseberichte. 2 vols. Leipzig, 1798.

*Сравнение старой и новой России, с особым интересом к природным свойствам ее жителей, их культуре, нравам, образу жизни и обычаям, а также к установлениям и управлению государством.

Майнерс (Meiners, 1747–1810) Кристоф – немецкий философ. Представитель эмпиризма и психологизма. Совместно с И. Г. Х. Федером (1740–1821) издавал в 1788–1791 «Философскую библиотеку» («Die Philosophische Bibliothek») и с Л. Т. Спиттлером (1752–1810) в 1787–1794 гг. – «Геттингенский исторический журнал» («Göttingischen historischen Magazin»).

106. Beyträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland. 1.

Возможно:

Schmidt-Phiseldek Ch., von. Beiträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland. Riga, 1772.

*Материалы к изучению государственного устройства России.

Шмидт-Физельдек (*Schmidt-Phiseldek* 1740–1797) Христофор – немецкий писатель. Автор трудов «Письма о России» («Briefe über Rusland», 1770), «Опыт введения в русскую историю» («Versuch einer neuen Einleitung in die russische Geschichte», Riga, 1773–1774).

107. Humes's und Rousseau's Abhandlungen über den Urvertrag nebst einem Versuch über Leibeigenschaft den Liefländischen Erbherren gewidmet von Merkel. 1.

Merkel G. Humes's und Rousseaus's Abhandlungen über den Urvertrag nebst einem Versuch über Leibeigenschaft den Liefländischen Erbherren gewidmet von G. Merkel. 2 vol. Leipzig, 1797.

Меркель (Merkel, 1769–1850) Гарлиб Гельвиг – латышский просветитель. По национальности немец, сын лютеранского пастора. В 1796 г. уехал в Германию. В Германии он стал одним из популярных публицистов и литературных критиков. В 1812 г. писал воззвания и прокламации против Наполеона, получившие широкую известность. В Лейпциге напечатал несколько книг о

прибалтийских народах, в том числе и «Сочинения Юма и Руссо об общественном договоре с присовокуплением исследования о крепостничестве на землях ливонских помещиков». Его книга «Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия. Дополнение к народоведению и человекознанию» (*Die Letten vorzüglich in Lief- und Ehstland am Ende des Philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde. Leipzig, 1797*), в которой он выступил с резкой критикой крепостничества и церкви и отстаивал идею освобождения латышского крестьянства с земель, путём издания закона просвещённым монархом, была запрещена в Прибалтике и по всей России, однако распространялась в рукописях на латышском языке.

Канц.: 8740.

Барсков.

108. *Geschichte der Sklaverey und Charakter der Bauern in Lif- und Ehstland. 1.*

Jannau H. J. von. Geschichte der Sklaverey, und Charakter der Bauern in Lief- und Ehstland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genausten Berechtung eines Liefländischen Haakens. Riga, Leipzig, 1786.

Яннау (Jannau, 1753–1821) Генрих Иоганн фон – просветитель, историк и публицист. Мировоззрение Яннау сформировалось под влиянием французских философов-просветителей XVIII в. Он был сторонником просвещённого абсолютизма и улучшения быта крепостных крестьян посредством постепенных реформ: сокращения барщины, установления государственного контроля и опеки над крестьянами, расширения сети крестьянских школ и т.д. В труде «История рабства и нравы крестьян в Лифляндии и Эстляндии: трактат об улучшении крепостного состояния» резко критиковал крепостничество в Прибалтийском крае.

Канц.: 6625.

Барсков.

109. *Sonnenfels über die Staatsverwaltung. 1.*

Sonnenfels J. von. Handbuch der inneren Staatsverwaltung mit Rücksicht auf die Umstände und Begriffe der Zeit. Wien, 1798.

*Руководство по внутреннему государственному управлению в связи с обстоятельствами и требованиями времени.

Зонненфельс (Sonnenfels, 1732–1817) Йозеф фон – австрийский юрист и общественный деятель. Специализировался в государственном праве. Был одним из главных участников реформ в правление императора Иосифа II. Готовил закон 1776 года об отмене пыток и телесных наказаний. Руководил реформой народного театра. В 1810 г. он был назначен театральным цензором. С 1811 г. – президент Венской Академии художеств.

110. *Normann's Die Freiheit des Getreidehandels. 1.*

Возможно:

Normann G. Ph. H. Die Freiheit des Getreidehandels. Hamburg 1802.

*Свободная торговля зерном.

Норманн (Normann, 1753–1837) Герхард Филипп Генрих – немецкий экономист.

111. *Klugheit vereint mit Tugend oder Politik des Weisen. 1.*

Eckartshausen C. von. Klugheit vereint mit Tugend, oder Politik des Weisen, für gute Menschen. München, 1790.

Об Эккартсгаузене см. № 89.

Русский перевод: Благоразумие, соединенное с добродетелью, или политика Мудраго. Перевод с немецкого [Д. И. Дмитриевского]. М., 1795. (СК 8579).

Канц.: 5054.

Барсков.

112. Die Staatsklugheit. 1.

Achenwall G. Die Staatsklugheit nach ihren ersten Grundsätzen entworfen. Göttingen, 1761.

*Государственное благополучие, исходя из его главных оснований.

Другие издания:

Göttingen, 1763

Göttingen, 1774

Göttingen, 1779

Об Ахенвалле и его учении о статистике см. № 104.

Канц.: 101.

113. Französischer Staats-Catechismus nach machiavellischen Maximen. 1.

Возможно:

Französischer Staats-Catechismus, nach machiavellischen Maximen eingerichtet, oder vollst. Anweisung, wie man recht politisch leben könne, von R. u. M. verfertigt. Leipzig, 1738.

*Катехизис французского государства, с добавлением макиавеллистических максим, или полное изложение, как человек должен правильно политически жить.

114. Der Mensch oder neue politische Absichten. 1.

Возможно:

Der Mensch in der bürgerlichen Gesellschaft, oder neue politische und oekonomische Absichten, um die Bevölkerung und den Anbau der Felder auf den höchsten Gipfel der Vollkommenheit zu bringen. Berlin, 1764.

*Человек в гражданском обществе, или новый политический и экономический план, как вывести благосостояние населения и обустройство сельских жителей на высочайший уровень.

Первое издание имело несколько иное заглавие: «Человек в гражданском обществе, или предложения, как занять население» (Der Mensch in die bürgerlichen Gesellschaft, oder Vorschläge, die Bevölkerung zu betreiben. Berlin, 1763).

115. Ueber den Luxus. 1.

Saint-Lambert J. F. de. Versuch ueber den Luxus, oder Neue Gedanken von Anwendung der Reichthümer zu den Annehmlichkeiten des Lebens; aus dem Französischen übersetzt. Königsberg, 1767.

*Опыт о роскоши, или новые мысли об использовании богатства для наслаждения жизнью.

Сен-Ламбер (Saint-Lambert, 1716–1803) Жан Франсуа де – французский поэт и философ. Член Академии города Нанси, с 1770 г. – член Французской Академии. Автор поэмы «Времена года». Энциклопедист, материалист, приятель вольнодумных философов. Революции не принял. Французский оригинал «Опыта о роскоши» («Essai sur le luxe») был издан в 1764 г.

Канц.: 8725.

Барсков (с печаткой: 18257).

Возможно также, что имеется в виду издание: Philosophisch-politischer Versuch über den Luxus. Leipzig, 1789. Оригинал его: *Pluquet F. A. A.* Traité philosophique et politique sur le luxe. Paris, 1786 указан в Канц.: 13270. Плюке (Pluquet, 1716–1790) Франсуа Андре Адриен – французский философ, историк и экономист. Наиболее известен своими «Записками к истории заблуждений человеческого разума в связи с христианской религией» («Memoires pour servir à l'histoire des égaremens de l'esprit humain par rapport à la religion chrétienne»), многократно переиздававшимися как «Словарь ересей, заблуждений и расколов» («Dictionnaire des hérésies, des erreurs et des schismes»).

Переводчик – Киндерфатер (Kindervater) Христиан Виктор.

116. Die Staatsbordellen. 1.

Возможно:

Staatsbordellen. Stük I. Frankf., 1787.

*Государственные дома терпимости.

117. Grundriss oder Entwurf en Squelette wie ein Regent Landes-Einkünften

Greffarme M. F. Grund-Riss oder Entwurf en Squelette wie ein Regent, ohne Bescherde seiner Landes-Einkünften, weder einiger Anlagen seiner Unterthanen, eine ewige Recrouten-Colonie anlegen und errichten könne. Bamberg, Frankfurt, Leipzig, 1766.

*Очерк или начальный опыт, как правитель, не раздаривая доходы от своих земель, и без вложений своих подданных может основать рекрутскую колонию.

Канц.: 7259.

Барсков.

118. Über die Hülfgelder.

Wagner Th. von. Etwas über die Hülff-Gelder. Ein Beitrag zu der Hungerschen Geschichte der Abgaben, besonders der Konsumtions-und Handels-Abgaben in Sachsen. Dresden, 1784.

*Нечто о денежных пособиях. Дополнение к Гунгеровой истории налогообложения, особенно о торговых налогах в Саксонии.

См. № 110.

Канц.: 8669.

119. System des preussischen Civilrechts.

Klein E. F. System des preussischen Civilrechts unter Benutzung der neuesten Rechts-quellen und mit Hinweisung auf das gemeine Recht. Halle, 1801.

Клейн (Klein, 1744–1810) Эрнст Фердинанд – немецкий юрист и философ. Один из крупнейших участников создания «Прусского земельного уложения», с выпуском которого и связан его «Система прусского гражданского права» (см. также № 85, 128).

Канц.: 9471.

Барсков.

120. Magazin für die Philosophie des Rechts und der Gesetzgebung von Grolman.

Grolman K. L. Magazin für die Philosophie und Geschichte des Rechts und der Gesetzgebung. 2 vol. Giessen. 1798–1799.

*Журнал философии и истории права и законодательства.

Грольман (Grolman, 1775–1829) Карл Людвиг фон – крупнейший немецкий юрист, теоретик уголовного и уголовно-процессуального права. Министр в Гессене. Один из членов комиссии по составлению наполеоновского Кодекса (1808).

Канц.: 7323.

Барсков.

121. Preussische Gesetzlehrer.

Heinsius O. F. Th. Der preussische Gesetzlehrer oder Anleitung zur richtigen Kenntniss der Gesetze und Verfassung der preussischen Staaten. Zum Gebrauch für Bürgerschulen. 2 vol. Berlin, 1800.

*Прусский законоучитель, или руководство к правильному изучению законов и уложений прусских государств.

Гейнзиус (Heinsius, 1770–1849) Отто Фридрих Теодор – немецкий филолог, лексикограф.

Канц.: 7991.

Барсков.

122. Entwurf eines Gesetzbuchs.

Carmer J. H. K. von. Entwurf eines allgemeinen Gesetzbuchs für die Preussischen Staaten. Erster Theil. 3 Abteilungen. Berlin und Leipzig, 1784–1786.

Кармер (Carmer, 1721–1810) Иоганн Генрих Казимир фон – немецкий юрист, политический деятель. Канцлер Пруссии. На время его административной деятельности приходится значительные реформы в гражданском процессуальном праве и работа по кодификации правовых норм. «Проект всеобщего уложения для Прусских земель» – важный подготовительный этап на пути создания «Прусского всеобщего земельного уложения» (см. № 85, 128).

Канц.: 5335.

Барсков.

123. Erhard. Theorie der Gesetze.

Erhard J. B. Theorie der Gesetze die sich auf das körperliche Wohlseyn der Bürger beziehen und der Benutzung der Heilkunde zum Dienst der Gesetzgebung. Tübingen, 1800.

*Правовая теория, ссылающаяся на телесное здоровье граждан, и использование медицины в интересах законодательства.

Эрхард (Erhard, 1766–1827) Иоганн Вениамин – немецкий медик и философ. Самое известное его произведение – «О праве народов на революцию» («Über das Recht des Volks zu einer Revolution», 1795).

Канц.: 5472.

Барсков.

124. Ueber Ehescheidung von Popp Fr.

Popp F. Ueber Ehescheidung für gebildete Leser aus allen Ständen. Amberg und Salzburg, 1800.

*О разводе для образованных читателей всякого звания.

Канц.: 13381.

125. Ueber den Einfluss der Criminal-Psychologie.

Muench J. G. Ueber den Einfluss der Criminal-Psychologie auf ein System des Criminal-Rechts, auf menschlichere Gesetze und Cultur der Verbrecher; eine academische Vorlesung. Nürnberg, 1799.

*О влиянии криминальной психологии на систему уголовного права, на человеческие законы и исправление преступника.

Канц.: 12167.

126. Grundsätze der Criminalrechtswissenschaft.

Grolman K. Grundsätze der Criminalrechtswissenschaft nebst einer systematischen Darstellung des Geistes der deutschen Criminalgesetze. Giessen, 1798.

О Грольмане см. № 120. «Основы криминального права» выдержали еще три издания: в 1805, 1818 и 1825 гг.

Канц.: 7319.

Барсков.

127. Entwurf eines peinlichen Gesetzbuches für die Kurpfalz-baierischen Staaten.

Kleinschrod G. A. K. Entwurf eines peinlichen Gesetzbuches für die kurpfalz-baierischen Staaten. München, 1802.

*Проект уголовно-исправительного кодекса для баварских государств.

Канц.: 9484.

Барсков.

128. Preussichen Landesgesetze, in 4 Theilen.

Allgemeines Landrecht für die Preussische Staaten. Zweite Auflage. Berlin, 1794.

«Прусское всеобщее земельное уложение» – крупнейший памятник юридической мысли XVIII века. Это первая осуществленная попытка создания научно обоснованного свода законов в Новое время. Подготовка издания началась в 1749 г., во время правления Фридриха II, но закончилось уже при его преемнике Фридрихе Вильгельме. Руководили работами по кодификации К. Г. Суарец (Svarez, 1746–1798) и И. Г. К. Кармер (см. № 85, 122).

Канц.: 10061.

129. Commentars über Landrecht.

Возможно:

Griesinger L. F. Commentar über das Herzoglich Wirtembergische Landrecht. Frankfurt, 1793–1799.

*Комментарий к земельному уложению герцогства Вюртембергского.

Комментарий к «Прусскому земельному уложению» вышел только в 1804–1806 гг.

130. Von der Bevölkerung.

Возможно:

Von der Bevölkerung: ein Paradoxon. Leipzig: Oter-Messe, 1776.

*О населении. Парадокс.

**ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ А. Н. РАДИЩЕВА
«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»
В БИБЛИОТЕКЕ А. А. АРАКЧЕЕВА**

И. Ю. Фоменко

Известно, что в усадьбе А. А. Аракчеева Грузино находилась богатая библиотека, содержащая большое количество редких книг и рукописей. В конце XIX в. у Н. Бокачева хранилась рукописная («7 страниц писчей бумаги») «Ведомость книгам и бумагам, находящимся в грузинской б-ке, в запечатанных шкафах под № 11, 12, 18 и 19»¹. Современный исследователь В. А. Томсинов, ссылаясь на печатный каталог 1824 г., сообщает, что Аракчеев начал собирать библиотеку уже в 1795 г., а к 1824 г. она насчитывала более 11 тысяч томов². Крайне интересные архивные сведения об аракчеевском книжном собрании обнаружил в РГВИА К. М. Ячменихин. Эти материалы позволяют составить общее представление о количественном и качественном составе библиотеки, содержавшей «многие сочинения, правительством запрещенные». По данным Ячменихина, аракчеевские «грузинская и малая библиотека в Петербурге насчитывали 15 тысяч книг, периодических изданий, карт и эстампов. Из них свыше 100 наименований были запрещены цензурою, либо были ей неизвестны»³.

Беглые, но любопытные воспоминания о Грузинской библиотеке мы находим в мемуарной литературе. В книге «Аракчеев: свидетельства современников» (М., 2000) собраны интересные, ранее рассредоточенные в источниках XIX в. данные.

¹ Бокачев Н. *Описи русских библиотек*. СПб., 1890. С. 111, № 324.

² Томсинов В. А. *Временщик (А. А. Аракчеев)*. М., 1996. С. 39.

³ Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // *Вопросы истории*. М., 1991, № 12. С. 49; Ячменихин К. М. Библиотека «фрунтового солдата» // *Библиофил*. 1999, № 1. С. 105–112.

Усадьба имела явные признаки музея, в котором книгам и рукописям отводилась достаточно заметная роль. В бельэтаже на самом видном месте в «кристальном столе» хранились рукописи, в том числе письма Аракчееву императоров Павла I и Александра I, в ризнице Андреевского собора в Грузии – «Евангелие, писанное в 1525 году» и «Евангелие, печатанное в 1651 году»⁴. На ступенях пьедестала памятника, воздвигнутого Аракчеевым в память 13 офицеров полка его имени, погибшим в войне с Наполеоном, лежали экземпляры книги Б. Я. Княжнина (сына известного драматурга Я. Б. Княжнина) «Биографии штаб и обер-офицеров Гренадерского графа Аракчеева полка, положивших жизнь свою защищая государя и Отечество в сражениях 1812, 1813 и 1814» (СПб., 1816) с изображением памятника. «Каждый посетитель мог получить ее экземпляр»⁵.

Основная часть библиотеки, помещавшейся в отдельно стоящем здании, «беседке», как правило, осматривалась поверхностно. Современники отмечали большое количество военной литературы («кажется, большая и отборная часть оной состоит из творений, касающихся до военного искусства») и «бедность» «отдела русской литературы»: «Отдел русской литературы в грузинской библиотеке был крайне беден и ограничивался Державиным, Фонвизиним. Письмами Карамзина и сочинениями Булгарина ... Литературы, особенно новой, Аракчеев не любил, и когда его книжный поставщик купец Заикин прислал в Грузино в числе прочих книг «Цыган» и «Пленника» Пушкина, то граф отметил в счете «Возвратить обратно»⁶. Однако данный эпизод свидетельствует не столько о «бедности» аракчеевской библиотеки, сколько об определенной, достаточно последовательной читательской позиции. Так, Аракчеев предполагал послать двоих студентов Военно-учительского института «учиться изящному чтению у Гнедича или Греча» – не у Пушкина⁷.

Реально оценить количественный и качественный состав Грузинской библиотеки позволяют не только архивные данные, но и печатный каталог этого книжного собрания, изданный в 1824 г. В Военном отделе РГБ хранится экземпляр этого редчайшего издания, по своей информативности не уступающий рукописным источникам. Его точное название «Каталог книг из Грузинской б-ки графа Алексея Андреевича Аракчеева, составленный флигель-адъютантом его императорского величества подпоручиком Шумским» (СПб., 1824). Судя по

⁴ Аракчеев: Свидетельства современников / Сост. Е. Е. Давыдова, Е. Э. Лямина, А. М. Пескова. М., 2000. С. 138, 143.

⁵ Там же. С. 137.

⁶ Там же. С. 442.

⁷ Там же. С. 152.

рукописной помете на шмуцтитутле экземпляра РГБ, «Оной Каталог Грузинской библиотеки сверен с каталогом точно таким же находящимся у его сиятельства графа Алексея Андреевича и означены в сем каталоге все его собственноручные отметки какие отмечены в его Каталоге в чем и свидетельствуем 24 июня 1828 года. Архитектор Семенов Иван Варламов», в РГБ книга поступила в 1929 г. в составе богатейшей, насчитывавшей около 400 000 томов, Библиотеки Главного штаба.

Согласно беглому упоминанию У. Г. Иваска, «библиотека Аракчеева составила из подаренного ему собрания Кампенгаузена, из книг поднесенных авторами и издателями и из собственных приобретений»⁸. Б. Б. Кампенгаузен (1772–1823) – личность яркая и значительная. Он получил образование в Геттингенском университете, в разные годы был послом в Польше, служил в Стокгольме, в годы правления императора Александра I занимал должности государственного казначея, управляющего делами Министерства внутренних дел, входил в кружок М. М. Сперанского. К сожалению, мне пока не удалось обнаружить сведения о составе его библиотеки, дате и обстоятельствах, при которых она была передана Аракчееву. Так или иначе, Аракчеев принял этот дар, хранил, каталогизировал.

В «Каталоге Грузинской библиотеки» учтено примерно 2400 изданий, «расклассифицированных по предметам», что представляет интерес как одна из ранних попыток систематизации книжной продукции.

Цифра 2400 требует пояснений. Напомню, что исследователи давали цифру 10 000 и даже 15 000. Расхождение цифр может объясняться наличием в Грузинской библиотеке «шкафа листового материала», не учтенного в «Каталоге». «Шкаф» вполне мог содержать не одну тысячу карт и планов. Кроме того, учет многотомных изданий и периодики возможен как по числу наименований, так и по числу томов, номеров, «корешков», что дает принципиально разные цифры.

В «Каталоге» были выделены 11 разделов: духовные (около 300 наименований); нравственные и о воспитании (около 60 книг); законы, положения и указы (около 300); естественные науки (около 100); хозяйство (более 100); искусства и архитектура (более 50); история, география и путешествия (более 650); математика (более 70); военное искусство (более 200); словесность (около 500); периодические издания (более 40 наименований, примерно 300 номеров)⁹.

«Каталог» был набран в форме таблиц, причем в конце каждого из разделов были оставлены пустые страницы для фиксации пополнений. В экземпляр РГБ на этих страницах от руки вписаны пополнения 1824–1828 гг. Кроме того,

⁸ Иваск У. Г. *Частные библиотеки в России // Русский библиофил. 1911, № 3. С. 61.*

⁹ Эти цифры интересно соотнести с цитируемым Ячменихиным рукописным «Обзрением Грузинской библиотеки покойного графа Аракчеева». См.: Ячменихин К. М. *Библиотека «фрунтового солдата»*. С. 110.

многие печатные записи перечеркнуты и поверх вписаны другие книги, что отражает движение фонда, но и затрудняет любые подсчеты.

Любопытна фигура составителя «Каталога». Скандально известный воспитанник Аракчеева достаточно квалифицированно выполнил сложную библиографическую работу. Отмечу, что в библиотеке Аракчеева имелись труды по русской библиографии, которыми он мог воспользоваться, прежде всего «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова, труды Императорской Публичной библиотеки.

Просмотр «Каталога» показывает, что мы имеем дело с незаурядным книжным собранием, владельцу которого были свойственны отношение к книге как к предмету коллекционирования, интерес к книжным редкостям.

Так, в разделе «духовные книги» учтены не только книги кирилловского шрифта, но и неожиданно много неортодоксальной, мистической литературы, в том числе издания, запрещавшиеся или даже физически уничтожавшиеся духовной цензурой. Так, в грузинской библиотеке имелись труды госпожи Ж. М. Гюйон, И. Г. Юнг-Штиллинга.

Запись под № 1.831: «Перевод Госнеровой книги толкование евангелия за которую он в 1825-м году выслан за границу» означает, что Аракчеев располагал экземпляром книги [Дух жизни и учения Иисус Христов в Новом Завете] (СПб., 1824) И. Е. Госнера, немецкого пастора, проповеди которого пользовались в Петербурге необыкновенной популярностью. Разрешение книги цензурой, находившейся в ведении министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, дало повод митрополиту Серафиму (С. В. Глаголевскому) и архимандриту Фотию, а также М. Л. Магницкому и самому А. А. Аракчееву спровоцировать скандал, приведший не только к высылке автора из Петербурга, но и к отставке Голицына и судебному разбирательству, которое длилось вплоть до 1828 г. и закончилось оправданием лиц, причастных к переводу и изданию книги. Книга вписана в «Каталог» от руки, то есть влилась в состав грузинской библиотеки в 1824–1828 гг.

Судя по рукописной же записи под № 1.789 «Библия переведенная на российский язык 1825 полученная от митрополита Серафима», Аракчеев не только располагал знаменитым переводом на русский язык книг «Ветхого Завета» (1823–1825), но и получил его от того же Серафима (С. В. Глаголевского), сыгравшего особую роль в судьбе книги Госнера.

Перевод книг Ветхого завета на современный русский язык, предпринятый по инициативе Российского Библейского общества, осуществлялся под редакцией талантливого филолога, знатока еврейского языка протоиерея Г. И. Павского сотрудниками Петербургской, Московской и Киевской духовных академий. Не-

удача перевода была predetermined не только случайным, но иногда даже не вполне добровольным выбором переводчиков.

Кроме того, «сила привычки читать Священное писание по-славянски» (М. М. Сперанский) была в России еще столь велика, что перевод не встретил понимания даже в самых образованных кругах русского общества. Много позже, в 1857 г., московский митрополит Филарет (Дроздов) сетовал: «В переводе не было ничего такого, что заслуживало бы такую строгую меру. Он пострадал мученически». Тем не менее, тираж книги был уничтожен по решению Синода, а немногочисленные уцелевшие экземпляры возглавляют списки русских книжных редкостей¹⁰.

Грузинская библиотека явно носила справочный, рабочий характер, с редкой полнотой представлены издания документально-актового характера, как правило, дошедшие до наших дней в считанном числе экземпляров. Очень много справочников по математике, военному делу (в том числе ряд книг петровской эпохи, первенцев гражданского шрифта).

Раздел беллетристики не так мал и содержит издания М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, И. И. Дмитриева, М. Н. Муравьева, И. А. Крылова, но преобладают в нем издания романов А. Ф. Коцебу, С. Жанлис; многочисленны достаточно низкопробные издания романов анонимных или малоизвестных авторов. Имелся, например, у Аракчеева роман Н. Ж. Леонара «Тереза и Фальдони», которым зачитывался герой «Бедных людей» Ф. М. Достоевского Макар Девушкин.

Не исключено, что некоторые книги приобретались специально для посещавших Грузино дам, в комнатах которых, по свидетельству очевидцев, была предусмотрена «библиотека избранных поэтов и романов»¹¹. Отмечу, что в грузинской оранжерее были оборудованы «покойные кабинеты для чтения и занятий». Таким образом, книги не только демонстрировались, чтение входило существенным элементом в нормативный усадебный быт¹².

Самым богатым и ярким в грузинском книжном собрании был раздел «История, география и путешествия», включавший большое количество редких книг самой разнообразной тематики – страноведение, политика, мемуары.

¹⁰ Чистович И. А. *История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899. С. 33–35, 40–41, 117–118.*

¹¹ Аракчеев: *Свидетельства современников. С. 135.*

¹² *О том, что в Грузино, бесспорно, была предпринята попытка реализации некоей патриархально-крепостнической утопии, см. подробнее: Архангельский А. Н. *Зачинатель и совершитель. Лагарп и Аракчеев в утопии александровского царствования // Человек. М., 1993. Вып. 1. С. 164–169.**

В этом разделе под № 1.460 имеется запись: «Путешествие из Петербурга в Москву. Печат. в С. Петербурге. 1790. Подарена г. Волковым (в осьмушку)». На полях карандашная помета «У его величества». Таким образом, выявляется еще один экземпляр знаменитой книги (или появляются дополнительные сведения об одном из учтенных). Исследователи неоднократно предпринимали попытки собрать исчерпывающую информацию о судьбе тиража знаменитой книги, включая не только уцелевшие, но и не дошедшие до наших дней экземпляры. Последние по времени попытки – работы Н. П. Смирнова-Сокольского и А. П. Толстикова¹³. В них учтено 14 экземпляров книги и сообщена информация о 13 экземплярах, следы которых теряются. Как справедливо отмечает А. Толстиков, «возможно, порой под разными номерами речь идет об одном и том же экземпляре или что некоторые из них входят в число уже названных четырнадцати, поскольку путь большинства из книг от одного владельца к другому сложно проследить»¹⁴. Так или иначе, среди владельцев знаменитой книги до сих пор не числились ни Аракчеев, ни Кампенгаузен, ни Волков.

Волков, подаривший книгу либо самому Аракчееву, либо Кампенгаузену, предположительно, Николай Дмитриевич Волков, соученик Радищева по Лейпцигу, посланный в числе «трех пажей взамен умерших»¹⁵, в дальнейшем достаточно тесно связанный с семьей Радищева¹⁶. В конце XVIII в. он служил в Сенате, а в 1802 г. состоял в должности Литовского вице-губернатора. Его служебная деятельность вполне могла привести к знакомству и с Кампенгаузеном и с Аракчеевым.

Благодаря имеющимся на экземпляре РГБ «Каталога» рукописным пометам, сообщающим о том, куда была отправлена каждая из книг после смерти владельца, мы имеем редкую возможность проследить дальнейшую судьбу грузинской библиотеки. Согласно завещанию Аракчеева, его имуществом распоряжался Николай I, который и принял решение о передаче имущества, в том числе книг, в основанный Аракчеевым Новгородский кадетский корпус. Соответственно, значительная часть книг имеет помету «в корпус». Однако более половины книг имеют помету «продано».

Очевидно, что немногочисленная, но самая интересная часть книжного и рукописного собрания Аракчеева привлекла самое пристальное внимание пра-

¹³ Смирнов-Сокольский Н. М. *Рассказы о книгах*. М., 1959. С. 99–101; Толстиков А. П. *Веса золота // Книжное обозрение*. 1975, № 9, 28 февраля. С. 12.

¹⁴ Толстиков А. П. *Там же*.

¹⁵ *Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями*. М.; Л., 1953. С. 38.

¹⁶ Татаринцев А. Г. *А. Н. Радищев. Архивные разыскания и находки*. Ижевск, 1984. 264 с. (По указателю).

вительства и императора Николая I. Так, на полях «Каталога» против записей о самых редких печатных и рукописных материалах имеются пометы «у его величества», «взята лично дежурным генералом», «не возвращена цензурою», «в департамент», «отправлено с фельдегерем в Моск. отд. об. ар. Гл. ш.». Напомню, что экземпляр «Путешествия», судя по помете на «Каталоге», был передан «его величеству». С этого момента его следы теряются.

Итак, изучение книжного собрания Аракчеева, безусловно, открывает неожиданные грани в его облике и должно быть продолжено как по рукописным, так и по печатным источникам; информация же об аракчеевском экземпляре «Путешествия», обозначающая некую нить, связывавшую его владельца с Радищевым, безусловно, дает пищу для размышлений и дальнейших поисков.

Здесь нужно хотя бы вкратце напомнить о сложнейшем сплаве руссоистских идей и феодально-крепостнической Российской практики. Еще Джеймс Томсон в поэме «Времена года» (1730) разработал цельную и очень долго не терявшую своей актуальности философию. Стрижка шерсти – «простая сцена, но Британия видит в ней коренное свое величие». Согласно Руссо, деревня созидает, город расточает. Эти взгляды последовательно отразились в жанре идиллии, где представлены занятия, оправдывающие существование человека, занятия священника, земледельца, главы семьи. В ряде текстов достойным делом признается также защита Отечества – любопытно, что еще в поэме Томсона возникает фигура «воина-пахаря». В России эта система взглядов претерпела характерную модификацию, в результате которой в жанре идиллии изображалась патриархальная жизнь образованных деревенских дворян и их отеческая забота «о целом народе крепостных» (М. Н. Муравьев). В России эта тематика не теряла своей актуальности практически до Льва Толстого.

Особенно яркое впечатление идиллическая нормативность грузинского быта произвела на П. П. Свинына, который описал «веселых грузинских поселян за сенокосом» под неусыпным взором помещика, из бельведера которого открывался вид на все 22 аракчеевские деревни. Помещики, согласно той же утопии, должны были проводить время «полезно, приятно и разнообразно»¹⁷. Соответственно, существенный элемент усадебного быта должно было составлять чтение, поэтому книги не только демонстрировались – в особо оборудованных для приезжих дам комнатах была предусмотр-

¹⁷ Аракчеев: Свидетельства современников. С. 123, 134, 147.

рена «библиотека избранных поэтов и романов», в оранжерее – «покойные кабинеты для чтения и занятий»¹⁸.

Особая тема – рукописное собрание Аракчеева. Исследователи отмечают, что он относился к прошлому с «истинным благоговением. С увлечением, свойственным разве страстному архивисту, коллекционировал он исторические документы, собирал записки деятелей прошлого»¹⁹. В «Каталоге» упомянуты «манускрипты» А.Ф. Малиновского («О многократных отправлениях в Индию российских посланников», «Дипломатические сведения о взаимных сношениях между Россией и Пруссией с 1516 по 1701 год», «Обозрение Москвы» и др.), письма А. Д. Меншикова, многочисленные рукописные источники о войне 1812 г., рукописные книги, например, «Евангелие» 1525 г.

На данный момент принадлежавшие Аракчееву книги выявлены в нашей библиотеке и в библиотеках Новгорода и Нижнего Новгорода (куда они поступили из Новгородского кадетского корпуса)²⁰. Выявление экземпляров книг, некогда принадлежавших Аракчееву – предмет дальнейшего исследования, в котором, разумеется, нельзя будет обойтись без более тщательного анализа «Каталога грузинской библиотеки».

Кроме того, разумеется, в дальнейшем необходимо обследовать петербургские материалы, которые крайне интересны, но достаточно бегло охарактеризованы в цитировавшихся мною статьях. Это позволит дополнить данные нашего экземпляра «Каталога» и составить еще более полное представление о книжном собрании Аракчеева.

Постоянный рост интереса к А. А. Аракчееву, наблюдающийся в последнее десятилетие, определяется не только масштабом и своеобразием его личности, но и известной потребностью в переосмыслении исторического прошлого. Одновременно происходит накопление биографического, источниковедческого, археографического материала об Аракчееве²¹.

¹⁸ Там же. С. 135, 142.

¹⁹ Томсинов. Указ. соч. С. 265; Герасимова. Указ. соч.

²⁰ Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги библиотеки Областного краеведческого и художественного музеев // ТОДРЛ. Т. 12. 1965. С. 494; Иваск У. Г. Частные библиотеки в России // Русский библиофил. 1911, № 3. С. 61.

²¹ См.: Герасимова Ю. И. Архив А. А. Аракчеева // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 41. С. 56–80; Томсинов В. А., Временщик. (А. А. Аракчеев). М., 1996; Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997; Сахаров А. Н. Александр и Аракчеев // Отечественная история. М., 1998, № 4. С. 24–39; А. А. Аракчеев – верный слуга монархов / Публ. А. С. Какунина // Военно-исторический журнал. М., 1995, № 1. С. 81–88, а также книгу: Аракчеев: Свидетельства современников / Сост. Е. Е. Давыдова, Е. Э. Лямина, А. М. Пескова. М., 2000.

Отрадно, что первой ласточкой была работа сотрудницы отдела рукописей РГБ²². Был введен в научный оборот интереснейший материал, позволяющий по-новому увидеть многое в личности Аракчеева, но не навязывающий свою точку зрения. В последние годы появилось много работ об Аракчееве, как правило, монографических – общий очерк его жизни и деятельности.

Современные исследователи справедливо отмечают, что Аракчеев предпринял попытку реализации патриархально-крепостнической утопии, в которой «поселяне и поселянки были счастливыми персонажами государственной пасторали, разве что переодетыми в казенную форму»²³.

²² См.: Герасимова Ю. И. *Архив А. А. Аракчеева // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 41. С. 56–80.*

²³ *Архангельский А. Н. Зачинатель и совершитель. Лагарп и Аракчеев в утопии александровского царствования // Человек. М., 1993. Вып. 1. С. 164–169.*

К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖЕННОМ РАДИЩЕВЫМ ПРАВИЛЕ ЧТЕНИЯ ГЕКСАМЕТРА

Н. Ю. Алексеева

Радищев оставил суждения по трем аспектам русского гексаметра. Его внимание было обращено, во-первых, на стиль «Тилемахиды»; во-вторых, на «благогласие» ее стихов, т.е. на их звуковую сторону; в-третьих, на просодию, под которой на рубеже XVIII–XIX веков понимали стопосложение¹.

Вопросам звучания стиха посвящена вторая часть «Памятника дактилохорического витязю» (1801) – «Апология “Тилемахиды” и шестистопов».

Разбор Радищевым гексаметров «Тилемахиды» самобытен и оригинален. Критику как будто не известна теория гексаметра самого Тредиаковского, изложенная с обычной для него обстоятельностью². В отличие от Тредиаковского, Радищев не касается структуры гексаметра как таковой. Возможно ли, чтобы он был не знаком с теоретическими работами Тредиаковского? Последовавшие вскоре после публикации трактата Радищева теоретические споры о гексаметре пошли по иному руслу, продолжая обсуждение намеченных Тредиаковским проблем. Это, в первую очередь, вопросы о соотношении в строке дактилей и хореев, о месте цезуры, правило первой и последней стоп. Таким образом, рассуждение Радищева о гексаметре не соотносится ни с предшествующей (Тре-

¹ См., например, ответ от 8 июля 1816 года митрополита Евгения Болховитинова на вопрос об этом Г. Р. Державина: «...просодии, или стопосложения нет у французов, испанцев, итальянцев и англичан – у них только поэзия, а не просодия (так как нет стопосложения)» (О славянорусских лириках. Сочинения покойного митрополита Евгения для Г. Р. Державина // Москвитянин, 1842. Ч. 1. С. 166).

² Например: [Тредиаковский В. К.] 1) Предыдьяснение об цроической пииме // Тилемахида или Странствования Тилемаха сына Одиссеева... СПб., 1766. Т. 1. С. 51–58; 2) Предупомление от трудившегося в переводе // Аргенида повесть героическая сочиненная Иоанном Барклаем... СПб., 1751. Т. 1. С. 63–68.

диаковский), ни с последующей традицией русского стиховедения. Те несколько страниц, которым отведена «Апология», посвящены правилам чтения гекзаметров Третьяковского.

Сославшись в самом начале своего рассуждения на Ф. Г. Клопштока («читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток»³), Радищев учит своего собеседника «П.» (Подшивалова (?)) чтению стихов «Тилемахида». Соответствующее место из Клопштока привел в своем комментарии к «Памятнику дактилохореическому витязю» Л. В. Пумпянский, оставив самый вопрос о соотношении теории гекзаметра Клопштока и Радищева без рассмотрения. Радищев отсылает к месту из статьи Клопштока «Vom deutschen Hexameter» (О немецком гекзаметре), включенной в третий том «Мессиады», вышедший в 1769 году⁴. Вот как оно звучит в переводе Пумпянского: «Из приложения к речи искусственных или школьных стоп (Füße der Regel) возникают стопы слов (Wortfüße), которые являются действительными частями стиха: только на них обращает внимание слушатель, которому до искусственных стоп нет никакого дела»⁵. Приведя это место, Пумпянский показывает, используя один из примеров Радищева, разницу между школьным чтением и словесным:

Та раз | лука бы | ла мне| вместо Пе | руна |удара (школьная скандовка).

Та разлука| была мне| вместо Перуна удара (словесное чтение).

Далее Пумпянский говорит, что «это правило [чтения – Н. А.] – первый на русской почве выход за пределы школьного стиховедения Третьяковского и Кантемира в сторону научного стиховедения»⁶. Такая оценка «правила» Радищева, а также мнение Пумпянского, что именно «эту мысль Клопштока имел в виду Радищев», создают впечатление, что Радищев и Клопшток, действительно, говорили об одном, о «словесном чтении». А избранный Пумпянским пример вполне убеждает, что в предложенном Радищевым словесно-синтагматическом чтении гекзаметра есть безусловно свое преимущество.

³ Радищев А. Н. Памятник дактилохореическому витязю // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 216.

⁴ Klopstock F. G. *Vom deutschen Hexameter aus einer Abhandlung vom Sylbenmasse* // *Der Messias*. Bd. 3. Halle, im Magdeburgischen, Verlegen von C. H. Hemmerde, 1769.

⁵ Пумпянский Л. В. Примечания к «Памятнику дактилохореическому витязю» // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 397. Затем также без комментариев эти несколько строк из Клопштока были приведены В. А. Западовым в примечаниях к публикации «Памятника» в «Библиотеке поэта». (Радищев А. Н. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. А. Запорова. Л., 1975. С. 267) (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

⁶ Пумпянский Л. В. Примечания к «Памятнику дактилохореическому витязю». С. 394.

Однако если мы обратимся к другим примерам из статьи Радищева (всего он приводит 29 строк из «Тилемахиды»), обоснованность «правила» Радищева и его научность не смогут не вызвать сомнения.

При чтении гекзаметров «Тилемахиды» Радищев предлагает использовать два приема. Во-первых, настаивает на дроблении стиха «на отделения», поскольку, «если разыщешь стих еще больше и раздобишь его», в нем «сверх числительных звонкости» проступит «изящное уподобительное благогласие»⁷. А во-вторых, учит читать стих на основании долготы и краткости звуков самих слов, не имеющих, по Радищеву, соответствия стопам гекзаметра.

Например, стих «Дубы и сосны мне | казались сходящи с хребтов гор...» Радищев предлагает читать так:

Дубы́ и со́сны | мнѣ ка́зались схо́дящи́ | с хре́бтов̄ го́р...

А стих «Превознесется слава | до самых светил, до звезд поднебесных...» – следующим образом:

Пре́взо́нётся́ | сла́ва до́ са́мых све́тил | до́ зве́зд по́днёбе́сных

Стих «Столько ж грубых | сколь та вся земля дика и ребриста...», по Радищеву, звучит так:

Сто́лько ж | гру́бых | ско́ль та́ вся́ зе́мля́ дика́ и ре́бриста́...

В отдельных случаях, действительно, предлагаемый Радищевым пропуск ударения усиливает «благогласие». Например:

До́бры́е ждут | по́ка не́ взы́дутся́ и́ призо́вутся́...

До́бры́е ждѹт | по́ка не́ взы́дутся́ и́ призо́вутся́...

Напротив, дополнительная ударность или долгота, увеличивающая число спондеев, для русского языка невозможна. Как, например, можно прочесть *пока* или *слава* – спондеем, а не хореем, *хребтов гор* – молосом, и напротив, *колеблется* – триврахием. Спондеи в русском стихе вообще встречаются редко, и только на стыке слов. Радищев же предлагает тянуть слоги в словах *слава*, *пока*, *хребтов гор*, что для нашего языка не под силу. Совершенно непонятно при этом, чем он руководствуется и почему такое чтение усиливает «благогласие». При таком чтении всякое подобие гекзаметра, или шестистопы, исчезает: сами стопы с неизбежностью разрушаются. Ведь именно против равномерного чередования сильных и слабых мест в строке, иначе говоря, против стопосложения направлено «правило» Радищева. В произвольном распределении долготы и краткости звуков в стихе Радищев идет гораздо дальше теории самого Клопшток.

⁷ Радищев А. Н. Памятник дактилохорейческому витязю. С. 216.

Собственно теория гекзаметра Клопштока, вызвавшая недоумение у современников и строгое порицание ученых стиховедов XX века, касалась, прежде всего, вопроса о долготе звуков немецкого языка. Трактат Клопштока «О немецком гекзаметре», написанный в форме беседы (обычная форма немецких поэтик XVII–XVIII веков), посвящен апологии немецкого гекзаметра. Ведущий беседы Зелмер (Selmer), искушенный знаток греческой и немецкой поэзии, стремится доказать своим слушателям, что немецкий гекзаметр богаче и выразительнее греческого⁸. Главным основанием для доказательства этого положения служит преимущественное богатство долгими звуками немецкого языка в сравнении с греческим. Вот тут-то Зелмер и говорит, что всякое слово представляет собой стопы, может быть прочтено как стопы, и вводит категорию стиха Wortfüsse (слово-стопа). По мнению Зелмера-Клопштока, в немецком языке почти все звуки долгие и поэтому немецкий язык исключительно богат спондеями и молосами⁹. Именно в немецком языке часто встречаются две долгие гласные в одном слове, две и более долгие в соседних словах. Спондеи же и молосы способствуют, по мнению Клопштока, стремительности гекзаметра. Он подробно объясняет, какие гласные следует считать долгими. Зелмер-Клопшток приводит немецкие гекзаметры (из «Мессиады»), расставляя, как позднее Радищев, над строками знаки долготы и краткости. Однако при этом стопы дактилей и хореев, из которых состоит гекзаметр, не разрушаются. Просто вместо стопы дактиля идет молос, а вместо хореев – спондей. Хореев в гекзаметре Клопшток в ту пору избегал.

Можно было бы думать, что Радищев вслед за Клопштоком считает достоинством гекзаметра обилие долгих звуков и, соответственно, стоп молосов и спондеев. Однако, как уже говорилось, это не так. Он не меньше радуется четырьмя подряд кратким гласным в слове *колеблетя*, чем спондею в слове *страшно* («как хорошо <...> на конце третьего отделения следует четыре одинаково краткие в *колеблетя*, и полудлинные спондеи в *страшно*»¹⁰). В своем чтении гекзаметра он идет значительно дальше Клопштока, которого упрекали в недопустимой произвольности растягивания звуков, чередования стоп и совершенной свободе цезур¹¹. Все это приводило к чрезмерной свободе гекзаметра, от которой Клопшток постепенно отказывался. Последние песни «Мессиады» значительно строже и «правильнее» первых (Клопшток писал «Мессиаду» в течение сорока лет). Но даже в начальную свою пору Клопшток не разрушал стоп.

⁸ Klopstock F. G. *Vom deutschen Hexameter*. S. 3.

⁹ *Ibid.* S. 5.

¹⁰ Радищев А. Н. *Памятник дактилохорейческому витязю*. С. 218.

¹¹ См. об этом: Heusler Andreas. *Deutscher und Antiker Vers. Der falschen Spondeus und angrenzenden Fragen*. Strassburg, K. J. Trübner, 1917. S. 86–88.

Сопоставление «Апологии» Радищева со статьей Клопштока позволяет заключить, что Радищев в своем понимании гекзаметра был самостоятелен, смел и оригинален. Влияние Клопштока ограничивалось только высказанной им идеей о свободе варьирования стоп в гекзаметре и о значимости отдельного слова в стихосложении. В своем рассуждении Радищев, по-видимому, руководствовался не выведенными Клопштоком законами, а исключительно своим слышанием стиха. Едва ли такой подход к стиху можно назвать научным. Ведь никаких правил, законов он как раз не предполагает. Не удивительно, что эти «правила» не нашли отклика ни у современников, ни у потомков. Что при таком чтении может служить константой стиха, остается неясным. Однако сам этот опыт выбора гекзаметров представляется исключительно интересным.

Во-первых, «Апология» несомненно свидетельствует о том, что русские гласные для Радищева имеют разную долготу. Как это было для Ломоносова и Тредиаковского, и как оставалось еще вопросом в 1810-х годах.

Во-вторых, приведенные Радищевым примеры чтения отдельных строк «Тилемахиды» позволяют в какой-то мере представить манеру чтения стихов Радищевым и, возможно, его современниками. Это чтение не могло не быть музыкальным, поскольку только при пении стиха можно произвольно растягивать звуки. Очевидно, такое чтение противостояло школьному чтению стихов, скандовке по стопам.

В-третьих, Радищев, по-видимому, полагал, что сами слова, длительность и краткость их гласных определяют стих, а не заданная схема. Такое восприятие стихосложения может возникать только в момент кризиса стиха. Нам трудно представить положение в поэзии 1801 года как кризисное. Это период анакреонтических песен Державина, еще не написан «Лебедь». Однако Радищев, отказываясь от силлаботоники и последовательно стремясь создать новый тонический стих, должен был, вероятно, как бы забыть о просодии (стопосложении), перестать ее слышать. И уже потом вслушиваться в мелодию самих слов, с точки зрения силлаботоники – произвольную. Такое объяснение может вызвать недоумение, оно, пожалуй, столь же научно, как и «правила» Радищева. Трудно на нем настаивать, еще труднее принять, потому что нам невозможно помыслить состояние еще не сложившегося, совершенно нового слышания речи.

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ А. Н. РАДИЩЕВА (ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Л. А. Сапченко

«...Я всегда с величайшим удовольствием читал размышления стоящих на воскраии гроба, на праге вечности, и, соображая причину их кончины и побуждения, ими ж вождаемы были, почерпал многое, что мне в другом месте находить не удавалось».

А. Н. Радищев.

«О человеке, его смертности и бессмертии».

Творческие связи Радищева с древнерусской литературой давно были отмечены исследователями. Установлено, что широкий спектр жанров древнерусской литературы (слово, поучение, проповедь, исповедь, житие) нашел отражение в произведениях писателя. Между тем духовное завещание Радищева еще не рассматривалось в названном аспекте.

Со времен Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха сложился в русской литературе жанр духовного завещания, получивший продолжение у писателей XVIII столетия – И. Т. Посошкова, В. Н. Татищева, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева и др.

Между тем, как отмечает Н. В. Понырко, «духовное завещание» – это контаминированное определение. Самоназвания подобных текстов – либо «завеща-

ние» (так оно называется и у Радищева) или «Завещание детям»¹ или «заветное писание», либо «духовная грамота прощальная и разрешальная»².

«При наличии индивидуальных черт в каждом духовном завещании, – пишет Н. В. Поньрко, – в нем обязательно присутствуют традиционные элементы: 1) исповедание веры – в начале и 2) просьба о прощении собственных согрешений с одновременным разрешением и прощением грехов своей паствы ... в конце»³, т.е. «одной из основополагающих особенностей таких памятников письменности, как духовное завещание, является их исповедальный характер, а вместе с ним и автобиографичность»⁴.

В 1897 г. священник Ст. Зверев, публикуя Духовное завещание св. Митрофана, епископа Воронежского, скончавшегося 23 ноября 1703 г., обобщил свое изучение святительских завещаний XVIII–XIX веков, назвав основные моменты, из которых состояло обычно духовное завещание: славословие о Троице, затем «исповедание веры завещателя, автобиографические сведения с указанием путей Промысла Божия в возведении завещателя на «высокий степень совершенства», скорбь о вверенных душах человеческих Христовы паствы в предчувствии временного разлучения (смерти), изъяснение через писание последней воли в общих увещаниях и наставлениях и частных приказаниях, преподание всем благословения и прощения и испрашивание со стороны завещателя прощения себе и молитв по смерти и, наконец, предание завещателем души своей в человеколюбие Божие»⁵.

Литературный вариант завещания сосредоточивался на передаче накопленного духовного опыта, приобретенного знания жизни и людей. Автор говорил о своем трудном пути к истине и завещал эту истину тем, кто стоит в начале жизненной дороги.

«Писательские» духовные завещания не содержат, как правило, исповедания веры («чин» духовного завещания для иерархов включал в себя как обязательный компонент сокращенный вариант символа веры, входящего в чин поставления). В литературном духовном завещании нет, разумеется, разрешения и прощения грехов своей пастве.

¹ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 338–340. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

² Поньрко Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 380.

³ Там же. С. 381.

⁴ Там же. С. 386.

⁵ Свящ. Ст. Зверев. Духовное завещание св. Митрофана, епископа Воронежского. Сергиев Посад, 1897. С. 21.

Но специфической чертой «писательского» духовного завещания (даже если давались распоряжения относительно имущественного наследства, как, например, у Радищева) остается соединение покаяния и поучения, автобиографии и проповеди. Эта синкретичность была отражена при первой публикации произведения Владимира Мономаха: «Духовная великого князя Владимира Всеволодовича, названная в летописи Суздальской Поученью».

В начале произведений подобного жанра автор четко определяет ситуацию, побудившую его обратиться к завещанию. Это – пограничная ситуация, завершение земной жизни, ожидание смерти.

Далее обычно следовала благодарность Богу за то, что он даровал смертному возможность подвести итоги своей жизни и передать их близким, ощутив всю истинность правил христианской морали. Предпринималось «увещание к исполнению посмертной воли» и «прещение»⁶ судом Божиим за нарушение завещания.

Специфично художественное время в духовном завещании: перед нами итог всей жизни, но приобретает он значение только в ее последний момент, сиюминутное и вечное, прошлое, настоящее и будущее сливаются в этом миге. Автор обращается к проблеме, равной которой нет: к чему он пришел перед смертью, каков духовный итог его жизненного пути.

Постигнутая истина носит не отвлеченно-рационалистический характер, обретенная на неисповедимых путях индивидуальной судьбы, она указывает другим путь к спасению и жизни. Духовное завещание, включая в себя элементы исповеди, находится также во взаимодействии с жанрами учительной литературы – завет, послание, поучение, проповедь.

* * *

Завещание требует особых языковых средств, коммуникативных приемов, обеспечивающих необходимое понимание и исключающих возможность толкований, интерпретаций. Здесь обнаруживаются традиции риторики, черты публицистических жанров. Принципиальную роль при этом играет обращение к сакральным текстам, воплощающим несомненную истину, являющимся одновременно и духовной опорой и духовной вершиной, к которой поднялся автор.

Авторская установка на внимание читателей реализуется самой смертью автора. Литературное духовное завещание предусматривает не диктат воли, а доверие внимающих последнему слову умирающего. Их готовность выполнить его последнюю волю основывается на сострадании к смертному, прощающемуся с жизнью и на уважении к той тайне и той истине, которая открывается за

⁶ Там же. С. 21, 14.

вершающему земное поприще. Все это должно привести не просто к буквальному исполнению, но к пониманию и, в результате, следованию завещанными путями.

Радищевский случай был особым: между ним и его близкими стояла «непреоборимая преграда». 24 июля 1790 года ему был вынесен смертный приговор. 25 или 26 июля он составил завещание и 27 июля написал «Дополнение к моему завещанию». Его одолевали горестные сомнения, дойдет ли написанное до «друзей его души»: «Если завещание сие, о возлюбленные мои, возможет до вас дойти, то приникните душою вашею в словеса несчастного вашего отца и друга и внемлите» (3, с. 338). Радищев составил также письмо к следователю тайной экспедиции С. И. Шешковскому, в котором просил передать завещание его детям. Однако последняя воля завещателя не была выполнена, Шешковский не передал завещание детям Радищева, и оно вместе с письмом осталось в следственном деле (3, с. 620).

Кроме того, если у предшественников Радищева говорится о естественном, закономерном окончании жизненного пути, то узник Петропавловской крепости пишет завещание после вынесения ему смертного приговора, и потому первая фраза звучит коротко и необратимо: «Совершилось»⁷ («Свершилось!»-3, с. 338). Но в то же время она выступает как свойственное жанру обозначение (в начале текста) самой ситуации («Се азь отхожю света сего, сынове мои...», – Ярослав Мудрый, «Седя на санех...», – Владимир Мономах, «И как уже нахожуся в крайней слабости и без надежды жизнь мою соблюсти...», – Василий Татищев и т.д.).

Завещание Радищева и дополнение к нему сохраняют и другие характерные структурные элементы: отчетливо проявляются признаки проповеди и поучения, исповеди как покаяния. Так же, как и другие авторы, Радищев обращается к молодому поколению, к своим детям, к родственникам, призывая их находить утешение в Боге, дает советы, необходимые в земной жизни, и молит о прощении их несчастного отца, сына и брата.

Прежде всего говорится о необходимости веры, о всевластии, правосудии и милосердии Бога. У Радищева эта мысль облечена в форму проповеди: «Помните, друзья души моей, помните всечасно, что есть Бог и что мы ни единого шага, ниже единыя мысли совершить не можем не под его всеильною рукою. Помните, что он правосуден и милосерд, что доброе дело без награды не оставляет, как и без наказания худое. И так всякое дело начинайте, призвав его к себе

⁷ Радищев А. Н. Сочинения. Вступ. статья, составление и комментарии А. В. Западова. М., 1988. С. 592.

в помощь, и прибегайте к нему теплыми молитвами. О коликое утешение в нем обрящете!» (3, с. 338).

Далее следует собственно «завещательная» часть: о необходимости исполнения должностей, о почитительности и послушании, об исполнении законов, о милосердии. Автор специально останавливается на том, как нужно относиться к людям: «Будьте почитительны, о чада души моей, к вашим родным и ко всякому человеку, кто вас летами старше, и снисходительны к тем, кто вас моложе». Он просит детей: «Будьте милосерды к вашим служителям и снисходительны. Паче всего почитайте и не преступайте велений тех, которые служили вам вместо матери во младенчестве вашем. Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами вместо себя сестру свою и друга, тетку вашу Елисавету Васильевну, которую доколе живы будете, матерью именууйте» (3, с. 339). Затем даются имущественные распоряжения, отпускные «людям». Заканчивается первая часть завещания просьбами о прощении и забвении.

В «Дополнении к завещанию» Радищев дает советы родственникам по устройству детей и, видимо, предельно взволнованный тревогой об их судьбах, вновь умоляет о прощении.

В контексте древнерусской и церковнославянской литературы мольбы о прощении, покаяние – необходимая часть исповеди.

«Исповедь – так называемая видимая обрядовая часть таинства покаяния, состоящая в том, что христианин перед своим духовником, как уполномоченным свидетелем сына Божия, единого имеющего власть отпущать грехи, с сердечным сокрушением и решимостью впредь исправиться рассказывает свои согрешения и соделанные неправды. Самая полная откровенность, искреннейшее сокрушение о соделанных прегрешениях с решимостью исправиться и надежда на Иисуса Христа – необходимые качества исповеди»⁸.

Предыстория литературного жанра исповеди связана с формой религиозного поведения – таинством покаяния. Небывалое распространение в России в 80-е годы XVIII века получили сочинения Блаженного Августина. В период с 1783 по 1787 год они переиздавались свыше 20 раз. Среди них – «Блаженного Аврелия Августина Иппонийского Исповедания, заключающиеся в тринадцати книгах, из которых он в десяти первых книгах описывая жизнь свою от самого младенчества до обращения своего в христианскую веру, исповедует искренним сердцем Богу, а устами и пером человекам все явныя и тайныя согрешения свои, дабы чрез сие человеческая душа, во грехах спящая, возбуждалася от сна отчаяния к Богу, не хотящему смерти грешника...», изданные в Москве, в 1787 году, в университетской типографии Н. И. Новикова. Возможно, что эта книга повлияла

⁸ *Полный церковно-славянский словарь: Репринтное воспроизведение. 1900.*

на идейно-композиционную структуру фонвизинского «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях». У Фонвизина также повествование ведется с позиций человека прозревшего, познавшего грехи свои и описывающего свой жизненный путь в свете обретенной им истины. Вместе с тем, «Чистосердечное признание...» открывается упоминанием «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, в которой он, по словам Фонвизина, хотел «показать человека во всей истине природы»⁹. Но сразу же русский автор формулирует принципиальное различие между своим произведением и «Исповедью», обнаруживая тем самым ее специфическую черту. Автор «Чистосердечного признания...» не стремится, по его словам, «ни к какому другому подвигу», «кроме раскаяния христианского», между тем написанное Руссо – исповедь без покаяния, предпринятая совсем с иной целью. Это, как определяет Л. Баткин, «совершенно светская книга»¹⁰. Исповедальное начало в произведениях Радищева, отмечает Н. Д. Кочеткова, связано не только с руссоистской, но и «со своей национальной традицией, восходящей к агиографическо-автобиографической литературе древней Руси»¹¹.

Хотя Радищев создает не собственно исповедь, а завещание, все же покаянные мотивы звучат у него сильнее, чем в других произведениях подобного жанра. Дискурс завещания обращен не к Богу, а к людям. Просьбы, вернее отчаянные мольбы о прощении адресованы у Радищева к родным и близким: «Простите, мои возлюбленные! Ах, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую он на вас навлекает? Душа страдает при сей мысли необычайно и ежечасно умирает. О, если бы я мог вас видеть хотя бы на одно мгновение, если бы мог слышать только радостные для меня глаголы уст ваших, о если бы я слышать мог из уст ваших, что вы мне отпускаете мою вину.. О мечта!...» (3, с. 340). В последних строчках возникает антитеза мечты и действительности, сна и пробуждения: «Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в несчастьи, приди на услаждение страждущего сердца... О мечта возлюбленная! Я с вами беседую: вас держу в объятиях моих. О друзья души моей, о дети моего сердца, вы со мною, голос ваш ударяет в мое слышание... Куда спешите, постойте, я... я – ваш отец, я друг ваш... Увы, се мечта... О пробуждение, я их враг, от кого они скорбят? От меня ... Несчастной!» (3, с. 340).

Е. Д. Кукушкина глубоко проанализировала мотив сна, его символику в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Сон в библейском смысле – метафора

⁹ Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2-х т. М., 1959. Т. 2. С. 81.

¹⁰ Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 20.

¹¹ Кочеткова Н. Д. «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 80.

духовного небытия, источник человеческих пороков»¹². Отмечено также сакральное значение антиномии «сон – пробуждение».

В «Завещании» Радищева, точнее, в «Дополнении» к нему «сон» предстает в несколько ином значении – «единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в несчастии», хотя сам автор осознает его как «мечту», в смысле – «наваждение».

«Сон» здесь так же, как и в «Путешествии...», противопоставлен пробуждению, но пробуждение здесь еще не торжество духа, а осознание горестной действительности, безысходное раскаяние, хотя покаяние может рассматриваться как путь к спасению. Степень присутствия покаянных мотивов в радищевском тексте не соответствует жанру завещания: она значительно больше.

А. Ю. Григоренко приводит суждение Иосифа Волоцкого о том, что Бог хочет всех спасти, и потому открывает человеку разные пути спасения: 1) крещение; 2) покаяние; 3) вера; 4) зауспокойные службы¹³. Отметим, что у Радищева совсем отсутствуют характерные для духовных грамот «испрашивание со стороны завещателя ... молитв по смерти ...»¹⁴.

Распоряжений о поминовении, о чтении псалтыри нет и в «Духовной» В. Н. Татищева, в отличие, например, от «Духовного завещания» Н. В. Гоголя, где он просит, чтобы панихиды по нему «не прекращались»¹⁵.

Нет у Радищева и традиционной заключительной части – «предание завещателем души своей в человеколюбие Божие»¹⁶, нет отрешенности от земных бед и страданий.

Через все следственные показания Радищева, его объяснения, завещание и дополнение к нему, через письма к С. И. Шешковскому и А. Р. Воронцову отчетливо проходит сквозная тема – боль о детях: «О естли бы слезы и раскаяние могли возратить прошедшее время! О возлюбленные мои, где вы, о дети души моей!»¹⁷. Он умоляет Шешковского о разрешении свидания с детьми «хотя на мгновение». «Признаюсь, что чувствительно было видеть на себе железы, но разлука с детьми моими есть для меня томная смерть» (3, с. 344), – пишет он

¹² Кукушкина Е. Д. Библиейские мотивы у А. Н. Радищева // *Русская литература*. 2000, № 1. С. 119.

¹³ Григоренко А. Ю. Проблема спасения души в русской духовной культуре XV–XVIII веков // *Философский век. Альманах*. 10. Философия как судьба. Российский философ как социокультурный тип. СПб., 1999. С. 70.

¹⁴ Свяц. Ст. Зверев. *Духовное завещание св. Митрофана, епископа Воронежского*. С. 21.

¹⁵ Гоголь Н. В. *Собр. соч. в 9-ти т. М.*, 1994. Т. 6. С. 391.

¹⁶ Свяц. Ст. Зверев. *Духовное завещание св. Митрофана, епископа Воронежского*. С. 21.

¹⁷ Бабкин Д. С. *Процесс А. Н. Радищева*. М.; Л., 1952. С. 179.

20 сентября 1790 г. А. Р. Воронцову из Твери. Обращения к детям с мольбами о прощении их несчастного отца составляют самую горестную часть завещания.

Хотя духовное завещание – это последнее слово автора, все же известны случаи, когда завещателю удавалось соотноситься и впоследствии со своими наследниками. Речь идет здесь не о перемене текста завещания и не о трансцендентных видениях или снах (см., например, «Записки Д. Б. Мертваго»¹⁸), а об отступившей болезни (в случае с «Завещанием» Гоголя) или об отмененной казни (в случае с Радищевым).

В крепости и в ссылке Радищев стремится продолжить столь чаемое им общение с детьми. Для них он создает повесть о Филарете Милостивом, не случайно начинающуюся со слов «Положив непреборимую преграду...». К старшим сыновьям – Василию и Николаю – он обращает свой труд «О человеке, его смертности и бессмертии». Чтя память отца, сыновья Радищева пишут его биографию.

Таким образом, отнесенность, в первую очередь, к детям, исповедально-проповедническая интонация, синтез покаяния и поучения, распоряжения относительно имущества и т.д. в завещании А. Н. Радищева – характерные черты этого жанра. Но отчаянные сокрушения о невольном погублении собственной жизни, мольбы о прощении, обращенные к детям, боль об их судьбе образуют специфическую для Радищева жанрово-стилевую структуру, где доминирует исповедальный, покаянный дискурс, адресованный однако не Богу, как собственно исповедь, а, вопреки традиции, родным и близким, прежде всего детям, и позволяющий обогатить, скорректировать имеющиеся представления о творческом облике писателя. Можно утверждать, что главное место в его душе занимали отнюдь не политические и даже не религиозные, а гуманистические ценности. Сохраняя в себе черты древнерусского литературного этикета, духовное завещание Радищева являет собой в то же время памятник культуры нового времени, допускающий, вопреки средневековым представлениям, неправоту, вину отца по отношению к детям, но созданный все же во имя прощения и любви.

¹⁸ В последнюю ночь перед гибелью от руки пугачевцев отец мемуариста Б. Ф. Мертваго дает сыну наставление о том, что спокойствие человека составляет все его блаженство и что оно зависит от согласия поступков его с совестью... Спустя годы, Д. Б. Мертваго, оказавшись перед искушением получить взятку, видит перед рассветом отца своего в том одеянии, в котором видел его в последнюю минуту, будто он вошел в комнату... «Я встал перед ним. Он, проходя в довольно от меня расстоянии, через комнату погрозил мне пальцем, сказав: «Не забывай, что я тебе приказывал». Наутро Дмитрий Борисович отказался от «подарка» и с сего времени, терпя много нищенского недостатка, никогда «не поползнулся на корысть». (Русский архив, 1867. Стлб. 152).

А. Н. РАДИЩЕВ И «ГРАМОТА РОССИЙСКОМУ НАРОДУ»

М. М. Сафонов

15 сентября 1801 г. должна была состояться коронация Александра I. К этому торжеству был подготовлен проект «Всемиловнейшей грамоты Российскому народу жалуемой» – своеобразной декларации «прав и обязанностей человека и гражданина». Прототипом ее являлся наиболее умеренный вариант декларации прав, открывающий брюмерянскую конституцию Франции 1795 г.¹ Торжество коронации состоялось, однако «Грамота Российскому народу» так и не была опубликована².

В 1923 г. В. П. Семенников выпустил книгу «Радищев. Очерки и исследования». Один из разделов книги был посвящен деятельности Радищева в дни Александра I³. Ученый попытался максимально расширить круг сочинений Радищева, написанных в этот период. К ним он отнес и «Грамоту Российскому народу», заключающую в себе «цельную политическую программу тогдашнего либерализма». Из протоколов Негласного комитета, в котором Александр I вместе со своими «молодыми друзьями» рассматривал проекты будущих реформ, В. П. Семенников установил, что составление этой декларации было связано с именем А. Р. Воронцова, крупнейшего сторонника аристократического либерализма. Вельможа представил в Негласный комитет проект этого государственного акта. Он рассматривался на заседаниях 15 и 23 июля 1801 г. Однако приписывать составление самого акта Воронцову, по мнению В. П. Семенникова, очень трудно. Проект требовал специального знания законов и некоторого лите-

¹ Duguit L., Monnier H. *Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789*. Paris, 1908. P. 78–80.

² Сафонов М. М. *Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.* Л., 1988. С. 139–140, 167–168.

³ Семенников В. П. *Радищев: Очерки и исследования*. М.; Л., 1923. С. 112–195; 431–436.

ратурного навыка. Воронцов же писал по-французски лучше, чем по-русски, и едва ли был способен самостоятельно составить такую декларацию. Поскольку ближайшим к Воронцову лицом был Радищев, литературовед предположил участие в составлении этого документа автора «Путешествия из Петербурга в Москву». В пользу этой атрибуции свидетельствовало то, что в «Грамоте» были представлены законодательные вопросы, к которым Воронцов едва ли мог проявлять большой интерес. В то же время они «совершенно соответствуют» сфере интересов Радищева.

В. П. Семенников обратил внимание на то, что в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев дал проект грамоты, с которой либеральный монарх мог бы обратиться к народу. По мнению ученого, было бы вполне естественно, если бы Радищев в новых условиях постарался претворить в жизнь хотя бы часть задуманного.

О существовании проекта «Грамоты» было известно задолго до В. П. Семенникова.

Впервые проект «Грамоты» был обнаружен М. А. Корфом. Работая над биографией М. М. Сперанского, М. А. Корф нашел в Публичной библиотеке писарскую рукопись, состоящую из 26 статей. В рукописи имелась пометка К. Г. Репинского, служившего под началом Сперанского: «Сочинение Трошинского, бывшего министром юстиции; карандашные поправки статс-секретаря Сперанского». В своей книге М. А. Корф поместил отдельную главу, посвященную истории конституционных проектов, но цензура не пропустила ее. В этой неизданной главе биограф реформатора изложил содержание проекта «Грамоты».

Она заинтересовала М. А. Корфа потому, что на рукописи имелись карандашные поправки Сперанского. Поскольку Сперанский служил при Д. П. Трошинском, биограф высказал осторожное предположение, что именно он и был автором проекта. Сперанский лишь осуществил стилистическую правку произведения своего начальника.

Предшественники В. П. Семенникова по-разному высказывались на этот счет. Так А. Н. Пыпин обратил внимание на то, что в протоколах Негласного комитета имя А. Р. Воронцова упоминается 15 и 23 июля 1801 г. в связи с «Грамотой», и поэтому назвал графа ее составителем⁴. Н. К. Шильдер не мог точно определить автора «Грамоты». По его мнению, Воронцов принимал участие в составлении проекта, который также прошел и через руки Сперанского. Но об участии в работе Трошинского Н. К. Шильдер не сказал ничего⁵. Напротив,

⁴ Пыпин А. Н. *Общественное движение в России при Александре I*. СПб., 1885. С. 89.

⁵ Шильдер Н. К. *Император Александр Первый: Его жизнь и царствование*. СПб., 1897. С. 75–79.

Н. М. Коркунов полагал, что проект был составлен Трощинским под влиянием Сперанского, но об участии Воронцова в этой работе исследователь ничего не знал⁶.

В. И. Семевский считал доказанным авторство Трощинского. При этом ученый полагал, что Воронцов предложил несколько пунктов, которые встретили возражение в Негласном комитете, после чего вельможе было предложено переделать их совместно с «молодыми друзьями»⁷. Мнение исследователей об авторстве Трощинского основывалось на том, что на рукописи проекта имелась пометка об этом К. Г. Репинского, служившего под началом Сперанского.

В. П. Семенников категорически отрицал авторство Трощинского. Литературовед исходил из того, что М. А. Корф, также служивший под началом Сперанского, не имел прямых доказательств авторства Трощинского и прибегал к косвенным. Репинский же сделал свою пометку, основываясь на соображениях, выдвинутых Корфом. В. П. Семенников придавал решительное значение тому, что из протоколов явствовало: пункты «Грамоты» в Негласный комитет внес Воронцов. Однако литературовед не исключал, что граф представил только пункты «Грамоты», а не весь текст, или даже часть этих пунктов, другая же их часть была представлена кем-то, например, Трощинским.

Из протоколов Негласного комитета явствовало, что некоторые из представленных Воронцовым пунктов были отвергнуты членами комитета и графу было рекомендовано совместно с «молодыми друзьями» выработать проект.

В. П. Семенников задался вопросом, какая же редакция «Грамоты» сохранилась, выработанная до обсуждения или переработанная после этого? Поскольку в известном тексте «Грамоты» отвергнутые воронцовские пункты, заимствованные из «*Nabeas corpus*» присутствуют, ученый сделал вывод о том, что перед нами полный текст редакции, представленной Воронцовым царю до обсуждения в Негласном комитете. Текст этот состоял из 26 статей. Когда книга В. П. Семенникова была уже подготовлена к печати, в архиве Воронцова он обнаружил еще одну редакцию «Грамоты», насчитывающую 28 статей. Основное различие этих редакций заключалось в том, что в более пространным тексте находились три статьи, отсутствовавшие в ранее известном. В. П. Семенников решил, что вначале была создана редакция из 28 статей, потом из нее удалили три первые статьи и добавили одну. Все это происходило до обсуждения «Грамоты» в Негласном комитете, в который был внесен текст, состоящий из 26 статей. После обсуждения проект заглох, никаких мер к переработке «Грамоты» царь в дальнейшем не принимал. Трощинский никакого участия в составлении

⁶ *Вестник права*. 1899, № 8. С. 6–9.

⁷ *Русское богатство*. 1907, январь. С. 48–50; *Былое*. 1906, № 1. С. 31–32.

проекта не имел. Этим снимается вопрос и о роли Сперанского как автора «Грамоты», хотя составитель этого документа мог пользоваться его советами.

В пользу авторства Радищева В. П. Семенников привел следующие аргументы.

Сын писателя П. А. Радищев в своих воспоминаниях сообщил, что его отец составил «Проект гражданского уложения» и изложил по памяти основные положения этого документа. Однако это изложение свидетельствует о том, что составленный его отцом проект относился не столько к «гражданскому уложению», сколько к декларации «прав гражданина». Сравнение содержания описанного П. А. Радищевым по памяти с «Грамотой» показывает, «что большая часть пунктов упоминаемого П. А. Радищевым «проекта» может быть поставлена в связь с пунктами декларации». Более того, «мероприятия декларации по крестьянскому вопросу во многом соответствуют тому, что было намечено в плане крестьянского освобождения в «Путешествии» Радищева».

Второе важное обстоятельство, которому В. П. Семенников придал первостепенное значение, заключалось в том, что в «Грамоте» есть частные совпадения с отдельными мнениями и мыслями Радищева.

Вместе с тем от В. П. Семенникова не укрылось, что некоторые принципы «Грамоты» никак не могут быть согласованы с мнениями Радищева. Однако им литературовед не склонен был придавать сколько-нибудь серьезного значения.

По его словам, это, собственно, только пункты о подтверждении дворянской грамоты и вообще об особых правах дворянства. Хотя Радищев был категорическим противником особых дворянских прав, но ради улучшения положения крестьян он не мог не согласиться на временное расширение некоторых дворянских привилегий. Политическая обстановка была такова, что невозможно было не подтвердить дворянские привилегии. К тому же Радищев мог осуществить свои планы только в тесном контакте с Воронцовым, сторонником расширения дворянских привилегий. Это не могло не отразиться на их совместной работе.

Кроме того, литературовед отметил, что «Грамота» ставит ряд вопросов, о которых П. А. Радищев не упоминает вовсе. Вопросы же, им указанные, она разрабатывает с большей полнотой, нежели об этом сообщает сын писателя.

Наконец, стиль «Грамоты» перекликается со стилем Радищева. Хотя в распоряжении исследователей нет сочинений Радищева, которые были бы написаны таким же официальным слогом, однако в «Грамоте» есть церковно-славянские обороты, а это — «излюбленный элемент стиля Радищева».

В итоге В. П. Семенников пришел к следующим выводам.

«Грамота» была представлена Воронцовым, который сам, «несомненно», не мог выполнить этого труда. Этот документ по форме своей соответствует грамоте, с которой, как говорится в «Путешествии», будущий либеральный монарх обратится к народу. «Грамота» имеет ряд частных соответствий с мыслями и отдельными мнениями Радищева. Прежде всего, это касается статей, заимствованных из «*Nabeas corpus*», екатерининского «Наказа», мнений о порядке судопроизводства. В мероприятиях по наиболее близкому Радищеву крестьянскому вопросу наблюдается «значительное соответствие» с планами Радищева, изложенными в «Путешествии». Наконец, и главная идея и основные принципы «Грамоты» соответствуют содержанию «Проекта гражданского уложения», который, по словам П. А. Радищева, был составлен его отцом.

Все эти соображения позволили В. П. Семенникову, «если не с документальной достоверностью, то с большой долей вероятности», признать Радищева автором «Грамоты». Однако это вовсе не означает, что «Грамота» выражает политическую программу ее составителя. Налицо был компромисс. Демократизм Радищева и дворянский либерализм <...> Воронцова нашли здесь компромиссное соединение. Радищев был вынужден подтвердить дворянские привилегии и не имел возможности включить в «Грамоту» установление полной свободы крестьян, был вынужден признать допустимость некоторой условности в вопросе о гражданских свободах. Радищев шел на уступки не только потому, что был вынужден уступать Воронцову, но в силу более общих соображений, которые побудили включить в «Путешествие» лишь проект постепенного освобождения крестьян.

Построения В. П. Семенникова подверг серьезной критике И. М. Троицкий⁸. Он совершенно справедливо назвал произвольным утверждение В. П. Семенникова о том, что Воронцов не мог быть автором проекта «Грамоты», потому что такая работа была ему не под силу. Огромное количество сочинений, вышедших из-под пера Воронцова, свидетельствуют об обратном.

Неубедительным назвал И. М. Троицкий сопоставление «Проекта в будущем» из радищевского «Путешествия» и «Грамоты». Он отметил, что «Проект в будущем» касается в основном освобождения крестьян и никак не связан с проектом «Грамоты». Не более убедительным считал И. М. Троицкий и сопоставление «Грамоты» с «Проектом гражданского уложения», изложенным П. А. Радищевым. Сближение этих двух документов, по словам ученого, «притянута за волосы». Сын писателя говорит об освобождении крестьян, в «Грамоте» же речь идет лишь о «существенных улучшениях крестьянской жизни».

⁸ Троицкий И. М. Законодательные проекты Радищева // А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 42–56.

«Проект гражданского уложения» провозглашает свободу торговли, тогда как «Грамота» гарантирует покровительство правительства внешней и внутренней торговле, то есть трактует этот вопрос в противоположном смысле. У П. А. Радищева речь идет о свободе торговли вообще, но в «Грамоте» говорится о свободе торгового транзита. Натянутыми кажутся сопоставления пунктов, в которых речь идет об общих вопросах права: никаких прямых соответствий здесь нет.

Таким образом, из рассматриваемых В. П. Семенниковым девяти пунктов П. А. Радищева два, по мнению И. М. Троицкого, не имели никакого отношения к «Грамоте», четыре – чрезвычайно отдаленное и только три (вопрос о свободе совести, свободе книгопечатания и введения *Nabeas corpus'* акта) нашли в ней действительное отражение.

Вместе с тем ряд совпадений положений «Грамоты» с сочинениями А. Н. Радищева И. М. Троицкий назвал убедительными. Это касалось почти текстуальных соответствий по частным вопросам. Поэтому И. М. Троицкий не отверг гипотезу В. П. Семенникова полностью. По его мнению, нельзя приписать «Грамоту» целиком Радищеву. Однако есть серьезные основания говорить о его участии в составлении этого документа. К такому выводу ученого подтолкнула новая архивная находка. В. П. Семенникову был известен текст «Грамоты» из 26 пунктов, находившийся в бумагах К. Г. Репинского в Публичной библиотеке. Как уже упоминалось, В. П. Семенников обнаружил в воронцовском собрании новый текст, состоящий из 28 пунктов. Эта редакция, признанная В. П. Семенниковым предварительной, решала вопрос об авторстве Воронцова, но не давала никакой возможности определить степень участия в составлении этого документа Радищева. И. М. Троицкий же обнаружил неизвестную В. П. Семенникову редакцию из 20 пунктов, в которых положения будущей «Грамоты» только перечислены, но не развернуты, то есть первоначальный набросок этого документа, изложенный в форме пунктов. Однако эта редакция уже была введена в научный оборот «Русским архивом» в 1908 г. Но ни В. П. Семенников, ни И. М. Троицкий об этом не знали.

И. М. Троицкий сопоставил эту первоначальную редакцию с более поздними и пришел к следующим выводам. Оказалось, что часть пунктов окончательной редакции в предварительной отсутствуют вовсе, другие значительно расширены, ряд положений существенно переработан. Согласно наблюдениям И. М. Троицкого, редакционные изменения оказались настолько значительными, что редактора «можно признать почти что соавтором». Соображения В. П. Семенникова заставили И. М. Троицкого обратиться прежде всего к Радищеву. Это предположение казалось тем более вероятным, что большинство пунктов, которые привели В. П. Семенникова к мысли об авторстве Радищева,

отсутствовали в первой редакции и, стало быть, принадлежали редактору. Наибольшие совпадения обнаружены в ст. 14–16 и 19. Из них ст. 14 и 19 появляются только во второй редакции.

Сравнивая содержание 26-статейной «Грамоты» с записью П. А. Радищева (ст. 7, 8, 14, 17, 18), И. М. Троицкий пришел к заключению, что они устанавливают буржуазные политические свободы, т.е. совпадают «со многими местами радищевских сочинений», но в предварительной редакции отсутствуют. Воронцову же принадлежит только пункт о Habeas corpus, но в этом нет ничего удивительного, так как это требование является общим местом для публицистов воронцовского типа. Таким образом, из 10 крупных вставок 5, по мнению ученого, оказываются связанными с Радищевым. Те же вставленные пункты, которые напрямую с Радищевым не ассоциируются, могли быть вставлены Воронцовым. Тем более, что большинство из них не противоречит мировоззрению автора «Путешествия».

Вставки, сделанные Радищевым, «значительно» радикализировали «Грамоту». То же следует сказать о мелких редакционных поправках. Особенно характерны новации в отношении поместного землевладения. «Помещик» воронцовского проекта в окончательной редакции заменен безликим «владельцем», под которым можно понимать и крестьянина. Наконец, если в первой редакции не подлежащими конфискации названы пахотные орудия и скот крестьянина, Радищев в окончательную редакцию включил еще и хозяйственные строения. Это дало возможность формулу Воронцова «сия собственность движимая, будучи единая только по нашим законам предоставленная крестьянину...» заменить формулой «сия собственность, основывая существенное состояние земледельца...». Эта замена позволила Радищеву в скрытой форме провести в «Грамоте» принцип «Проекта в будущем», разрешающий крестьянам иметь недвижимую собственность.

Общий вывод И. М. Троицкого был таков. Радищеву следует приписать не весь проект грамоты, а только большинство тех изменений, которые были внесены в первоначальную редакцию. Радищев не шел на компромисс с Воронцовым. Писатель использовал воронцовский проект для того, чтобы осуществить ту минимальную программу, которую считал возможным реализовать в данный момент, то есть установить равенство всех перед законом, личную безопасность, свободу слова и совести, законодательно зафиксировать буржуазные отношения собственности, которые обеспечили бы крестьянскую собственность. Со стороны Радищева это был тактический маневр. А вот Воронцов действительно был вынужден идти на компромисс с Радищевым. Поскольку молодой царь мог быть недоволен тем, что Воронцов недостаточно радикален, вельможа должен был продемонстрировать свою способность идти навстречу пожеланиям императора

и для этого «не было ничего более легкого, чем поручить редактирование опытному перу Радищева». Результатом этого компромисса и явилась «Грамота российскому народу».

Построения В. П. Семенникова и И. М. Троицкого уничтожающей критике подверг П. К. Бонташ⁹. Мысль о том, что Радищев мог участвовать в составлении «Грамоты», для П. К. Бонташа была неприемлема с идеологических позиций. Он обвинил В. П. Семенникова в том, что ученый использовал идею об авторстве Радищева в качестве «одного из «доказательств» в корне неверного утверждения о том, что Радищев в последний период своей деятельности отказался от революционных и демократических взглядов и настолько свернул свою прежнюю программу, что находил общий язык с аристократическими конституционалистами и дворянскими либералами, сам стал «заурядным либералом». По словам П. К. Бонташа, версия об авторстве Радищева искажала подлинный облик Радищева, который и в последний год жизни оставался непримиримым врагом самодержавия и крепостничества. Объявив Радищева одним из авторов цельной политической программы тогдашнего либерализма, В. П. Семенников превратил его в заурядного либерала.

По мнению киевского ученого, Александр I затеял подготовку «Грамоты» с провокационной целью. Он знал заранее, что такую декларацию, вышедшую из кругов его сановных советников, ему будет легко отклонить как недостаточно радикальную. Александр лишь хотел показать фрондирующим сановникам, что вопрос об ограничении самодержавия он связывает с ограничением дворянских привилегий, а поэтому им было бы выгоднее не поднимать этого вопроса. Привлечение Радищева к составлению «Грамоты» никак не могло входить в расчеты играющего в либерализм монарха, так как это лишило бы его возможности критиковать проект с «радикальных» позиций. Поэтому кажется невозможным предположение о том, что Александр предварительно согласовал с Воронцовым вопрос о привлечении писателя к составлению «Грамоты». Кроме того, имя Радищева не фигурирует ни в одном из документов в связи с этой декларацией. Нет ни одного свидетельства современников о причастности Радищева к делу составления «Грамоты».

П. К. Бонташ разошелся с предшественниками в вопросе о последовательности редакций «Грамоты» (ученый неверно называет их вариантами). Согласно его мнению, первая редакция представлена 20 пунктами Воронцова. Говорить о их принадлежности Радищеву не приходится. Вторая редакция воплощена в тексте, насчитывающем 26 статей. Наконец, третья редакция представлена 28

⁹ Бонташ П. К. *А. Н. Радищев и вопрос об авторстве грамоты российскому народу* // *Киевский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко: Юридический сборник. 1953, № 6. С. 110–140.*

статьями. То, что 28-статейный текст является окончательной редакцией, доказывается запиской, поданной царю 12 августа 1801 г. А. Р. Воронцовым, Н. Н. Новосильцевым и В. П. Кочубеем. В записке, оставшейся неизвестной предшественникам П. К. Бонташа, речь идет о внесенных в текст проекта этой группой лиц изменениях. Это как раз те изменения, которые содержатся в первых трех статьях окончательной редакции. Таким образом, если В. П. Семенников полагал, что 28-статейный текст являлся первоначальной редакцией, из которой исключили три первых пункта еще до того, как она была представлена в Негласный комитет для обсуждения, П. К. Бонташ определил, что в действительности первой редакцией были те 20 пунктов, о существовании которых В. П. Семенников, создавший версию о составлении «Грамоты» Радищевым, не знал. Между тем «сословно-дворянская и крепостническая направленность» пунктов Воронцова настолько очевидна, что никакие натяжки не позволяют подозревать авторства Радищева. При этом надо иметь в виду, что основные положения воронцовских пунктов перешли во вторую и третью редакции. «Молодые друзья», рассматривавшие воронцовскую редакцию «Грамоты», предложили ряд изменений и дополнений. Их замечания лишь усиливали «сословно-дворянский характер воронцовских пунктов, еще более подчеркивали привилегированное положение дворянства и выдвигали требование дальнейшего расширения дворянских привилегий». В воронцовских пунктах земля признавалась исключительной собственностью помещиков. Признавая за крепостными крестьянами право собственности на их живой и мертвый инвентарь, воронцовская редакция сохраняла в полной неприкосновенности вотчинную власть помещика над личностью крепостного и право определять размеры крестьянских повинностей. В замечаниях «молодых друзей» высказывалось предложение предоставить государственным и помещичьим крестьянам право приобретать в собственность ненаселенные земли. Вместе с тем, «молодые друзья» предложили расширить круг объектов крестьянской собственности. К пахотным орудиям и рабочему скоту добавлялись еще овин, рига и иные земледельческие строения. Но этим ограничивались все «уступки» крепостным крестьянам. Проект «Грамоты» носил характер «не только декларации неотъемлемых прав дворянина, в которой еще больше, чем в воронцовских пунктах, подчеркнуто привилегированное положение дворянства», но и характер ограничивающей власть монарха «феодальной хартии». Крестьянин по-прежнему оставался «в законе мертвым». Признание за крепостными права собственности на живой и мертвый инвентарь и земледельческие строения не приводило к сколько-нибудь существенному улучшению положения крепостного крестьянства. Все, что известно о взглядах Радищева, в корне противоречит предположению о том, что он был автором «Грамоты». Писатель являлся противником исключительных дворянских при-

вилегий. Не мог он согласиться и на временное их расширение для того, чтобы хоть как-то улучшить положение крестьян, ведь «Грамота» была призвана увековечить привилегированное положение дворянства и никаких существенных улучшений крестьянам не предоставляла. Все это противоречит «непримиримо враждебному» отношению Радищева к крепостному праву. Неправомерно сближать положения «Грамоты» с «Проектом в будущем» радищевского «Путешествия», ибо последний представлен не самим автором, а от лица его друга, «реформистски настроенного просветителя». К тому же и самое таковое сближение не правомерно, так как «Проект в будущем», осуждая крепостное право, требует его отмены, намечая ряд подготовительных мер. Противоречит взглядам Радищева решение вопроса о государственной власти, ибо революционер был республиканцем. Не выдерживает критики утверждение исследователей о том, что Радищев был автором статей, которые якобы провозглашали равенство перед законом всех подданных, включая крепостных крестьян. Такому утверждению противоречит содержание самой «Грамоты», которая сохраняла крепостное право и ничем не ограничивала власть помещиков.

П. К. Бонташ также выступил против отождествления статей, обеспечивающих правовые гарантии личности, со взглядами Радищева, ибо при сохранении крепостного права подавляющее большинство населения страны не получило бы таковых. При этом нельзя не учитывать, что автор «Путешествия» настаивал на действительном равенстве всех перед законом, но автор «Грамоты» вовсе не имел этого в виду. Кроме того, очевидно, что большинство положений, касающихся новых судебных порядков, призванных гарантировать права личности, заимствовано из екатерининского «Наказа», а вовсе не из сочинений первого русского революционера.

Анализ «Грамоты» привел П. К. Бонташа к следующему выводу. «Эта дворянская хартия, преследовавшая задачу укрепления и увековечения феодально-крепостнического строя, находится в резком противоречии с политическими воззрениями Радищева, с теми взглядами, которые он развивал во всех своих произведениях, включая и работы, написанные в последнем периоде его деятельности, т.е. в 1801–1802 гг.». Нет оснований считать Радищева автором тех вставок, которые были внесены во вторую редакцию воронцовского проекта, потому что эти изменения заимствованы из других источников.

П. К. Бонташ полагал, что неверным является утверждение, согласно которому Радищев работал над «Грамотой» в Комиссии составления законов. Проект был окончательно готов 12 августа 1801 г.; Радищев же был зачислен в Комиссию 6 августа и только 13 августа приступил к занятиям в ней, то есть тогда, когда работа над этим документом была уже закончена. Редактирование «Грамоты» осуществлялось вовсе не в Комиссии, а в канцелярии Непременного со-

вета, к которой писатель не имел никакого отношения. Не мог Радищев ездить в Москву на коронацию для работы над «Грамотой», т.к. царь отклонил публикацию еще до поездки в первопрестольную. И вопрос об этом во время коронации больше не поднимался. Нет в «Грамоте» никаких языковых и стилевых особенностей, которые позволили бы связать этот документ с именем Радищева, т.к. он не писал «каким-то особенным, только ему свойственным языком».

Соавторами Воронцова были Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей, которые подписали записку к окончательной редакции. Из пометок Сперанского можно заключить, что вторая редакция «Грамоты» прошла через канцелярию Непременного совета. Возможно, неофициальное отношение к «Грамоте» имел Д. П. Трошинский, возглавлявший канцелярию этого учреждения.

«Грамота» выражала программные установки Воронцова и «молодых друзей». Однако Александр I с «провокационными целями» противодействовал им с позиций «ученика 1789 года». Соавторам пришлось переделать проект с учетом замечаний царя, т.е. внести ряд положений, заимствованных из буржуазного законодательства. При этом они попытались внести в «Грамоту» и ряд установок из арсенала аристократического конституционализма олигархического толка. Оба эти направления в корне противоречили взглядам Радищева. Царь не опубликовал «Грамоту» потому, что не видел в ней никакой необходимости. Рядовое дворянство, составляющее опору самодержавию, не видело нужды в олигархическом ограничении власти царя. Александру следовало только немного подождать, чтобы улеглись опасения, вызванные деспотизмом его отца. Не хотел он и дискредитировать свою либеральную репутацию, что неизбежно бы случилось в случае публикации такого «феодального документа». Царь не желал «слишком явно разоблачать свое действительное лицо».

«Грамота» не является антифеодальным, прогрессивным, радикальным документом, проникнутым передовыми, демократическими идеями Радищева. Поэтому точка зрения, связывающая «Грамоту» с именем Радищева, исходя из ошибочного представления об антифеодальной направленности этой декларации, неверна.

Совсем с иных позиций подошел к исследованию «Грамоты» А. Н. Китушин¹⁰. Не будучи знаком с построениями П. К. Бонташа, он поставил перед собой задачу «дать на основе дополнительных изысканий необходимую аргументацию, чтобы помочь окончательному утверждению авторства в разработке проекта «Грамоты» за А. Н. Радищевым». Исследователь полагал, что справедливая мысль В. П. Семенникова об авторстве Радищева «не нашла в его

¹⁰ Китушин А. Н. Об авторстве А. Н. Радищева в разработке проекта «Всемилютейшей грамоты Российскому народу жалуемой» // Ученые записки Азербайджанского государственного университета. 1956, № 7. С. 109–118.

исследовании должной научной аргументации благодаря неправильной методике исследования и недостатку привлеченных материалов». По мнению А. Н. Китушина, главная ошибка В. П. Семенникова состояла в том, что он «неверно избрал основным критерием своего исследования записи содержания радищевского «Проекта гражданского уложения» П. А. Радищева, рассматривая их в качестве материала, определяющего также и содержание «Грамоты». Однако, они представляют собой некий *compendium* основных идей А. Н. Радищева из различных его сочинений, далеко не полный и не во всем точный». Кроме того, исследователь не привлек для текстуальных сопоставлений целый ряд произведений писателя: «Проект гражданского уложения», «Проект для разделения уложения российского».

Вместе с тем А. Н. Китушин подверг критике представления В. П. Семенникова о числе редакций «Грамоты» и их последовательности. В. П. Семенников, как помним, полагал, что Воронцов представил на обсуждение Негласного комитета 15 июля 1801 г. окончательный проект. А. Н. Китушин же обратил внимание на одно важное обстоятельство, ускользнувшее от его предшественников. 15 июля из проекта Воронцова были рассмотрены статьи о предоставлении крестьянам права приобретать общинные земли, а также предложение уничтожить шлагбаумы. Но ни в одной из сохранившихся редакций «Грамоты» нет специальных пунктов об общинных землях и об уничтожении шлагбаумов. Из этого следует, что Воронцов представил в Негласный комитет более умеренную, не дошедшую или еще не открытую редакцию проекта. Поэтому А. Н. Китушин высказал предположение о том, что проект «Грамоты» составлялся позже, именно в тот период, когда Радищев начал работать в Комиссии составления законов, то есть не ранее 6 августа 1801 г. По словам А. Н. Китушина, Радищев «страстно стремился использовать неожиданно открывшуюся для него возможность принять участие в составлении законопроектов на легальной почве, чтобы сделать попытку закрепить – пусть в подцензурном виде, в завуалированной форме, а может быть, и реализовать хотя бы в ограниченном размере – часть своих прогрессивных идей и замыслов». Он оставался идеалистом в понимании общественных явлений и не смог еще преодолеть просветительских иллюзий относительно «просвещенного монарха».

Согласно А. Н. Китушину, последовательность известных редакций «Грамоты» была такова. Первоначальная редакция состояла из 20 статей. Промежуточная насчитывала 28. Окончательная же заключала в себе 26 статей. Ученый отказался от рассмотрения первой и второй редакций, так как к ним Радищев, по его мнению, не имел никакого отношения, и сосредоточил свое внимание на анализе окончательной редакции с тем, чтобы установить авторство Радищева и определить степень участия Воронцова.

А. Н. Китушин усмотрел прямые текстологические параллели статей 5, 6, 8, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 23 с такими произведениями Радищева, как «Проект гражданского уложения», «Письмо о китайском торге», «Путешествие из Петербурга в Москву», «Проект разделения уложения российского», «Особое мнение», «О законоположении», «Житие Федора Васильевича Ушакова».

Более отдаленное, но не менее тесное идейное совпадение с радищевскими текстами А. Н. Китушин обнаружил в статьях 1, 7, 9, 13, 17, 20, 21, 22, 24, 25 «Грамоты». Хотя в статьях 10 и 11, подтверждающих права купцов и мещан, ученый не нашел прямого соответствия, но он утверждал, что они не противоречат взглядам Радищева. Эти статьи служат как бы эквивалентом за введение статей о правах дворянства. Хотя статьи 2–4 не совпадают с взглядами Радищева, но это объясняется тем, что они идут от Воронцова. «Включение пунктов о правах и преимуществах дворянства, – утверждал А. Н. Китушин, – явилось уступкой дворянскому либерализму Воронцова. Это тактический маневр Радищева, рассчитанный на возможность проведения его прогрессивных идей с помощью близкого к трону Воронцова. Кроме того, Александр I восстановил дворянскую грамоту, и она должна была найти отражение в коронационной декларации».

Итак, по подсчетам А. Н. Китушина, из 26 статей 10 имели безусловное текстуальное сходство с различными сочинениями Радищева, 10 – вполне согласовывались, хотя и без прямых текстуальных параллелей с ними и только 5 (а окончательно лишь 3) прямо противоречили убеждениям Радищева.

Прогрессивные идеи «Грамоты» оказались «чуждыми псевдолиберализму Александра I», и поэтому подготовленный проект был заменен бессодержательным коронационным манифестом. Выработанный Радищевым проект был далек и от концепции дворянского либерализма Воронцова.

Носителем прогрессивных идей «Грамоты», воплощенных в проекте, мог быть только такой передовой мыслитель эпохи, как Радищев. Но по тактическим соображениям он должен был «маскировать свои революционные убеждения, чтобы использовать представившуюся ему легальную возможность для осуществления хотя бы некоторой части своих прогрессивных идей и планов в рамках «просвещенного абсолютизма».

А. Н. Китушин утверждал, что приведенная им аргументация дает «вполне достаточные основания» считать автором проекта А. Н. Радищева. «От прежних догадок и предположений...пора перейти к окончательному утверждению за Радищевым полного авторства в разработке этого проекта...являющегося важным свидетельством его прогрессивной творческой деятельности на последнем этапе жизненного пути».

Независимо от А. Н. Китушина и почти одновременно с ним к мысли о существовании неизвестной редакции «Грамоты» пришел и А. В. Предтеченский¹¹. К наблюдениям А. Н. Китушина он добавил еще одно: при обсуждении «Грамоты» в Негласном комитете 23 июля 1801 г. речь шла о статье Воронцова относительно «свободы передвижения для всех внутри государства», но такой статьи в известных редакциях «Грамоты» не существует. Кроме того, ученый заметил, что после обсуждения статей, заимствованных из «*Nabeas corpus act'a*», в протоколе записано: статьи на этом заканчивались. Однако в проекте Воронцова статьи, относящиеся к «*Nabeas corpus act'u*», вовсе не заканчивают его. Следовательно, «молодые друзья» обсуждали какую-то иную редакцию. Первая редакция из 20 статей была написана в июне 1801 г. Что же касается времени написания двух последних редакций и их последовательности, то ученый считал этот вопрос пока неразрешимым.

Несмотря на это, А. В. Предтеченский категорически выступил против мысли о каком-либо участии Радищева в составлении «Грамоты». Мнение В. П. Семенникова, повторенное впоследствии некоторыми советскими исследователями, утверждал ученый, «должно быть решительно отброшено». Он полностью солидаризировался с аргументами П. К. Бонташа. «Говорить, что в составлении такого рода документа мог участвовать Радищев, — писал А. В. Предтеченский, — значит либо допустить какую-то невероятную перемену во всем мировоззрении великого революционера, либо вовсе не понимать его. Невозможность первого доказывается хотя бы мнениями и проектами Радищева в Комиссии составления законов. В. П. Семенников и те, кто разделял его точку зрения, не поняли Радищева, исказили черты выдающегося мыслителя и революционного борца, придав ему тот либеральный облик, в создании которого они пошли по стопам либеральных историков».

С критикой построений предшественников выступил Д. С. Бабкин¹². По его мнению, печатные материалы пока не позволяют бесспорно решить вопрос об авторстве Радищева. Среди них нет ни одного документа, в котором раскрывалось бы отношение Радищева к «Грамоте». Вместе с тем нет и документов, которые выражали бы мнение о Радищеве «молодых друзей», работавших над проектом. Поэтому доводы спорящих сторон строятся на соображениях косвенного порядка и нуждаются в подкреплении дополнительными данными.

¹¹ Предтеченский А. В. *Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века*. М.; Л., 1957. С. 192–199.

¹² Бабкин Д. С. 1) Был ли Радищев составителем «Грамоты Российскому народу»? // *Русская литература*. 1963, № 4. С. 132–142; 2) Радищев: *литературно-общественная деятельность*. М.; Л., 1966. С. 225–238.

Д. С. Бабкин ввел в научный оборот, как он полагал, «неизданный отзыв Радищева, который отражает его негативное отношение к «Грамоте», а также отзыв П. А. Строганова, свидетельствующий о «неодобрительном отношении» «молодых друзей» Александра I к взглядам писателя-революционера. Однако, в действительности за отзыв Радищева о «Грамоте» Д. С. Бабкин выдал документ, который ни к Радищеву, ни к «Грамоте» не имеет никакого отношения и трактуется совсем другой вопрос, в проекте не затронутый вовсе: о необходимости ограничить срок рассмотрения судебных дел. Что же касается отзыва «молодых друзей» о Радищеве, Бабкин без серьезных оснований утверждал, что они «относились к Радищеву с большим подозрением и ни в какой мере не разделяли его намерений». Этот категорический вывод был сделан Д. С. Бабкиным на основании письма П. А. Строганова к В. Н. Каразину от 6 февраля 1803 г. В этом письме «молодой друг» царя благодарит своего корреспондента за то, что тот представил ему какой-то отрывок сочинений Радищева. Отрывок этот не был одобрен П. А. Строгановым. По его словам, Радищев «не взял в этом деле истинный путь». Но какое отношение это имеет к «Грамоте»? Из того, что Строганов не одобрил какого-то отрывка неизвестного сочинения Радищева, никак нельзя делать вывод о том, что Радищев не мог быть привлечен к участию в составлении документа, «идеологически чуждого, противоположного его взглядам». Однако Д. С. Бабкин на этом основании пришел к следующему заключению: «Радищев не мог быть редактором «Грамоты» по той же причине идеологического расхождения во взглядах, по которой он не принимал участия в составлении этого документа».

По мнению Д. С. Бабкина, у каждого из соавторов, то есть А. Р. Воронцова и «молодых друзей», имелись личные соображения. Замечания Н. Н. Новосильцева, обсужденные в Негласном комитете 15 и 23 июля, выражали его личное мнение. У Воронцова тоже было личное мнение. Он хотел включить в «Грамоту» статью об облегчении налогового бремени крестьянства. Однако его предложения были отклонены царем. На самом же деле Д. С. Бабкин спутал предложения Воронцова относительно коронационного манифеста о милостях к народу, которые в действительности были приняты Александром I, с содержанием проекта «Грамоты», не предполагавшей ничего подобного. Из этого абсурдного наблюдения Д. С. Бабкин, вопреки всем очевидным свидетельствам, сделал вывод о том, что Воронцов не принимал никакого участия в дальнейшей работе над «Грамотой». Поскольку же он был отстранен от этой работы, то само собой разумеется, не мог и рекомендовать недовольному им монарху в качестве редактора «Грамоты» и своего друга Радищева. Общий вывод Д. С. Бабкина, построенный на неверных посылах, гласил: «Радищев не принимал участия в составлении и редактировании этого документа».

Н. М. Минаева полагала, что вопрос о соотношении взглядов дворянского революционера Радищева и оппозиционно настроенного вельможи Воронцова может быть прояснен анализом «Грамоты»¹³. Исследовательница не согласилась с мнением Д. С. Бабкина, отрицавшего какое-либо участие Радищева в составлении этого документа. Она нашла его аргументацию неубедительной. По мнению Н. В. Минаевой, этика того времени вполне допускала, что за именем высокопоставленного вельможи скрывался скромный секретарь. Поэтому имя Радищева, «даже если он принимал самое непосредственное участие в составлении «Грамоты», не могло быть упомянуто ни при каких обстоятельствах». Радищев стоял на слишком низкой ступени иерархической лестницы, по сравнению с создателями «Грамоты» Воронцовым и «молодыми друзьями». Тем не менее, подчеркивая «спорность вопроса об авторстве «Грамоты», Н. В. Минаева признала правомерность предположений В. П. Семенникова об участии Радищева в составлении тех статей «Грамоты», в которых речь шла о крестьянской собственности. Исследовательница полагала, что не позднее 15 июля 1801 г. Воронцов создал редакцию в 20 статей. Затем была написана «промежуточная» редакция в 26 статей. Не позднее 12 августа 1801 г. Воронцов заверил окончательную редакцию, состоявшую из 28 статей. (Вопрос же о существовании неизвестной редакции, о которой писали А. Н. Китушин и А. В. Предтеченский, исследовательницей не рассматривался). Как отмечалось, в первой редакции «Грамоты» говорится о том, что крестьянин может быть владельцем лишь движимой собственности. Во второй же редакции это важное определение снято, а понятие движимой собственности расширено. В. П. Семенников расценивал статью о крестьянской собственности как свидетельство причастности Радищева к авторству «Грамоты». Н. В. Минаева вслед за ним считала возможным «допустить разработку А. Н. Радищевым статей «Грамоты» о крестьянской собственности». «Разумеется, феодально-крепостническая позиция его покровителя А. Р. Воронцова, — писала исследовательница, — ...не позволила дворянскому революционеру выразить полностью свою точку зрения. Но наличие соответствующих статей «Грамоты» не может быть объяснено без учета влияния взглядов А. Н. Радищева».

Двадцатишестистатьейная редакция была передана в Непременный совет и там осела. Никаких следов рассмотрения «Грамоты» после доработки ее в Негласном комитете не обнаружено. Александр I так и не удостоил внимания до-

¹³ Минаева Н. В. *Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 41–52. Об участии Радищева в работе над «Грамотой» писала и Т. В. Андреева (Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего государственного образования 1809 года» // Английская набережная, 4. СПб., 2001. С. 46.*

кумент, вобравший авторские усилия Воронцова, редактуру Радищева, Сперанского и «молодых друзей».

«Грамота» являлась «той идеологической платформой, на которой пытались объединиться ведущие политические течения самого начала века: дворянско-олигархическое, просветительское и дворянско-революционное. Противостоящим лагерем оказался феодально-крепостнический, возглавляемый самим императором, непримиримым и деспотичным, при кажущемся либерализме».

В 1979 г. нам посчастливилось обнаружить очень важный факт: 9 сентября 1801 г. «Грамота» обсуждалась в высшем законосовещательном органе страны - Государственном совете¹⁴. Дело в том, что в публикации «Архива Государственного совета» журналы расчленены по тематическому признаку в соответствии с рубриками Свода законов. При этом составители не всегда руководствовались сутью рассматриваемого вопроса, а нередко — теми замечаниями, которые высказывались при обсуждении. Из журнала явствует, что члены Совета в целом одобрили «Грамоту», но предложили царю внести в нее статью о разрешении продавать или закладывать имение последнего в роде. Благодаря этому составители публикации поместили журнал заседания, одобрявшего конституционный проект, в рубрику «Наследство по закону». Естественно, никто из историков конституционного движения, равно как и исследователи творчества Радищева, не заглянул в эту рубрику. И журнал обсуждения «Грамоты», уже сто лет как опубликованный, оставался неизвестным ученым, как и сам факт обсуждения этого проекта в Государственном совете¹⁵.

Между тем именно этот журнал обсуждения «Грамоты» позволяет окончательно решить вопрос о последовательности ее редакций, проследить все этапы работы над этим документом, точно определить лиц, участвовавших в составлении проекта на каждом из них.

Итак, 9 сентября 1801 г. в Государственный совет была внесена рукопись 25-статейной редакции, после обсуждения в нее была добавлена еще одна статья, в результате окончательный проект стал состоять из 26 статей¹⁶. Это была

¹⁴ *Архив Государственного совета. Т. III. Ч. I. СПб., 1878. Стб. 315–316.*

¹⁵ *Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Журналы Непременного совета // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979 Т. XI. С. 148–149.*

¹⁶ *В рукопись, обсуждавшуюся в Совете, глава его канцелярии Трошинский сделал 2 вставки на отдельных листках. Согласно решению советников в ст. 5 он ввел фразу о том, что постановление о незыблемости законов о наследстве не имеет обратной силы, а вместо ст. 25 поместил новую статью о выморочных имениях последнего в роде. Прежний номер ст. 25 был переправлен Сперанским на 26-й. Он стилистически обработал рукопись и поместил в ее конце надпись: «Дана в престольном нашем граде Москве сентября дня 1801 г.» (ОР РНБ.*

именно та рукопись, которую ввел в научный оборот В. П. Семенников. Теперь же окончательно разрешился вопрос и об участии в выработке проекта Д. П. Трощинского, главы канцелярии Государственного совета, а также служившего под его начальством М. М. Сперанского: они редактировали лишь окончательный его вариант.

Как мы видели, в литературе высказывались различные мнения о числе редакций «Грамоты» и их последовательности. В. П. Семенников ввел в оборот 26- и 28-статейные тексты проекта, но он не знал о существовании 20 воронцовских пунктов¹⁷. Поэтому В. П. Семенников полагал, что вначале была создана редакция в 28 статей, затем в 25+1, после чего рукопись 26-статейной редакции была внесена на обсуждение Негласного комитета 15 и 23 июля 1801 г.¹⁸ И. М. Троицкий, обнаруживший и опубликовавший русский текст 20 воронцовских пунктов¹⁹, считал, что процесс создания «Грамоты», еще до того как она была внесена в Негласный комитет, протекал так: 20–28–25+1²⁰. П. К. Бонташ, впервые воспользовавшийся публикацией «Русского архива», пришел к заключению, что в Негласном комитете обсуждался текст 20 пунктов Воронцова, после чего была создана вначале промежуточная редакция в 26 статей, а затем – заключительная в 28 статей, ее сопровождала записка от 12 августа 1801 г.²¹ Эту же схему редакции (20–25+1–28) поддержали Д. С. Бабкин и Н. В. Минаева. А. Н. Китушин повторил схему И. М. Троицкого (20–28–25+1), но, в отличие от него, полагал, что ни одна из этих редакций не обсуждалась в Негласном комитете. А. В. Предтеченский считал, что первой редакцией является проект из 20 пунктов, созданный в июне 1801 г. Что же касается времени написания двух последних редакций, так же как и их последовательности, то ученый считал этот вопрос неразрешимым, так как, по его мнению, текст ни самой редакции, ни записки от 12 августа не дает достаточных оснований для этого. Кроме того, историк находил, что протоколы Негласного комитета от 15 и 23 июля не позволяют установить, какой именно текст из трех редакций обсуждался на заседаниях.

Журнал заседания Государственного совета от 9 сентября 1801 г. не остав-

Ф. 637, оп. 1, № 922. Л. 1–18). В таком виде, но без стилистической правки и приписки Сперанского рукопись была опубликована (Семенников В. П. Указ. соч. С. 180–194).

¹⁷ Русский архив. 1908, № 6. Прилож. С. 4–18; РГИА. Ф. 1409, оп. 1, № 149. Л. 1–27.

¹⁸ Семенников В. П. Указ. соч. С. 433–434, 158–159.

¹⁹ Архив С.-Петербургского института истории РАН. Ф. 36, оп. 1, № 400. Л. 210–215 об.).

²⁰ Троицкий И. М. Указ. соч. С. 44–45.

²¹ Бонташ П. К. Указ. соч. С. 121–122, 138.

ляет никаких сомнений в том, что последовательность ныне открытых редакций «Грамоты» была такова: 20–28–25–26.

Что же касается неизвестной редакции, о существовании которой писали А. Н. Китушин и А. В. Предтеченский, то это мнение является следствием простого недоразумения. Из протоколов Негласного комитета 15 и 23 июля 1801 г. явствует, что на этих заседаниях рассматривалась рукопись, разбитая на пункты (*les articles*)²². Оба ученых ошибочно полагали, что речь идет о пунктах проекта Воронцова. Но в действительности в Негласном комитете читалась рукопись замечаний на этот проект, которая также была разбита на пункты. При таком же понимании выражения «*les articles*» все становится на свои места и никаких оснований для предположения о существовании неизвестной редакции «Грамоты» не остается.

Мысль об издании хартии, в которой были бы перечислены коренные законы страны, обязательные для монарха, возникла в правящих верхах России задолго до Радищева. Впервые с этой идеей выступил елизаветинский фаворит И. И. Шувалов. Воспитатель наследника Павла Петровича Н. И. Панин завещал ее своему воспитаннику, и цесаревич не был чужд ей. По-видимому, руководители дворцового переворота 11 марта 1801 г. также являлись сторонниками этой идеи. «Грамота Российскому народу» явилась своеобразным итогом идейных исканий XVIII в., которые начались задолго до выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева²³.

Еще будучи наследником, Александр I усвоил концепцию «истинной монархии» из лекций своего воспитателя Ф.-Ц. Лагарпа. Воцарившись, он попытался воплотить эту теорию в жизнь. 9 мая 1801 г. Александр заявил одному из своих «молодых друзей» П. А. Строганову, что видит главную задачу в том, чтобы «изучить все появившиеся конституции» и «составить из них нашу». Эта работа была возложена на А. Р. Воронцова, имевшего репутацию либерала. Однако сановник высказался против ослабления сильной монархической власти. 19 мая 1801 г. в записке «О причинах унижения Сената» вельможа высказал мысль о том, что необходимо лишь положить «преграду суровости, происходящей от злоупотребления власти». А для этого достаточно будет заимствовать из «Великой хартии вольностей» и «*Nabeas corpus act'a*» те положения, которые ограждают личную безопасность и сделать их коренными законами²⁴. Эти идеи

²² Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. (1774–1817). СПб., 1903. Т. II. С. 71, 73–75.

²³ См. подробно: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 128, 169–170.

²⁴ Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1, отд. II. С. 154–155; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 115.

Воронцов воплотил в наброске «Грамоты», состоявшем из 20 пунктов. Не позднее 10 июля сановник передал свой проект царю.

Пункты Воронцова представляли собой некий русский вариант «Magna Charta», дополненный положениями «Habeas corpus act'a», т. е. своеобразную феодальную хартию, составленную почти исключительно в интересах господствующего сословия, главным образом его высшего слоя. Отнюдь не случайно, что на первое место были поставлены статьи, подтверждающие дворянские привилегии. Причем некоторым из них придавалось столь большое значение, что, хотя они и содержались в Жалованной грамоте дворянства, тут же подтвержденной, их провозглашали вторично в отдельных статьях. Именно в отступлениях от этих положений, столь дорогих для дворянского сердца, автор проекта усматривал деспотический характер самодержавия, его отличие от «истинной монархии». Часть этих статей имела существенное значение прежде всего для высшего дворянства.

Нельзя сказать, что в проекте не были отражены интересы других сословий. Ряд статей, касающихся нового порядка судопроизводства, носил общесловесный характер, другие имели значение лишь для купцов и мещан. Но показательно, что Воронцов даже не счел нужным подтвердить Жалованную грамоту городам и Городовое положение.

Воронцов не склонен был придавать сколько-нибудь серьезного значения наиболее острому крестьянскому вопросу. И поэтому он посвятил положению крестьян всего лишь один пункт. Конечно, запрещение конфискаций земельного инвентаря у крестьян улучшило бы их положение. Однако этого было слишком мало для того, чтобы сгладить остроту противоречий в деревне. Хотя в проекте декларировалась защита движимой собственности крестьянина от покушений помещиков, крепостное право с безграничным помещичьим произволом оставалось неизблемым. А в этих условиях провозглашение неприкосновенности крестьянской собственности приобретало лишь декларативный характер. Но не это было для Воронцова главным. основополагающая идея его проекта состояла в том, что самодержавная власть, оставаясь неограниченной, должна была дать обещание не нарушать законности и сама же обязывалась следить за тем, чтобы это обещание не было нарушено, ибо никаких гарантий не предусматривалось. В этом отношении воронцовский проект значительно уступал Великой хартии вольностей – она, как известно, устанавливала определенный порядок, которому должно было следовать в том случае, если бы король нарушил провозглашенные в ней статьи. Воронцов предлагал удалить из самодержавной власти наиболее деспотические черты, которые, как ему казалось, не позволяли дворянству в полной мере пользоваться своими привилегиями и осуществлять свое господство. Однако того, что этому господству угрожает огром-

ная опасность, пока остается нерешенным крестьянский вопрос, Воронцов замечать не желал. Укрылось от Воронцова и самое главное – система исключительных дворянских привилегий, которую он старался упрочить на будущее, уже сдерживала дальнейшее развитие страны. Поэтому его проект, несмотря на целый ряд важных положений, предназначенных смягчить деспотический режим, не мог способствовать решению основных социально-экономических и политических проблем, стоявших перед Россией.

15 июля 1801 г. Н. Н. Новосильцев от имени «молодых друзей» прочитал в Негласном комитете свои замечания на проект Воронцова²⁵. Члены комитета критиковали проект за то, что он оказался недостаточно дворянским. Воронцов предполагал подтвердить Жалованную грамоту в том виде, в каком она была опубликована Екатериной II, а «молодые друзья» считали необходимым расширить права родового дворянства: сравнять их с теми привилегиями членов первенствующего сословия, которых они достигли службой и благодаря которым пользовались предоставленной только им возможностью участвовать в местном самоуправлении.

Александр I категорически возражал против такого нововведения. Он держался того мнения, что необходимо установить различие между теми, кто служит государству, и теми, кто ведет праздную жизнь. Царь утверждал, что было бы совершенно несправедливо, чтобы первые не пользовались никакими преимуществами перед вторыми. Поэтому он не видит необходимости предоставлять право участия в местном самоуправлении целому сословию, в его принципах жаловать это преимущество за службу, а не просто привилегированной части общества.

«Молодые друзья» возразили царю, что помимо общих дворянских прав служащие дворяне обладают преимуществами, приобретаемыми чинами, их не имеют те, кто не служит. Именно это и устанавливает различие, которого так желает царь. Иными словами, исключительные дворянские привилегии и прежде всего свобода дворянства от обязательной службы нашли в лице «молодых друзей» своих ярых защитников.

Доводы подействовали на царя, и у Строганова сложилось впечатление, что они сумели убедить его. Члены Комитета заметили, что Александр остался очень недоволен А. Р. Воронцовым²⁶.

На следующем заседании 23 июля 1801 г. Новосильцев прочитал «Замечания» на остальные пункты проекта Воронцова. Одобрив проект, Новосильцев, тем не менее, находил нужным внести в него некоторые изменения. Новосиль-

²⁵ *Русский архив*. 1908, № 6. Прилож. С. 13–18; *ОР РНБ*. Ф. 526, оп. 1, № 4. Л. 39–51.

²⁶ *Вел. кн. Николай Михайлович*. Указ. соч. С. 73–75.

цев находил недостаточным пункт 9-й, запрещавший конфисковывать у крестьянина его земледельческий инвентарь и рабочий скот. Он заявил, что крестьянин всегда предпочтет лишиться этих предметов, нежели попасть в тюрьму, и от того этот пункт в глазах крестьянина не будет иметь никакой цены. Новосильцев считал гораздо полезнее сделать нечто более реальное: например, пожаловать казенным и помещичьим крестьянам право приобретать ненаселенные земли и разрешить им оформлять владельческие акты на собственное имя, чтобы не прибегать к помощи подставных лиц, как это приходилось делать до сих пор. Он предлагал гарантировать эту собственность и сделать из крестьян собственников. Александр согласился со всем, что высказал Новосильцев относительно запрещения конфискаций движимого имущества крестьян. Одобрил он и идею разрешить крестьянам покупать ненаселенные земли. Однако царь сомневался в том, что такая мера может принести ожидаемый результат, ибо помещик, пока его власть остается прежней, всегда найдет способ лишить крепостного его собственности. С этим согласились и «молодые друзья», но они считали, что это нововведение послужит только первым шагом. Царь, казалось, согласился с этим. Но его согласие, как выяснилось впоследствии, ни к чему не обязывало.

Таким образом, «молодые друзья», с одной стороны, были готовы расширить дворянские привилегии, когда речь шла о свободе от обязательной службы, с другой, – предлагали подорвать одну из самых существенных монополий дворянства – отступить от его исключительного права владения земельной собственностью. Царь же признавал такое предположение в принципе верным, однако, считал необходимым идти по другому пути: не расширять права крепостных, оставляя в неприкосновенности права помещиков, а двигаться в направлении постепенной ликвидации крепостного права.

Новосильцев высоко оценил статьи, заимствованные из «*Habeas corpus act'a*»), однако при этом заявил, что следует прежде поразмыслить, не придется ли потом отменять эти дарованные права, и что в таком случае было бы лучше не давать их вовсе. Царь заметил, что такое же замечание он уже сделал Воронцову. Однако ни сам Александр, ни его «молодые друзья» вовсе не предлагали удалить эти статьи из проекта.

После чтений «Замечаний» Новосильцева оживленные споры вызвал вопрос о свободе передвижения внутри государства, равно как и выезда за границу дворянам, мещанам и купцам. «Молодые друзья» одобрили это положение, но заметили, что провозглашенные здесь принципы находятся в некотором противоречии с существующими ныне шлагбаумами и различными формальностями, которые необходимо соблюсти, чтобы выехать за границу. Но царь отстаивал существующий порядок.

На этом обсуждение закончилось. «Молодые друзья» не хотели открывать

Воронцову того, что они обсуждали с царем его проект. Поэтому они попросили Александра высказать Воронцову их замечания так, как будто они исходили прямо от него, и предложить ему совместно с Н. Н. Новосильцевым и В. П. Кочубеем на основании воронцовских пунктов и замечаний на них подготовить проект «Грамоты»²⁷.

12 августа 1801 г. А. Р. Воронцов, В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев представили полный текст проекта. «Грамота» открывалась введением, написанным в духе «истинной монархии». Здесь провозглашалось обещание Александра никогда не нарушать узакониваемых ныне коренных постановлений. Их оказалось 28. Они довольно существенно отличались от тех 20 предварительных пунктов, которые были составлены Воронцовым, равно как и дополнений, предложенных «молодыми друзьями» 15 и 23 июля. Первые 4 статьи проекта «Грамоты» были совершенно новыми. В ст. 1 провозглашалась необходимость монархической формы правления в России ввиду обширности страны и различия населяющих ее народов. Правда, монархия здесь не была названа самодержавной, а говорилось лишь об «управлении государя со властью, сану его свойственною». Будет ли эта монархия абсолютной или конституционной – это оставалось нераскрытым. Ст. 2 провозглашала наследственность российского престола и подтверждала акт о престолонаследии 5 апреля 1797 г. Ст. 3 касалась устройства «верховного правительства» России – Правительствующего сената. Ст. 4 выражала намерение Александра обеспечить каждое состояние «достаточными и ясными законами», чтобы «безопасность личная и собственность каждого ограждены были». В основу остальных 24 статей проекта легли 20 пунктов Воронцова, довольно сильно переработанных. «Молодые друзья» сумели одержать победу в вопросе о том пункте, который они считали для себя самым существенным, – привилегии дворянства были расширены. Но этим влияние «молодых друзей» исчерпывалось. Прочие их рекомендации не были приняты во внимание. Проект полного текста подтверждал не только привилегии дворян, провозглашенные Жалованной грамотой дворянству, как намечал Воронцов, но и все права и преимущества, дарованные купечеству и мещанству Жалованной грамотой городам и Городовым положением. Была сохранена и особая статья, разрешавшая купцам и мещанам свободу передвижения внутри страны и за границу.

Воронцовские пункты, носившие сугубо дворянский характер, были переработаны в «Грамоте» таким образом, что они приобрели общесословное звучание. В ряде статей, где в русском тексте проекта Воронцова фигурировал «помещик», он был заменен в «Грамоте» безликим понятием – «владелец». Если

²⁷ Там же. С. 76–78.

один из пунктов воронцовского проекта, указывающий на необходимость утвердить законом «всякого рода собственность», подразумевал прежде всего собственность поместную, т.е. дворянскую, то в «Грамоту» была введена специальная статья, в которой законом охранялась личная безопасность и собственность всего населения. В статье специально подчеркивалось, что «безопасность личная есть право, российскому подданному существенно принадлежащее», особо оговаривалось, что «право собственности движимого и недвижимого имения есть право российского подданного, поелику оно свойственно в силу законов каждому чиновосостоянию в государстве». Очевидно, эта статья не исключала из их числа и крепостных крестьян. Воронцов в 9-м пункте своего проекта, где запрещалась конфискация земельного инвентаря крестьянина, особо оговорил, что крестьянин может обладать только движимой собственностью, ибо недвижимая не подлежит его сану. В ст. 15 «Грамоты» вопреки намерениям Воронцова в перечисление предметов, не подлежащих конфискации (соха, плуг, борона, лошади, волы), была введена и недвижимая собственность (житницы с семенным хлебом, овин или рига и другие земельные строения). Ст. 20 провозглашала, что никто, кроме законных властей, не может «российского подданного («к какому чиновосостоянию он ни принадлежал») (т.е. и крепостных тоже – М. С.) оскорблять в личной его безопасности, лишая его свободы, заточая, сажая в темницу, налагая оковы или просто имея под стражу».

В текст «Грамоты» была введена ст. 11, провозглашавшая буржуазные свободы: «Каждый российский подданный да пользуется невозбранно свободой мысли, веры или исповедания, богослужения, слова и речи, письма и деяния». Правда, провозглашение этих свобод обставлялось одной существенной оговоркой: «... поелику они законам государственным не противны и никому не оскорбительны».

Вопреки сомнениям «молодых друзей», которые как будто разделял и царь, все статьи, заимствованные из «*Nabeas corpus act'a*», были не только сохранены, но и дополнены.

Заключала «Грамоту» статья, которая содержала в себе гарантии нерушимости всех предыдущих статей и придавала этому документу характер конституционной хартии, но не в буржуазно-либеральном смысле, а в значении дворянско-олигархической конституции. Ст. 28 провозглашала, что безопасность подданных во многом зависит от того, поставлено ли судопроизводство, имеющее всегда с законом непосредственную связь, «законоположением ясным и непререваемым». Поэтому монарх давал обещание до издания Уложения «все узаконенные доселе судопроизводства, обряды или постановления наблюдать... ненарушимо, не делая ничего в отмену оных ни общими, ни частными положениями». «Грамота» предусматривала и те случаи, когда могла бы появиться не-

обходимость изменить установленные законы, и определяла порядок, который должен был бы соблюдаться при этом²⁸.

Изменения, внесенные в проект, в сравнении с пунктами Воронцова значительно радикализировали «Грамоту». В записке 12 августа 1801 г. Воронцов, Кочубей и Новосильцев сообщили царю о том, что, работая над проектом, они сочли возможным ввести в него по собственному почину три положения: о престолонаследии и «непоколебимости священного сана монарха», об утверждении положения о Сенате, о намерении царя дать России законы, достаточные «для ограждения состояния каждого». Во всем остальном авторы текста «Грамоты» «исполняли волю императора». «Держась... намерений» царя, они внесли в проект много изменений и дополнений, которые были заимствованы «из разных узаконений, существующих в Европе»²⁹.

Еще 23 апреля 1801 г. в беседе с П. А. Строгановым Александр изъявил желание, чтобы в основу реформ было положено «определение слишком известных прав гражданина», которые заключаются прежде всего в том, что каждый должен быть уверен в своей собственности и в неограниченной возможности делать все, что не может быть вредным для других³⁰. Именно эти принципы, провозглашенные французской «Декларацией» неотъемлемыми правами каждого человека и гражданина, редакторы попытались наиболее полно воплотить в тексте «Грамоты» и распространить их действия на все сословия. Из «Декларации» же были перенесены в «Грамоту» принципы свободы совести, мысли, слова, письма³¹. Тогда же, 23 апреля, Александр высказал мысль о том, что вначале нужно преобразовать управление таким образом, чтобы оно обеспечило «свободу и непоколебимость прав собственности», а потом можно будет ввести и конституцию, т.е. закон, который гарантировал бы от произвольного изменения существующие установления. Эта идея царя и была теперь воплощена в заключительной 28-й статье проекта, определившей порядок, который обязательно должен быть соблюден при изменении законов, зафиксированных «Грамотой».

12 августа 1801 г. Воронцов представил проект «Грамоты» царю. Александр не одобрил изменений, предложенных авторами по собственному почину. Статью, обещавшую обратить особое внимание на создание Уложения, царь принял, но фраза об утверждении прав Сената была исключена из проекта. Александр решил изложить их в особой «Грамоте Сенату». Было решено отказаться и от ст. 1 проекта. По-видимому, от императора не ускользнуло некото-

²⁸ Семенников В. П. Указ. соч. С. 432–433; РГИА. Ф. 1409, оп. 1, № 123. Л. 4–19 об.

²⁹ Русский архив. 1908, № 6. Прилож. С. 4–5.

³⁰ Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. С. 5–9, 23–25.

³¹ Duguit L., Monnier H. Op. cit. P. 78–80.

рое противоречие между начальной статьёй, провозглашавшей необходимость сильной монархической власти, и заключительной статьёй, лишавшей монарха возможности самостоятельно изменять существующие установления. Ст. 1 была удалена из проекта, и, естественно, оказалась излишней и непосредственно с ней связанная ст. 2 о престолонаследии.

Теперь «Грамота» насчитывала 25 статей. И именно в таком виде Александр решил внести ее на обсуждение высшего законосовещательного органа страны – Государственного совета. Это произошло 9 сентября 1801 г., за 6 дней до коронации. Несомненно, это был шаг, свидетельствующий о намерении царя опубликовать «Грамоту Российскому народу». Члены Совета единодушно одобрили ее и предложили внести только два изменения: оговорить, что положение, запрещающее монарху отступать от законов о наследстве, не имеет обратной силы, и отменить запрещение продавать и закладывать имение последнего в роде. Рекомендации Совета были приняты. Д. П. Троицкий и М. М. Сперанский внесли их в «Грамоту»³².

Так был выработан проект «Всемиловнейшей грамоты Российскому народу жалуемой».

Грамота оказалась крайне противоречивым документом, воплотившим разнородные тенденции. С одной стороны, она не только увековечивала такой феодальный институт, как исключительные дворянские привилегии, но даже развивала их дальше. С другой стороны, – «Грамота» представляла всем гражданам России такие преимущества, которых не имели прежде даже дворяне, то есть права по сути своей буржуазные. Предоставление населению этих прав должно было служить целям стабилизации режима и вместе с тем придавало фасаду Российской империи вполне европейский вид. При этом феодально-крепостническая система, в рамках которой для подавляющего большинства страны – крестьянства – эти права не могли быть реализованы, оставалась в полной неприкосновенности. Правда, «Грамота» была отредактирована таким образом, что она позволяла правительству в будущем, не вступая в противоречие с провозглашенными здесь принципами, внести в социально-экономические отношения страны определенные изменения. Но в таком виде, в котором эти «права» были воплощены в «Грамоте», для основной массы населения России они оставались мертвой буквой. Кроме декларации нерушимости права собственности на сельскохозяйственный инвентарь и земельные строения, «Грамота» не давала крестьянам ничего реального.

Это понимали «молодые друзья», сознавал это и сам царь. Поэтому они решили не ограничиваться одной «Грамотой».

³² Семенников В. П. Указ. соч. С. 180–194.

К коронации Александра готовился целый «пакет» коронационных документов. Наряду с «Грамотой Российскому народу» в него входили «Грамота о правах Сената», подготовленная в августе 1801 г. Д. П. Трошинским и М. М. Сперанским³³, а также специально посвященный крестьянскому вопросу манифест. Автором его был П. А. Зубов, последний фаворит Екатерины II, в годы фавора которого состоялся процесс над Радищевым. Зубовский проект особенно интересен тем, что он ярко показывает, в каком направлении работала мысль правящих верхов в «дни александровы прекрасного начала», когда екатерининский фаворит, бывший в последние годы царствования своей благодетельницы живым воплощением самодержавного произвола, в начале правления ее внука готов был пойти дальше «хотиловского проекта» Радищева.

Проект Зубова рассматривался в Негласном комитете 23 июля 1801 вместе с воронцовским проектом «Грамоты»³⁴. Проект предусматривал запрещение продажи крестьян без земли и разрешение свободного выкупа на волю, ликвидировал дворовых как категорию крепостного городского населения. В то же время, согласно проекту, значительно ограничивалась и власть помещиков над пашенными крестьянами: они становились прикрепленными к земле, а не к владельцу. Помещик лишался права не только продавать их без земли, но и пускать в продажу или закладывать населенные ими земли, разлучать семьи при наследственных разделах. Таким образом, проект Зубова ликвидировал элементы рабства в феодально-крепостнических отношениях и открывал возможности для выкупа на волю, без всякого участия помещика в выкупной операции³⁵. В этом смысле можно даже сказать, что екатерининский фаворит пошел даже дальше автора «Путешествия из Петербурга в Москву», ведь в «хотиловском проекте» писатель не предполагал заменить помещика казенным присутственным местом, куда без всякого согласия своего владельца мог внести установленную государством сумму желающий выкупиться на волю крепостной.

«Грамота Российскому народу» увековечивала феодально-крепостническую систему, построенную на принципах исключительности дворянских привилегий. Сделать ее неприкосновенной собирались именно тогда, когда весь ход развития страны выдвигал насущную задачу произвести в этой системе определенные изменения, чтобы разрешить сложные проблемы социально-экономического и политического порядка. Составители этого документа сами

³³ РГИА. Ф. 1167, оп. XVI, ч. 1, № 9. Л. 2–8 об; см. подробно: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 146–164.

³⁴ Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. С. 78–79, 83.

³⁵ Сафонов М. М. Крестьянский проект П. А. Зубова // Советские архивы. 1984, № 1. С. 36–38; См. подробно: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 141–146.

признавали необходимость изменить завтра то, что сегодня провозглашалось незыблемым. Но после торжественных деклараций о незыблемости дворянского господства правительство манифестом по крестьянскому вопросу объявляло, что дворяне лишаются самой существенной из своих привилегий – полной и неограниченной власти над крепостными. Власть их, конечно же, сохранялась, но не в том объеме, как прежде. В глазах дворянина это было вопиющим нарушением его исконных прав и первым шагом к отмене крепостного права. По сути дела так оно и было, хотя это обстоятельство тщательно замалчивалось. Ущемление таких прав даже в тех минимальных размерах, которые пока предполагались, для поместного дворянства было куда чувствительней, чем те преимущества, которые им жаловались «Грамотой».

Страх перед дворянским недовольством заставил Александра I отказаться от издания манифеста по крестьянскому вопросу, а без него публикация «Грамоты» не достигла бы желательного эффекта. Обнародование этого документа обернулось бы признанием того факта, что подавляющее большинство населения страны не только не оказывалось в состоянии пользоваться «слишком хорошо известными правами человека», но вообще не имело никаких прав. Поэтому как бы красиво ни звучали привычные для европейского уха принципы эпохи Просвещения, они лишь еще ярче подчеркивали то обстоятельство, что на российской крепостнической почве эти формулы выглядели тропическими растениями, посаженными в мерзлую землю. Этим не только не достигался международный и внутривластный эффект превращения российской империи из деспотического государства в «истинную монархию», но, напротив, в свете провозглашенных принципов еще очевиднее становилась феодально-крепостническая сущность самодержавного государства, и результат оказывался обратным. Именно поэтому Александр I в конце решил отказаться от публикации «Грамоты Российскому народу».

Принимал ли участие в подготовке этого крайне противоречивого документа Радищев?

Мы проследили все этапы создания «Грамоты». Ни на одном из них нет ни малейшего следа участия автора («Путешествия из Петербурга в Москву»).

Первоначальный проект из 20 пунктов представил Воронцов. Нет никаких оснований предполагать, что он привлекал Радищева к этой работе. После обсуждения воронцовского проекта с «молодыми друзьями» в Негласном комитете Александр высказал их замечания вместе со своими собственными Воронцову. Затем проект «Грамоты» был очень существенно переработан. Эту работу совместно с Воронцовым выполнили Новосильцев и Кочубей. То, что было ими внесено от себя, то есть без предварительного согласования с царем, они специально оговорили в записке, сопровождающей проект из 28 статей. Во всем же

остальном соавторы сообразовывались с пожеланиями самого Александра. Они использовали нормы европейского законодательства, предварительно одобренные царем. Неужели для выполнения такой работы требовалось привлекать Радищева? Как будто ни Кочубей, находившийся во Франции в период революции, или Новосильцев, только что прибывший из Англии, выполнить такую работу были не в состоянии без чьей-либо помощи?

Александр не одобрил тех новых статей, которые Воронцов и «молодые друзья» ввели по собственному почину. Поэтому нововведенные статьи были устранены. Однако для такой чисто технической работы стали бы привлекать Радищева?

Так без всякого участия автора «Путешествия из Петербурга в Москву» была создана 25-статейная редакция «Грамоты». После же доработки ее Троицким и Сперанским она приняла окончательный вид.

Нет ничего удивительного в том, что отдельные положения этого документа перекликаются с рядом высказываний Радищева: они имеют общий источник – западноевропейскую общественно-политическую литературу эпохи Просвещения и законодательство передовых стран Европы. Но в этих совпадениях нет ничего, что было бы присуще лишь Радищеву и ему одному. Крестьянский же проект П. А. Зубова ярко свидетельствует о том, что в окружении юного царя было вполне достаточно людей, которые были способны применять идеи эпохи Просвещения к российской действительности. И если в первые годы нового столетия это пытался делать бывший екатерининский фаворит, что же говорить о менее одиозных личностях. Мысль о том, что либеральные идеи по крестьянскому вопросу могли зародиться только в голове Радищева, глубоко ошибочна, ибо сам Александр разработал проект постепенной ликвидации крепостного права и даже пытался провести его в жизнь³⁶. При либеральном монархе было и достаточно сотрудников, готовых воплощать идеи императора в конкретные проекты. Но Радищева среди них не было.

Легенда об участии Радищева в создании «Грамоты Российскому народу» была создана в тот момент, когда еще не были известны все редакции этого документа. Поэтому не было никакой возможности досконально проследить все этапы работы над ним, и выявить всех участников в создании этого памятника. Ведь В. П. Семенников, создавший легенду об участии Радищева, ничего не знал о существовании первоначального текста из 20 воронцовских пунктов. И. М. Троицкому же, модифицировавшему эту легенду, ничего не было известно о записке Воронцова и «молодых друзей» от 12 августа 1801 г., объясняющей

³⁶ Там же. С. 62–64.

происхождение «радикальной» редакции 28-статейного документа, которую исследователь ошибочно принял за радищевскую.

Кроме того, в момент создания легенды «Грамота» рассматривалась как отдельный, вполне самостоятельный документ, в то время как в действительности она являлась составной частью целого «пакета» коронационных документов, которые могут быть объективно оценены только в совокупности. Наконец, в то время, когда появилась эта легенда, внутренняя политика Александра I и развитие общественно-политической мысли начала XIX в. были изучены недостаточно глубоко. И только в этих условиях могла зародиться мысль о том, что либеральные идеи, воплощенные в «Грамоте Российскому народу», могли выйти только из-под пера Радищева.

Теперь же, когда наши знания об истории этого памятника существенно углубились, а обстоятельства, в которых он создавался, стали намного понятнее, можно констатировать: никакого отношения к «Грамоте Российскому народу» автор «Путешествия из Петербурга в Москву» не имел.

РАДИЩЕВ И САТИРИКО-ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (РАДИЩЕВ И ПУШКИН)

Н. Л. Вершинина

Полемизируя с известной концепцией В. Е. Якушкина относительно использования Пушкиным в статьях о Радищеве «эзопского языка»¹, П. Н. Сакулин решительно заявляет: «Но стиль «Истории села Горюхина», во всяком случае, не имеет ничего общего со стилем статей о Радищеве»². Ученый исходит из разности задач публицистики и художественных произведений, принадлежащих зрелому Пушкину: если в «Истории села Горюхина» представлен «художник-юморист», то «в статьях о Радищеве Пушкин вышел перед нами с открытым забралом... Статьи выдержаны в тоне откровенной убежденности»³.

Таким образом, «откровенность» и «прямота» Пушкина-публициста противопоставляются позиции Пушкина-художника, требующей иного подхода, допускающей язык «иронических иносказаний»⁴.

Между тем, исследование вопроса обнаруживает, что в стилистическом отношении статьи Пушкина о Радищеве «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835) и «Александр Радищев» (1836) не отделены от других произведений его же прозы непреодолимо жесткими границами, наложенными жанром, на чем настаивал ученый. По-видимому, и до сегодняшнего дня остается не вполне изученным вопрос о значении для Пушкина и его современников художественно-публицистических «сплавов» Радищева, диктующих особую логику в среще-

¹ Якушкин В. Е. *Радищев и Пушкин*. М., 1886. С. 26.

² Сакулин П. Н. *Пушкин и Радищев: Новое решение старого вопроса*. М., 1920. С. 31.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 32.

нии «нравственных» наблюдений с «литературными». Остается не до конца уясненным значение того обстоятельства, что, «переписывая» книгу Радищева, Пушкин употребил блестяще использованный самим Радищевым прием литературной условности, предполагающей не прямое авторство, а авторство *через соавторство*, через диалог с литературой в широком и конкретно адресном значении слова. Вскользь брошенная реплика «...он вечно кому-нибудь да подражал»⁵ в статье «Александр Радищев» имеет знаковый характер в том плане, что указывает на прием, который был замечен и продуктивно применен самим Пушкиным. Очевидно, неподдельный интерес и уважение его к личности Радищева объяснялись и определенной творческой близостью к объекту изображения и одновременно исследования, воспроизводимому не только сквозь систему субъективных оценок (на что, как правило, устремлено внимание литературоведов), но и опосредованно, через *переусвоение* стиля тех сочинений Радищева, которые Пушкин признал наиболее интересными в литературном отношении.

Прежде всего, это «Памятник дактилохореическому витязю»: «Между статьями литературными замечательно его суждение о Тилемахиде и о Тредьяковском...», – пишет Пушкин (12, с. 35). Примечательно, что в целом проза Радищева объявляется им более слабой в художественном отношении на основании уже отмеченного нами критерия: «В ней не имел он образца.» (12, с. 35). Однако применительно к «Памятнику...» данный критерий себя полностью реализует: здесь представлены не собственно только «суждения» или фабульная сторона рассказа, но и сам механизм *со-творчества* с литературными и иными источниками, что особенно интересует Пушкина – художника и публициста, создавшего в 30-е годы сложные повествовательные структуры, с системой «подставных авторов», с беллетризованными вставками, с откровенной апелляцией к так называемым «образцам» (вспомним, к примеру, памфлет «Настоящий Выжигин» в составе пушкинской статьи «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», имеющий – в качестве перелицовки традиционного нравственно-сатирического жанра – несомненную эстетическую значимость).

Сложная иерархичность литературно-книжных и житейских образов, предложенная в сочинении Радищева, уже предвосхищала пушкинскую «множественность точек зрения» (Ю. М. Лотман), среди которых «подражание» – как некий ракурс восприятия – теряло явную тенденциозность, ориентацию на пародийность. Автор сознательно сплетает сеть неявных соответствий, выстраивая некую конструкцию на основании соотносимых рядов, и в их числе нет одного-единственного, которому бы отдавалось предпочтение. Так, «картинкам» снова-

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17-ти т. М.; Л., 1937–1959. Т. 12. С. 35. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома, части и страницы в скобках.

дений из произведений Расина, Шекспира и Хераскова назначена функция производящей «памяти воображения»⁶, посредством которой происходит углубление и расширение конкретной ситуации: «Цымбалда, пробудившись, был смутен. Он видел сон, и сон его беспокоил»⁷. «Подражание» оказывается не обращением к источникам вследствие несостоятельности сущего или «снижения» его в пародийных целях – речь идет о диалоге существенности с литературностью, диалоге, продуктивном для обеих сторон, катализирующем качественно новое отражение мира в диалектике разноаспектного и разноуровневого его содержания.

Многоступенчатость восприятия рождает используемую впоследствии Пушкиным структуру присоединения локализованного автора к оставшейся «за текстом» группе как бы подразумеваемых рассказчиков и сочинителей: они «помогают» представляющему автору выразить себя, но и не только себя, создавая в итоге объемную (в единстве быта и его культурных персонификаций) неделимую структуру.

Подобный процесс намечен уже Радищевым: «... Цымбалда... читал и перечитывал Тилимахиду», вследствие чего «выучил ее... твердо наизусть...»

Цымбалда читать мог то только хорошо и твердо, что читывал много раз, что, затвердивши, мог читать без книги; писать не иначе мог как по линейкам, не иначе, как имея всегда пропись пред глазами» (2, с. 204). В свою очередь, «Фалелей, забрав в память несколько Тилимахидо-дядькиных выражений, начал сон свой рассказывать...» (2, с. 207). И закономерно, что язык любви в устах Фалелея, брата фонвизинского Митрофана, в определенный момент качественно преобразуется, насыщаясь любовной риторикой – но уже не в функции «чужого слова», а в значении слова «присвоенного» и «переусвоенного», отразившего древнейшие представления о женских добродетелях в соответствии с исконными установлениями: «Нравится мне в ней молчание, скромность, уединение и к трудам прилежность, радение о доме родителя..., презрение к суетным всем уборам и незнание красоты своей; счастлив тот человек, кто сопряжется с ней. Буду любить ее, доколе жив буду» (2, с. 212).

Столь же отчетливое обращение к общему началу, апробированному словом культуры и закрепленному авторством, встречается и в пушкинских произ-

⁶ Сравним в беллетристическом произведении позднейшей эпохи аналогичный способ видения и постижения действительности: «... мне кажется, что всякое происшествие рисуется нам памятью, как картина, списанная с натуры талантливым пером...» (*Современник*. 1850. Т. XIX (1). Отд. 1. С. 23–24).

⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 206. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.

ведениях, где герой заключен в пределы наивного «бытового» сознания, устремленного, однако, на то, чтобы превозмочь предназначенные судьбой обстоятельства. «Воображение» Белкина из «Истории села Горюхина» «тревожит» мысль о том, чтобы «оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повествования истинных и великих происшествий...» (8, 1, с. 132). Звание литератора представляется ему «самым завидным» в том самом смысле, в каком сочинителем считается себя радищевский Цымбалда, доморощенный «соавтор» и популяризатор «Тилемахиды» Третьяковского: «Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты» (8, 1, с. 127). Выйдя из поры юности, пушкинский герой отважился сам «сделаться писателем». Перед глазами его были те же «прописи» («Все роды поэзии... были мною разобраны, оценены...» – 8, 1, с. 131), позволившие попробовать себя в жанрах эпической и шутиливой поэмы, трагедии, баллады, повести и т.д.

Направление поисков Радищева на пути к усложненной форме в «Памятнике дактилохореическому витязю» выразилось наиболее явно созданием многоступенчатой композиции произведения, которую составили «Предисловие» от автора, разговор Б. и П. во «Вступлении» об испытывавшей на себе общественное предубеждение поэме и, в качестве доказательства, наглядное – в беллетризованно-драматической форме – подтверждение ее «годности»; затем – филологическая дискуссия в «Апологии Тилемахиды и шестистопов» и вывод, совпадающий, очевидно, с мнением автора. Все это могло отразиться на опытах Пушкина – прозаика и критика, а также некоторых его современников, например, Н. И. Надеждина⁸, однако именно произведения Пушкина удостоверяют это наиболее непосредственно.

Уже в авторском предисловии «Памятника...» задана «двойная призма» возможного взгляда на предмет: внешним образом она связана с травестированием стилового эклектизма Третьяковского, его «синонимических упражнений» (В. А. Западов) и не выходит за пределы пародийных способов изображения, характерных для эпохи. В широком историко-литературном плане, начиная с «Предисловия», выдвигается проблема прозы как равнозначной по отношению к поэзии области – прозы как субстанционального начала и как беллетризованного массовой словесностью конгломерата стилей (проницательно в этом отношении замечание Л. В. Пумпянского: «... «Предисловие», очевидно, должно было

⁸ См. построенные сходным образом рецензии Н. И. Надеждина «Иван Выжигин», нравственно-сатирический роман (Сочинение Фаддея Булгарина), и «Всем сестрам по серьгам (Новая погуodka на старый лад)» (Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 79–97, 98–123).

выразить ироническое отношение Радищева к вульгарно-развлекательной мещанской беллетристике...» (2, с. 394).

Выдвигается проблема автора и его функций, границ его художественных и идеологических возможностей, проблема литературного героя в соотношении с автором и т. д. С одной стороны, декларируемый принцип смешения стилей в заголовке «Предисловие, предуведомление, предъизъяснение, пред... и все тому подобное» и выстраивание неровных в стилевом отношении словесных рядов: «Для дополнения стихотворного отделения моей библиотеки, вивлиофики, книгохранилища, книгоамбара, я недавно купил Тилимахиду» или «... я составил следующую диссертацию, разыскание, разглагольствие, или... нечто, дрянь... или памятник» (2, с. 201), как будто призваны зафиксировать в «Тилимахиде» и подобных ей произведениях, лишенных «вкуса», все «столь странное, столь глупое, столь смешное», по словам одного из дискутирующих (2, с. 202). С другой стороны, именно такая широта стилевых возможностей (что было очевидно для Радищева, иначе он не ввел бы оппонента П. – господина Б.) позволяет «перевернуть» вопрос и говорить о том, что сочинение Тредиаковского «на что-нибудь годится» (а не только «ни на что не годится») (2, с. 202).

Зарождается та парадоксальность, которая затем блестяще разовьется в стиле Пушкина. Радищевский парадокс выступает в качестве предпосылки особога «взаимоотношения поверхности и глубины пушкинских текстов»: «Пушкин, как известно, чужд какой бы то ни было эксплицитной философии. И все-таки его творчество полно имплицитного философского смысла. Смысл у Пушкина рождается в напряженном и все же уравновешенном взаимодействии стилей, языков, дискурсов, жанров. Таким образом, глубина Пушкина находится на поверхности текстов. Это, если обострить парадокс, и есть глубина, скрытая на поверхности»⁹.

«Предисловие» в «Памятнике...» – уже некоторым образом аналог и прообраз «собранья пестрых глав»¹⁰, «обширного» онегинского «плана» (Е. А. Баратынский) и нового героя, о котором Л. И. Тимофеев пишет следующим образом: «... Тредиаковский стремится к многостильности речи... Эта своеобразная смесь мещанского просторечья и церковной книжности», осложненная «влиянием на Тредиаковского западно-европейской и античной культу-

⁹ Шмид В. *Парадоксальность Пушкина // Парадоксы русской литературы: Сборник статей / Под ред. В. Марковича и В. Шмида. СПб., 2001. С. 142–143.*

¹⁰ По точному замечанию В. А. Грехнёва, «... в «Евгении Онегине» роман нового времени в его национально-русском варианте как бы еще только нащупывает, художественно рефлектируя, свою жанровую природу. Сама жанровая материя его выглядит в глазах Пушкина прежде всего как опредмеченное содержание» (Грехнёв В. *Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 441*).

ры», имеет сильную сторону, поскольку «улавливает тот тип нового героя, который отвечает требованиям эпохи, те новые жанры, которые отвечают задаче раскрытия нового характера лирического героя»¹¹.

Можно предположить, что неоднозначность и многоплановость изображения, заданные Тредиаковским, были созвучны Радищеву и его концепции человека, и это в стилевом отношении сказалось в расширении – путем их расшатывания – бытующих стереотипов нравоописания. Достаточно привести фрагмент письма Радищева А. Р. Воронцову от 27 сентября 1797 г., имеющий сложную конструкцию, где столкновение книжных и бытовых элементов может восприниматься не только в традициях бурлеска, но и в соположении их как составляющих онтологическое сложное единство: «... мне не весело. Однако я призываю к себе на помощь всю философию и риторiku; я обращаюсь к рассуждениям и силлогизмам всякого рода; ... и, мужественно выдержав бой, чтобы рассеять тучи, омрачавшие мой разум и душу, ныне, как некогда Феб, вышедший во всем блеске из лона Амфитриты, я радостно, выйдя, правда, только из бани с еще мокрой головой, берусь за перо... Согласитесь, что человек – существо весьма смешное, весьма забавное, весьма нелепое. Он плачет утром и смеется вечером, хотя ничего и не переменялось, а иногда и он сам и с места не двинулся, плотно усевшись в кресло в колпаке и ночных туфлях» (3, с. 504). Налет окрашенной иронией шутливости (применительно к литературному тексту, и здесь можно было бы обнаружить признаки травестии) не может в данном случае умалить серьезности и принципиальности высказывания Радищева. Параллелизм «цветов воображения» и как таковой «натуры», естественный «перевод» силлогизмов на язык повседневности, не исключая при этом и обратного «перевода», закономерно заканчиваются апологией человеческого в человеке, во всем его неисчерпаемом многообразии. Возможно, именно за предпосылки такого понимания человека Радищев, по выражению Пушкина, и «любил» Тредиаковского «из отвращения от обще-принятых мнений» (12, с. 35).

Стилевые соответствия свидетельствуют о том, что литературное экспериментаторство Радищева было замечено и освоено Пушкиным. Сравним в «Истории села Горюхина» формы «наивного» самовыражения героя, подобно Цымбалде, склонного к сочинительству: «Повели меня на заднее крыльцо, на встречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея» (8, 1, с. 129). Или: «После генерала Племянникова, у которого <го> батюшка был некогда адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком» (8, 1, с. 127). Или об авторе «Новейшего письмовника»: «Мрак не-

¹¹ Тимофеев Л. И. Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1769) // Тредиаковский В. К. Избранные произведения / Вступ. статья и подготовка текста Л. И. Тимофеева. М.; Л., 1963. С. 45–46. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд).

известности окружал его как некоего древнего полу-бога; иногда я даже сомневался в истине его существовани<я> ... Однако же он все преследовал мое изображение, я старался придать какой-нибудь образ сему таинственному лицу, и наконец решил, что должен он был походить на земского заседателя Корючкина, маленького старичка с красным носом и сверкающими глазами» (8, 1, с. 127–128).

Прием «невинного» проговаривания (как внешнего выражения скрытой авторской иронии) был представлен в черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург». Сказовая интонация слышна здесь так же хорошо, как и в «Истории села Горюхина»: «... не могу не заметить, что со времен возведения н<а престол> <?> Романовых от Мих.<ила> Ф.<едоровича> до Ник.<олая> 1, правительство у нас всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно. Вот что и составляет силу нашего самодержавия. Не худо было иным европейским государствам понять эту простую истину. Бурбоны не были бы выгнаны вилами и камнями, и английская аристократия не принуждена была бы уступить радикализму» (11, с. 223). В белой редакции этот фрагмент был «переведен» из сказового в план авторско-нейтрального повествования, в результате чего почти полностью приглушенным оказался подтекст.

Бессознательно воспринятая «пестрота» действительности – на уровне персонажа, наряду с ее сложной литературной организованностью – на уровне автора создали то многоплановое впечатление, к которому последовательно шел Пушкин-прозаик. В «Повестях Белкина» эпиграфом из «Недоросля» задан – как один из возможных – «митрофановский» взгляд на вещи (родственный во всех отношениях радищевско-фалеевскому), позволивший видеть в повестях автора произведения, мало отличного от Белкина и других «подставных авторов», рядового сочинителя; но всем образным строем здесь же создан пушкинский облик мира со «сложной, ступенчатой композицией авторства»¹². Можно с большой долей вероятности предположить, что «двойная мера восприятия», уравнивающая литературность и быт, прозу и поэзию действительности, вырабатывалась у Пушкина и при посредстве Радищева. Впоследствии это привело к созданию «двустепенного авторского пушкинско-белкинского образа», по определению С. Г. Бочарова¹³. Для такого, «полного понимания», считает исследователь, «очевидно, нужно в читателе как бы двойное зрение, способность воспринимать в повестях и ту и другую их интенцию, и неутраченная способность про-

¹² Бочаров С. Г. *Поэтика Пушкина: Очерки*. М., 1974. С. 157.

¹³ Там же. С. 154.

стого наивного чтения, и в то же время литературная изощренность»¹⁴. Но разве не Радищеву принадлежат сращения: «Я пою Бову с Сумою», «... дядькин / Бова нового покроя» – в поэме «Бова»¹⁵ и аналогичные – в «Памятнике дактилохорейческому витязю»?

Ю. В. Стенник отметил: «Логика рассуждений поэта как будто вытекает из суждений, находящихся в рассмотренной выше главе радищевской книги...»¹⁶. Но совпадения в «логике» мироотношения и способа выражения у Пушкина и Радищева встречаются постоянно: в основном, они проявляются в «странных сближениях», парадоксах, которые в ином мировоззренческом ракурсе себя не обнаруживают. Сравним, например, афоризмы Пушкина о Радищеве и Радищева о Третьяковском. В черновой редакции пушкинской статьи «Александр Радищев» читаем: «Вот все что мы видим в Радищеве. Отымите у него честность, в остатке будет Полевой» (12, с. 355). Сравним с высказыванием Радищева о Третьяковском в сводной редакции «Путешествия...»: «Если бы он из Фенелона романа извлек токмо, так сказать, эссенцию, оставив все скучное и поэме неприличное, то и он бы мог иметь подражателей»¹⁷.

Обратим внимание и на характерное для Пушкина включение предмета в разные ценностные контексты, что, с одной стороны, выявляет грустную иронию самой действительности, ее относительность, с другой же – утверждает непреходящую значимость как такового, взятого отдельно предмета. В черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург» находим: «Я раскрыл ее <книгу – Н. В.> и прочел заглавный лист: *Путешествие из П.<етер>Б.<урга> в М.<оскву> 1791 года* – книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, ныне типографич. <еская> редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на почетной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика» (11, с. 224). Сравним в «Дубровском»: «И портрет этот (портрет матери героя – Н. В.) достанется врагу моего семейства, – подумал Владимир, – он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями, или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей...» (8, 1, с. 182). Сопоставим эти отрывки с фрагментом письма Радищева А. Р. Воронцову от 26 ноября 1791 г.: «Время покажет либо превосходство, либо несостоятельность правил Базедова; но в моих глазах каждый человек,

¹⁴ Там же. С. 154.

¹⁵ Радищев А. Н. Стихотворения / Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. А. Запорова. Л., 1975. С. 139–140. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

¹⁶ Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 335.

¹⁷ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подготовил В. А. Запов. СПб., 1992. С. 273. («Лит. памятники»).

вливающий на состояние умов, заслуживает известности. В баснословные времена из него бы сделали бога; в Греции ему возвели бы храм. А в наше время... , если человек и заслужил бессмертие, так ему сделают милость и спелят его бюст, который поместят в будуаре или в кабинете редкостей» (3, с. 407).

Разностильность синонимического ряда и градации внутри него разработаны Радищевым. Господин П. говорит: «Невозможно подумать, чтоб книга сея на иное что годилася, как на завивальные бумажки или на что пожелаешь» (2, с. 202). Не в «диалоге» ли с Радищевым подобный оборот у Пушкина становится «общим местом»? Сравним в предисловии «От издателя» в «Повестях Белкина»: «... Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частью романа, которого он не кончил» (8, 1, с. 61).

Сближение разных пластов жизни без заострения комических стиливых несоответствий было узаконено Радищевым, автором «Бовы», «Памятника дактило-хореическому витязю» и «Путешествия из Петербурга в Москву», где заложен стиливой полифонизм. В этих и иных его произведениях книга является отправным началом рождающегося на глазах читателя оригинального творения. Типологически не только сопоставимы, но и функционально близки следующие фрагменты.

У Радищева, в связи с характеристикой Цымбалды: «Он когда-то учился грамоте, не пил ни вина, ни водки... но лучшее в нем качество было его простодушие. Прежний его барин был также грамотей, имел несколько книг, которые читывал только в праздное время, занят будучи всегдашнею карточною игрою, но, незадолго перед своею смертью, все книги он проиграл, почитая за ненужное их взять с собою, опричь двух томов Тилимахида, которую ни в какой цене разыгрывать не хотели... Итак, Тилимахида досталась Цымбалде...» (2, с. 203–204).

У Пушкина в «Истории села Горюхина» Белкин находит в корзине, наполненной «щепками и сором», «собрание старых календарей», и для него это событие эпохальное, поскольку означает обретение книги: «Ключница... с торжеством втащила корзинку в мою комнату, радостно восклицая: «книги! книги!» – «Книги! – повторил я с восторгом и бросился к корзинке. В самом деле, я увидел целую грудку книг в зеленом и синем бумажном переплете – это было собрание старых календарей. – Сие открытие охладило мой восторг, но все я был рад нечаянной находке, *все же это были книги*, и я щедро наградил усердие прачки полтиною серебра» (8, 1, с. 132–133).

Тема книг, найденных «нечаянно», встречается и в неоконченных «Записках молодого человека». У Пушкина речь всегда идет о книгах, «скучных» для

большинства, оставшихся лишь в предании, об азбуках и календарях, имеющих, в глазах автора, неизъяснимую ценность человеческого документа. Их находка героем, испытывающим «наивный» восторг первооткрывателя, производит в авторе столь же сильную эстетическую радость – радость художественного открытия действительности.

В этот ряд попадает и «Путешествие из Петербурга в Москву», которое так же, как и «Тилемахида» Тредиаковского, пересказывается и «переписывается» новейшим автором. Прием, подсказанный самим Радищевым, неоднозначно решает вопрос о том, «годна» она «на что-нибудь» или «не годна». Многоуровневое прочтение «Тилемахиды» подтверждает мысль, высказанную господином Б.: «Я истинно думаю, что она вовсе не бесполезна, – а если можно убедить, что она годится на что-нибудь такое, что доставить может удовольствие, если творец Тилемахиды заставит тебя улыбнуться, то венец ему уже готов» (2, с. 202). Пушкин начинает изложение своей литературной версии книги Радищева с того, к чему пришел ее автор, – он обосновывает ее значимость «радищевскими» аргументами и заранее нацеливает на «медленное», с отступлениями, неодномерное прочтение: «Книгу занимательную вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; *перечсть ее уже невозможно* (курсив мой – Н. В.). Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением – оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания, etc.». Вывод Пушкина парадоксален в том же смысле, что и вывод Радищева: «Книга скучная представляет более развлечения» (11, с. 244). Сравним у Радищева: «Зевать нас многие заставляют; но иная зевота бывает в пору, к стати, иногда похожа быть может на улыбку...» (с. 2, 203).

Эксперименты Радищева не только обогатили Пушкина-прозаика, позволили ему сделать нравописание объектом воспроизведения как в своих критических разборах, так и в прозе, отмеченной «рассказовой» тенденцией. Опыт Радищева открыл Пушкину новые возможности повествования на уровнях автора и рассказчиков, в том числе, и «простодушного» рассказчика. «Пушкинско-белкинский образ» выстраивался и при участии Радищева, опередившего свое время на несколько десятилетий.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ Г. А. ГУКОВСКОГО

И. З. Серман

За давностью лет память, кроме общего впечатления яркой талантливости Григория Александровича, сохраняет и некоторые характерные для его поведения и жизнепонимания мелочи. Так, отмечу, нас всех очень удивило, когда на своем семинаре Григорий Александрович ко всем стал обращаться по имени и отчеству. Это так нас поразило, что мы не сразу привыкли и как бы в шутку стали так величать друг друга. Между тем в этом обращении было что-то уравнивающее нас с ученым и заставляющее нас самих смотреть на себя с каким-то непривычным самоуважением. И во всем его поведении поражало отсутствие дистанции между профессором, уже тогда, в 1934 году, знаменитым, хорошо известным всему ученому миру, и нами, робкими и во многом наивными студентами.

Так вот отсутствие дистанции, дружеское и внимательное отношение к нашей неосведомленности и неопытности очень помогало нам постичь всю сложность и многослойность историко-литературной науки, все трудности на пути постижения того, что позднее стало называться контекстом.

Приведу один очень характерный случай, конфузный по своему смыслу. Григорий Александрович получил для Г. П. Макогоненко и меня разрешение работать в отделе редкой книги Библиотеки Академии наук. Мы пришли, нам дали редчайшие журналы 1760-х годов, мы стали их читать, и у меня ничего не получалось, не складывалось никакого общего впечатления. Г. П. лучше освоил материал, но и он отделался общими словами. Так наша первая попытка кончилась неудачей. Поэтому я предпочел более контекстуального Крылова и написал о нем небольшую и очень тенденциозную статейку, а Г. П. переключился на Радищева.

Григорий Александрович никогда не редактировал наши студенческие работы, считая, видимо, что, брошенные в воду, научимся поневоле плавать. А по поводу моей первой и очень еще беспомощной статейки о Крылове он мне сказал как бы мимоходом: «Под Шкловского пишете», – но взял и напечатал в

сборнике студенческих работ. Со второй моей статьей, дипломной работой о Батюшкове, вышел скандал. Я с ней очень запаздывал, и редактор очередного выпуска «Ученых записок» со студенческими работами семинара Григория Александровича, Виктор Максимович Жирмунский не хотел ее брать. Тогда Григорий Александрович устроил своему лучшему другу (они были на «ты») грандиозный скандал и добился включения моей статьи в сборник. Я, конечно, ничего об этом скандале не знал и узнал о нем много позже, случайно, и не от Григория Александровича. Видимо, им двигало желание представить наш семинар полностью, а не какие-либо отличительные достоинства моей статьи.

Никаких советов по поводу содержания наших работ он не давал, но однажды он дал нам очень важный, общего плана жизненный совет: «Если к вам придет мысль – сразу запишите ее на первом попавшемся клочке бумаги. Иначе забудется и не вспомните».

Иногда брошенное как бы вскользь замечание запоминалось и служило критерием и орудием самоконтроля. «Цитатами можно все доказать», – сказал он как-то, не помню, по какому случаю. Но эта фраза, при всей ее неожиданно-сти, запомнилась...

И много позже, уже в аспирантские годы, он не в качестве совета, а пожелания, утверждал, что аспиранту надо быть женатым для более успешной научной работы. Однажды, уже в аспирантское время, он, как бы между прочим, разговаривая о возможности для нас в будущем преподавать, сказал (передаю не слова, а смысл сказанного): «Будете на кафедре – станете получать недвусмысленные авансы от женской части аудитории. Не обращайтесь внимания, это не вам, а кафедре».

Сам же Г. А. о себе говорил, что он в семейной жизни – Дидро, имея в виду не биографию знаменитого просветителя, а его пьесы с отчетливой моралью.

Еще в студенческие годы я познакомился со старшей сестрой одной нашей студентки, очень красивой, веселой и обаятельной женщиной. В разговоре с Г. А. выяснилось, что он давно ее знает, так как преподавал литературу в ее классе, и она была любимой его ученицей, хотя и с трудным характером. Когда я позволил себе что-то сказать не вполне одобрительное об ее образе жизни, Г. А. с сокрушением отметил: «Значит, она несчастлива в своей семейной жизни». Ответ, поразивший своим знанием жизни, был тогда еще недоступен мне.

Г. А. был очень смел, остроумен и резок в своих, как бы мимоходом сказанных, суждениях и оценках. Одна из них мне запомнилась именно в силу своей неожиданности. Это был редкий случай, когда домой к Г. А., все на ту же тринадцатую линию, пришли мы втроем – Е. Эткинд, А. Левинтон и я. Разговор в связи с шедшей тогда Финской войной принял политический окрас. Мы все дружно критиковали советскую власть, и было за что... И тут Г. А., чтобы прекратить этот нежелательный разговор, резко сказал: «Вы не жили при капитализме», – на эту его реплику нам, конечно, нечего было возразить...

Другие запомнившиеся реплики Г. А. поражали остроумием. Мне запомнился спор между В. Н. Орловым и Г. А. по поводу готовившегося в 1934 г. Орловым в «Библиотеке поэта» сборника «Поэты – радищевцы», куда составитель поместил стихи членов «Вольного общества любителей словесности» за 1801–1807 годы. Я присутствовал при этом споре. Г. А. с концепцией о близости к Радищеву членов этого общества был несогласен. Он сказал: «Какие это радищевцы – это сыновья лейтенанта Шмидта!» – «Золотой теленок» тогда был у всех на слуху, и цитаты из него были во всеобщем употреблении.

Другое, поразившее меня суждение, было высказано Зоей Владимировной Гуковской и Г. А. и касалось оно тогда печатавшегося в «Литературном современнике» романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин». В ответ на мои восторги по поводу первой части романа, супруги иронически заявили, что Тынянов под видом пушкинских родных изобразил своих псковских родичей... Возражать было трудно...

Недавно, после нескольких лет работы над спором Карамзина с Шишковым, я вспомнил одно, совершенно забытое мною, обстоятельство. Весной 1941 года я решил заняться исследованием творчества Шишкова и попросил Григория Александровича Гуковского дать мне на некоторое время сочинения этого писателя. Григорий Александрович разрешил мне их взять. И я, не торопясь, начал перечитывать том за томом... Дальнейшее понятно... 22 июня началась война... Сочинения Шишкова мирно простояли в нашей квартире до моего возвращения в Ленинград в мае 1945 года. А когда возвратился в следующем году Григорий Александрович, я вернул ему Шишкова и, казалось, навсегда покончил с теми смутными идеями, с которыми приступил было к работе. И только заканчивая сейчас эту книгу, я вспомнил то прелестное лето (стояла очень хорошая погода весь май и июнь), мою самоуверенность, с которой я начал штурмовать тома Шишкова после благожелательного разговора с Григорием Александровичем, и неожиданный конец этой затеи.

Осенью 1941 года по приглашению Г. П. Макогоненко я стал работать в Ленинградском радиоцентре на Малой Садовой. Работа моя заключалась в том, что я редактировал, иногда целиком писал, выступления солдат, моряков, рабочих и интеллигентов для программы «Говорит Ленинград».

Я не хотел переходить на казарменное положение, то есть ночевать на рабочем месте, и уходил поздно ночью домой на проспект Добролюбова.

Не помню, по какой причине в конце октября я зашел в Пушкинский дом, где застал Г. А. (все сотрудники поочередно дежурили в институте) в обществе его тогдашней аспирантки Гали Битнер. Мой приход был не очень кстати, поскольку он собирался, как оказалось, читать своей слушательнице главы из своего романа, над которым работал в это время. Названия у романа не было и, как

сказал Г. А., это было нечто вроде смеси Пруста с Хэмингуэем. Ну, а раз уж я пришел, то и был допущен к слушанию этого, к сожалению, пропавшего безвозвратно романа, вероятно уничтоженного после обыска в 1949 году.

Что я помню из услышанного? К сожалению, очень немного. Помню главу, которая называлась «Бедная Лиза», и в которой рассказывалась любовная история. Прочитав ее нам, Г. А. сказал, что на самом деле все было иначе, но как иначе – не объяснил.

В своих книгах Г. А. очень внимательно и даже с некоторым нажимом ссылался на своих учеников. Так, в книге 1938 года «Очерки русской литературы XVIII века» он назвал тогда еще не напечатанную, но уже готовую статью Г. П. Макогоненко «Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева». И это вполне понятно: Г. А. очень нравилась центральная идея этой статьи, и он хотел оповестить весь мир о ее существовании.

Другой случай еще удивительнее. В книге 1946 г. «Пушкин и русские романтики», книга, в свое время переизданной и потому хорошо известной, есть такое место: «...вакхические мотивы и мотивы любви <...> нерасторжимо переплетаются с мотивами вольнолюбия, вернее составляют их органическую часть». К этим словам следует сноска: «Об этом говорится в неизданной работе Г. П. Бердникова о поэтах-декабристах».

Казалось бы, что это свидетельствует об особенной щепетильности Г. А. как исследователя, который не хочет присваивать ценное с его точки зрения наблюдение одного из участников своего семинара, каковым в студенческие годы и был Бердников. Но мы, участники семинара, знаем, что работа Бердникова была не только не издана, она никогда не была написана. Г. П. устно изложил свои наблюдения, но так и не предал их письменной форме, а Г. А. запомнил эти наблюдения и превратил несуществующую работу, к удивлению членов семинара, в «неизданную», то есть как бы фактически реализованную.

За это внимание и многое другое, что сделал для Г. П. Бердникова Г. А., автор ненаписанной статьи ответил своими доносительными показаниями во время следствия по делу Г. А.

Защищая своих, Г. А. использовал всю силу своего ораторского таланта. В 1940 г. в Пушкинском доме делала доклад Лидия Яковлевна Гинзбург, давний друг дома Гуковских. Доклад был о Лермонтове, о его отношении к Байрону. Шло, как водится, обычное обсуждение, как вдруг поднялся аспирант Виктора Максимовича Жирмунского – Коля (как мы его привыкли звать) Верховский – и позволил себе несколько колких замечаний по поводу доклада.

Что тут началось: Г. А., как лев, обрушился на Колю и развеял в прах все его, может быть и дельные, возражения. Никогда больше я не видел Г. А. в таком гневе и ярости. Так он понимал дружбу и никогда ей не изменял.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛГПИ
им. Герцена** – Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена (ныне – Российский государственный педагогический университет)
- ОР** – Отдел рукописей
- РГБ** – Российская государственная библиотека
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- РНБ** – Российская национальная библиотека
- ТОДРЛ** – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук
- ЦГИА** – Центральный государственный исторический архив (ныне – Российский государственный исторический архив)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Надежда Юрьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Область научных интересов – русская литература XVIII века и русско-немецкие культурные связи этого периода. Имеет около 30 научных публикаций.

Вершинина Наталья Леонидовна – профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой литературы Псковского педагогического государственного института имени С. М. Кирова. Область научных интересов – русская литература XVIII – первой половины XIX века. Имеет около 200 публикаций, в том числе одну монографию.

Дёмин Антон Олегович – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Область научных интересов – русская литература XVIII века и русско-французские культурные связи этого периода. Имеет около 20 научных публикаций.

Костин Андрей Александрович – аспирант Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Область научных интересов – творчество Радищева, русско-немецкие культурные связи XVIII века.

Кочеткова Наталья Дмитриевна – доктор филологических наук, заведующая Сектором XVIII века Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Область научных интересов – русская литература XVIII века в ее национальном и европейском контексте. Имеет около 180 научных публикаций, в том числе три книги.

Левитт Маркус – профессор, заведующий кафедрой в университете Южной Калифорнии в Лос Анджелесе. Область научных интересов – русская литература XVII – XIX веков. Автор многочисленных статей по русской литературе XVIII века, издатель биографического словаря «Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries» (Detroit, Washington, London, 1995).

Сапченко Любовь Александровна – кандидат филологических наук, работает в Ульяновском государственном педагогическом университете. Область научных интересов – русская литература XVIII– XIX веков.

Сафонов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Область научных интересов – история России второй половины XVIII – первой четверти XIX века. Имеет около 400 публикаций.

Серман Илья Захарович – доктор филологических наук, профессор Иерусалимского университета. Область научных интересов – русская литература XVIII–XX веков. Имеет более 400 научных публикаций, в том числе несколько монографий.

Фоменко Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая отделом Российской государственной библиотеки (Москва). Область научных интересов – русская литература XVIII – первой четверти XIX века. Имеет около 30 научных публикаций.

Петербург в европейском пространстве науки и культуры

К 300-летию Петербурга

А. Н. Радищев: русское
и европейское Просвещение

Литературный редактор:

Н. С. Морозова

• Техническое редактирование, оформление обложки:

Т. А. Парфеева

ЛР № 020735

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ПИЯФ РАН
188300, г. Гатчина Ленинградской обл., Орлова роша
Зак. 410, тир. 499, уч-изд. л. 10; 14.09.2003 г.
Формат 60x84 1/16, печать офсетная

К 300-летию Петербурга Объединенный научный совет по гуманитарным наукам и историко-культурному наследию Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук провел серию междисциплинарных конференций и семинаров на тему **«Петербург в европейском пространстве науки и культуры»**.

Конференции и семинары сопровождаются выпуском книг, включающих материалы по вопросам, затронутым на заседаниях.

В 2003 году вышли из печати сборники: **«Вклад ленинградских – петербургских ученых в развитие экономической науки»**, **«Петербург на философской карте мира. Выпуск 2»**, **«Петербургские фрагменты научной картины мира. Выпуск 2»**.

Готовятся к изданию сборники: **«Петербург в экономическом пространстве: история и современность»**, **«Петербургские фрагменты научной картины мира. Выпуск 3»** и **«Петербург на философской карте мира. Выпуск 3»**.